

Иван Тарба

Солнце встает у нас

Роман

Перевод с абхазского В. Солоухина

(Публикуется по изданию: И. К. Тарба. Избранные произведения. В 2 т. М., Худож. лит., 1981. Т. 2.)

(Сканирование, вычитка - Абхазская интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>.)

I

Новолуние — вот как называется наше село. Не спрашивайте у меня, почему оно так называется, ибо я тоже об этом ни у кого не спрашивал. Никто в селе не спрашивал у других, откуда идет такое название. Все понимают, что оно существует испокон веков. Меняются в селе поколения людей, а название остается.

Впрочем, я-то родился в другом селе. Я был один у отца и матери. Отец погиб во время войны, мама умерла. Врачи говорят, что она умерла от рака, но я думаю, что от горя. Я остался один. После того как я окончил институт, меня направили работать в Новолуние. Когда я впервые приехал в это село, когда я показывал в конторе колхоза соответствующие документы, когда я знакомился с первыми повстречавшимися мне людьми, я ни у кого не спрашивал, почему село называется именно так. Поэтому не спрашивайте и у меня. Гораздо важнее, что село мне с первого дня очень понравилось. Теперь я совсем привык к нему и называю своим... Не только называю, но и считаю. По натуре своей я человек деревенский. Над моими деревенскими привычками, повадками в институте часто подсмеивались мои друзья. Некоторые из внешних привычек, может быть, я во время городской жизни утратил. Но в душе, в характере, в глубине я остался деревенским, это я хорошо знаю. Наверно, поэтому я так быстро привык к Новолунию и полюбил его.

По специальности я врач. Ветеринар. Меня научили лечить больных животных, теперь всю свою жизнь я буду заниматься этим. Некоторые пренебрежительно относятся к моей профессии. Новолунские парни, когда проходишь мимо них, подмигивают друг другу и ухмыляются. Вон, мол, идет коровий бог. Может быть, мне только кажется, что они надо мной подсмеиваются, а может, все это правда. Но мне безразлично, я не придаю этому никакого значения. Я знаю, что, как бы ни перемигивались, как бы ни ухмылялись новолунские парни, ухмылки их только внешние. Они ведь тоже крестьяне. А всякий крестьянин уважает ветеринара, потому что ветеринар лечит его скоту. И меня уважают тоже; пожалуй, даже больше, чем я пока что того заслужил.

Лучше всего мою работу, а значит, и меня понимает Харзаман. Он знает, что такое ветеринар там, где жители занимаются скотоводством. Кроме того, он рас- суждает так. Доктору, лечащему людей, очень легко и просто. Вот придет он к больному, спросит, сколько ему лет, узнает, курит ли больной и давно ли курит, увлекается ли спиртными напитками, а попросту — частенько ли пьет вино, и помногу ли пьет, и как чувствует себя

на другой день после выпивки, потом начнет спрашивать, на что больной жалуется, подробно расспросит врач больного о его болезни: давно ли беспокоит и в каком месте болит, задаст тысячу бесполезных вопросов и где-нибудь, как-нибудь в конце концов наткнется на правду о болезни. После этого врач выпишет дозу лекарства, которого хватило бы и для лошади, и уйдет со спокойной совестью.

Другое дело — ветеринар. Животное не скажет, не пожалуется, не расскажет истории своей болезни. Оно только смотрит жалобными глазами, и в глазах этих вместе с жалобой видна мольба о помощи и надежда, что я, человек, что я, ветеринар, эту помощь сейчас окажу. Я должен без наводящих вопросов, без выпрашиваний определить, где скрыта болезнь, нанести ей удар, ослабить ее, а потом ликвидировать навсегда... Вылечившийся человек скажет доктору сто раз спасибо, а что может сказать лошадь или коза? Опять же только во взгляде животного я смогу прочесть теплую благодарность и теплую ласку. Харзаман с детства занимается скотоводством. Козы, или, как мы пишем в разных сводках, мелкий рогатый скот, — основная или даже единственная профессия Харзамана, его главное дело на земле и в жизни. Как только в Новолунском колхозе организовали ферму мелкого рогатого скота, так Харзамана и назначили заведовать этой фермой. Кто же лучше его может понимать значение моей профессии?

Харзаман, конечно, не учился, подобно мне, в институте. Анатомию барана или козла он знает только по опыту: приходилось резать, приходилось разделять туши, приходилось и есть баранину, то вареную, а то в виде шашлыка. Но дело и в том, что помимо анатомии Харзаман понимает душу, психологию своего мелкорогатого животного, и поэтому его лечение, его первая помощь заболевшей козе бывает подчас эффективней моей, хотя за моими плечами стоит наука. Но вообще-то мы живем с Харзаманом дружно и работаем согласованно. Я бы сказал даже, что мы с ним удачно дополняем друг друга: у него больше опыта и народной мудрости, у меня больше современных знаний.

На ферме крупного рогатого скота тоже очень толковый заведующий. Я понимаю, что если взялся писать, то лучше писать по-литературному: овцы, козы, коровы, лошади. Но мне все время в колхозе приходится иметь дело со справками, с актами, с разными документами. Понятия мелкий и крупный рогатый скот для меня так же привычны, как для обыкновенного врача привычно понятие миокарда, хотя лучше бы говорить просто — сердце.

В общем, заведующий фермой крупного рогатого скота в нашем колхозе Зафас Бигуаа тоже прекрасный человек. Может быть, он даже не хуже Харзамана, но Харзамана я узнал ближе и полюбил сильнее. Если же говорить о пастухах, то на обеих фермах в нашем колхозе замечательные пастухи.

В нашем колхозе многоотраслевое хозяйство: и табак, и кукуруза, и фрукты. Однако, когда начинаем в конце года подводить балансы, оказывается, что животноводство занимает не последнее место. Еще бы! Мы, люди Новолуния, живем в таком уголке земли, где разводить скот, как говорится, велел сам бог. Как только пройдешь вдоль всю деревню, как только минуешь самый последний, а в сущности, самый первый, самый начальный дом — дом Харзамана, так сразу же начинаются горы. В горах, как известно, горные пастбища.

Зимой мы держим наш скот у подножья гор. Запасаем корм, чтобы хватило на время стоянки, обеспечиваем скот помещениями. Потом, с наступлением жары, мы начинаем продвигаться в горы. Чем жарче разогревается лето, тем выше забираемся мы вместе с нашими мелкими и крупными рогатыми. К осенним холодам, к зиме возвращаемся вниз в деревню. Так и живем. Ритмично, как маятник, колеблется наша жизнь между высокогорными пастбищами и подножьями гор, между зимой и летом, между холодом и жарой. В Новолунии не было ветеринара, вот почему меня направили сюда на работу, когда я окончил институт.

Зовут меня Алоу, фамилия моя Нанба. Я хочу представиться вам как следует. Я не хочу быть похожим на суфлера, который прячется в своей пыльной будке и оттуда

подсказывает актерам, что им делать и что говорить. Люди, с которыми я говорю или которым я рассказываю, должны видеть меня, мое лицо. Они должны быть уверены, что если я произношу слова, то это мои слова, никто мне их не подсказывал, никто мне их заранее не давал.

Я не писатель, хотя и решаюсь рассказывать о других людях и о их делах. Если в моих записках будет не все гладко, не все по правилам — не взыщите. Где мне было взять литературного опыта и мастерства! Просто я с первого дня прибытия в Новолуние начал вести дневник. Сначала я записывал в него только свои впечатления и переживания, потом стал записывать разные события, происшедшие с другими людьми. Потом мне пришло в голову немного обработать мой дневник, придать ему вид и форму литературного произведения. Потом я показал свои записки одному журналисту, приехавшему к нам в Новолуние из Сухуми, и тот сказал мне, что если еще немного посидеть над записками, то получится настоящая книга. Одним словом, все, что вы читаете на этих страницах, написал я, Алоу Нанба, ветеринар из села Новолуние. Иногда вы будете встречаться с описанием событий, в которых я сам не принимал никакого участия, потому что находился в это время в другом месте. Могу сказать в свое оправдание, что, прежде чем занести такое событие в свой дневник, я тщательно проверял, подробно расспрашивал, как было дело, и, только удостоверившись в подлинности события, вставлял его в свой дневник.

Итак, дорогой читатель, я хочу ввести тебя в село Новолуние, рассказать об окрестных горах, о родниках, текущих поблизости, о жителях Новолуния, с которыми мне приходилось встречаться. Хорошо, если бы и ты полюбил Новолуние, как полюбил его я, приехавший сюда на работу, а до этого не слыхавший даже о селе с таким названием. Есть поверье: кто хоть раз напился воды из новолунского родника, тому всю жизнь будет казаться невкусной всякая другая вода, все время этот человек будет стремиться в Новолуние, чтобы еще раз напиться чудесной воды.

Сначала я смеялся над этим поверьем, теперь и сам говорю то же самое. Я на себе испытал, что это так, потому что никуда не тянет меня больше и я ни за что не хотел бы расстаться с этим селом. Без Новолуния нет для меня на земле ни счастья, ни самой жизни. Может быть, так случилось потому, что через Новолуние легло начало моего самостоятельного пути.

Когда я смотрю на село издали, с высокой горы, мне напоминает оно усталого богатыря, растянувшегося отдохнуть на зеленой траве. Своим изголовьем село избрало уступы гор, а ногами касается ласковых журчащих волн Черного моря.

Почти от самого морского берега начинаются бугры, холмы, возвышенности. Они вздыбливаются, круглятся, снова спускаются в низины и лощины, но тем не менее неуклонно, ступенчато поднимаются все выше и выше. Зеленые бугры вздыбливаются и поднимаются все выше, подобно лестнице, до тех пор, пока не достигнут белоснежных, ослепительно сияющих скалистых вершин. Иногда между холмами, поросшими лесом или зеленой травой, словно пышные, округлые желтые караваны, вздымаются холмы, распаханые, засеянные, теперь золотящиеся спелой кукурузой. Все эти холмы, и зеленые и золотые, подобно башлыку, обвивающему шею горца, обвиваются бесчисленными тропинками.

Каких только деревьев не растет в нашем селе! Все больше фруктовые деревья. Теперь посудите сами: есть у нас теплое море, есть у нас чистые горы, живем мы в саду, через который текут светлые родники; что же еще нужно земле, чтобы можно было ее назвать раем? Случайно уронишь или выплунешь косточку, даром не пропадет. Обязательно примется из косточки новое фруктовое дерево.

На севере, где кончается, упираясь в подножье горы, наше село, стоит округлый, как сванская шапка, холм. Там виднеется дом, самый первый или самый последний в Новолунии, с какой стороны считать. Когда идешь по извилистой тропинке, дом то исчезает, скрываясь за зеленью, то возникает вновь. Это и есть дом Харзамана Ахба.

Вот он и сам идет по извилистой горной тропинке. Небольшая дорожная сумка пританцовывает на его спине в такт походке. На левом боку пешехода висит де-ревянная кружка, без которой горец не отправляется в дорогу. Такие кружки у нас называются — ахмачыр. В руках Харзамана палка с железным наконечником. При каждом шаге железо ударяет о кремнистую горную тропинку и высекает искры, но их не видно, потому что солнце, хотя и клонится к горизонту, светит ярко.

Одет Харзаман просто и легко. В дорогу он не перегружает себя тяжелой и громоздкой ношей. Ему уже немало лет, но идет он быстро, без усилий, словно не преодолевает расстояние, а делает какое-то приятное дело, доставляющее ему удовольствие. Так легко и красиво ходят только настоящие горцы.

Харзаман видом, осанкой, всем существом своим и есть настоящий горец. Лицо его художник должен был бы писать, смешивая черную и желтую краски. Оно как хорошо прокопченное, провяленное на солнце и на ветерке мясо, крепкое, словно старая бронза, без лишних морщинок. Есть, конечно, морщины на лице Харзамана, но только те редкие, резкие и глубокие морщины, которые необходимы, чтобы придать лицу рельефность, выразительность и своеобразную красоту. Нос широкий, с горбинкой и рыхловатый по сравнению с остальным лицом. Усы, отчеканенные из серебра, завершают мужественный портрет.

Голова у Харзамана белее усов, она совершенно белая, белым-бела, но, глядя на его, тоже словно из металла литуую, голову, так и чувствуешь, что поседеть-то голова поседела, но не упало с нее ни одного волоска, все на ней в целостности и сохранности, как было с молодости, сначала.

Брови густые, нависшие, а под ними два маленьких горных озера, в то время, когда их насквозь просвечивает ласковое теплое солнышко.

Харзаман, конечно, не следит за своим весом и, вероятно, ни разу не стоял на весах, но вот уж сколько десятилетий он не полнеет и не худеет. Как отлилось, отковалось в молодости в красивую форму его крепкое тело, как сформировалось оно к периоду возмужания, так и осталось в неизменности, и время ничего не может поделать с ним. Даже в поясе не меняется Харзаман ни на сантиметр, ни в ту, ни в другую сторону. Из-за этого часто приходится ему менять свои ремни. Если бы Харзаман то отпускал, то убирал свой живот, приходилось бы ему затягивать ремень на разные дырочки, и тогда он носился бы дольше... Теперь же как затянет Харзаман новый ремень на нужную дырочку, как ляжет пряжка, так навсегда. Под пряжкой быстро натирается черная полоска, потом канавка, потом ремень перетирается пополам, и нужно покупать новый.

Доброта и правдивость словно написаны на лице Харзамана. Всякому человеку, глядящему на его лицо, трудно отвести взгляд, лицо словно притягивает, на него хочется смотреть как можно дольше. Доброта Харзамана словно охватывает вас, вы чувствуете, что и сами становитесь немножко добрее и лучше. Словно сидишь вечером на берегу тихого моря и успокаиваешься и отдыхаешь, и улетают все заботы, и неудачи, и неприятности. Остается в душе только доброе и светлое. Сколько ни гляди в синие глаза Харзамана, не увидишь в них ни хитрости, ни корысти, ни чего-нибудь другого плохого и черного.

Только на первый взгляд лицо Харзамана покажется вам отчеканенным раз и навсегда. Но оно ведь на самом-то деле не бронзовая скульптура и не фотографический снимок. Оно такое же живое, такое же переменчивое, как и море, которое только на первый равнодушный взгляд может показаться всегда неизменно синим. Когда обрадуется Харзаман, светлой и красивой бывает его радость, когда он обидится или рассердится, ярка и выразительна бывает его обида.

Добр Харзаман, и наружность его приятна для глаза. Но ни доброта, ни ласковость взгляда не могут умалить того мужества, которым веет от Харзамана. Оказывается, мужество не обязательно требует свирепого или хотя бы сурового выражения лица. Мужественный человек может быть добродушным... Ему незачем вилять своим взглядом перед глазами

людей, подобно трусу, который жалко влачит свою жизнь и который знает, что каким бы чистым ни казался его взгляд — дно посуды нечисто. Дело в том, что совесть Харзамана так же чиста, как тот родник, из которого он пьет воду вот уже сколько лет, с самого детства, почти что с самого дня рождения.

Если какая-нибудь дума овладевает Харзаманом в пути, то это можно заметить со стороны, потому что глаза его несколько затуманиваются, и вот уж они не так подвижны, все чаще останавливаются на какой-нибудь точке, а вернее, они хоть и смотрят, но временами не видят перед собой. И хоть ио-прежнему быстро идет Харзаман, но поступь его невольно замедляется, а шаги становятся короче... А может быть, и нет никакой глубокой думы, но просто Харзаман вспомнил о том, что он сейчас приближается к месту, около которого нужно остановиться.

Куда бы ни шел Харзаман, домой или из дому, на пастбище или с пастбища, в какое бы время дня ни шел Харзаман, он обязательно останавливается около родника, пробивающегося из скалы. Вот он снял сумку с дорожной снедью, положил ее на землю, а сам сел на высокий камень.

Щель в скале вовсе не велика, словно ударил кто широким кинжалом, и получилась рана. Из узкой, стесненной раны напористо бьет струя воды. Она вылетает из-под земли светлая и сплошная, потом ударяется о камень, лежащий ниже отверстия, разбивается об него, прыгает еще ниже, разбрызгивается, повисает в воздухе и становится похожей на длинные распущенные волосы женщины, поседевшей от горя.

Харзаман сидит на высоком камне около родника и смотрит вниз, на холмы, заросшие зеленью. Он словно ищет что-то там внизу, среди густых деревьев, и, найдя, останавливает взгляд и удовлетворенно расслабляется. Он не улыбается, нет, но какая-то мягкость разливается по лицу, делая менее резкими его черты.

То, на чем остановился взгляд Харзамана, не что иное, как труба его очага. Она возвышается над кровлей дома и немного поднимается над деревьями. Но вообще-то ее можно заметить отсюда, только если из нее идет дым. Если же просто так смотреть посторонним взглядом, то и труба, и само жилище скрыты в деревьях и невозможно догадаться, что кто-нибудь там живет. В этот час не вьется дымка из трубы Харзаманова жилища, невозможно было бы и в бинокль разглядеть трубу, но Харзаман точно определяет взглядом ту, одному ему известную точку, где поднимается из деревьев труба, и смотрит на нее, и некая мягкость разливается по его лицу. Да, только Харзаману, только его ястребиному взгляду дано увидеть заветную милую точку. Другие скользнули бы по темной зелени равнодушным взглядом и не увидели бы ничего.

Прекрасное место для жилья выбрали предки Харзамана: и укромно, и в деревне, и в стороне. Никто тебе не помешает, и, главное, ты тоже не мешаешь никому. Кругом густые деревья, а справа по ущелью, то прыгая с камня на камень, то катясь кубарем, с шумом, с ревом, раздирая кусты и цепляясь за них, подобно раненой медведице, убегающей от преследователей, несется река Аалыпста.

Сидя на камне, Харзаман смотрит теперь поверх всех гор и холмов туда, где далеко внизу на линии слияния моря с небом висит разбухшее красное солнце. Харзаман проследил, как оно опускается все ниже, как оно коснулось морской синевы и тогда синева моря загорелась красным цветом, как оно спряталось наполовину и как, наконец, совсем утонуло в морской глубине.

Харзаман очнулся от созерцания, несуетливо, но быстро подставил кружку под родниковую струю, напился и поднялся с камня, забросив котомку снова за спину. Его походка сделалась еще более легкой, быстрой. Теперь Харзаман спешит, он хочет успеть домой, пока семья не поужинала.

В другое время ложится четкая граница между днем и ночью. Но сегодня молодой месяц выплыл на небо и похож на серп, потерявший ручку, смазал эту границу. Лучи месяца пригоршней рассыпались на горную тропинку, по которой шел Харзаман.

Вот и жилище. Можно было уже толкнуть калитку и войти во двор, но к этому времени на

небе выступило в потемневшей синеве множество звезд, и Хар-заман остановился, залюбовавшись ими. Звезды были похожи на горячие угли, разбросанные широкой лопатой из потухающего костра по прохладной ночной траве. А еще звезды разбежались по небу, как бесчисленные цыплята. Хар-заман остановился, оперся на палку, он смотрит в небо, он ищет свою звезду. Конечно, на небе нет звезды с названием «звезда Хар-замана». Ни на каких звездных картах неба не отмечена такая звезда. Нет на земле другого человека, который знал бы ее и мог отыскать среди золотистых россыпей звезд. Никто не знает ее примет, никто не может ее отличить, один только Хар-заман знает свою звезду. Вот он стоит, опершись на палку, и смотрит в небо.

Как много звезд! Все они словно одна перед другой, словно чтобы показать себя, высыпали все вместе. То ли смеются, то ли хитрят, каждая лезет на глаза впереди других, подмигивает, хочет соблазнить Хар-замана, остановить его взгляд на себе. Но он ищет свою одну-единственную звезду. Вот почему его взгляд скользит по звездам не задерживаясь. Но до каких же пор можно так скользить, сколько звезд можно оставить позади, чтобы вцепиться взглядом в одну-единственную, выделить ее из всех остальных? Да она и сама выделится и станет вдруг ярче всех звезд на небе, стоит только остановить на ней свой ищущий взгляд.

Вот она наконец, заветная, единственная звезда. Она отделилась сразу от своих подруг, пока Хар-заман смотрел на нее, разгорается все ярче и ярче, словно сожалеет о том, что было упущено так много времени. Ее тихий неверный свет упал на глаза Хар-замана и осветил его душу. Как расстояние разделяет их! Но вот видят же они друг друга: звезда видит Хар-замана, а Хар-заман видит звезду. Острый лучик звезды пронзает ночную тьму, чтобы конечным острием своим дотронуться до человека, стоящего около дерева и смотрящего в звездное небо. Оказывается, неспроста зажигаются звезды. Оказывается, каждая звезда горит для того, чтобы ее отыскал взглядом и своим сердцем какой-нибудь человек, и чтобы любовался ею, и чтобы говорил с ней среди таинственной ночной тишины.

Звезда не в силах померкнуть и исчезнуть под пристальным взглядом Хар-замана, и Хар-заман не в силах отвести взгляда от своей звезды. Между ними возникает какая-то тайна, но, с другой стороны, между ними нет никаких тайн. Хар-заман думает, Хар-заман шепчет, Хар-заман поверяет звезде свои самые заветные мысли. Он уверен, что другие звезды на небе не слышат, что он говорит сейчас своим сердцем и своими губами и что слышит это только та единственная звезда, на которую он сейчас смотрит.

Каждый раз его охватывает некоторая тревога: а вдруг звезда изменит ему и больше не выйдет на небосклон? Или: а вдруг он ее не отыщет и спутает с другой? Ведь у нее нет никаких особых примет. Все звезды хороши, все они одинаково сияют и переливаются, и только сердце подсказывает Хар-заману, и тогда он находит свою звезду среди других. Каждый раз нужно ее искать заново, но что из того, если еще ни разу за многие годы Хар-заман не ошибся.

Интересно, хватает ли на каждого живущего человека на земле по звезде? У каждого ли человека есть своя звезда и знает ли он ее, умеет ли отыскать на небе? Я, например, никогда не искал своей звезды и не знаю даже, есть ли она у меня. Я, конечно, люблю звезды. Я очень люблю звезды. Но я люблю их как-то все сразу, все звездное небо. Они для меня все одинаково прекрасны, и нет особенной, которую я искал бы взглядом, подобно тому, как ищет взглядом старый горец Хар-заман. Он ведь верит, что его звезда горит только для него одного, что она приносит ему здоровье, продлевает жизнь, охраняет дом, освещает и указывает путь на горные тропинки, вносит спокойствие в душу.

«Свети, моя звезда, не изменяй мне, не оставь меня в беде», — мысленно обратился к своей звезде Хар-заман и шагнул к калитке.

Первое, что увидел Хар-заман, открыв калитку и войдя во двор, была его собака Былга. Она ползла навстречу хозяину ползком, словно у нее отнялись задние ноги. Она тихонько скулила. Госка оттого, что хозяйина долго не было, боязнь, как бы он не исчез снова, и

радость оттого, что он появился, совсем парализовали собаку. Чем ближе она подползала, тем скулеж ее становился громче. Наконец Былга не выдержала, подпрыгнула и бросилась к Харзаману, положив ему лапы на плечи, а языком лизнув прямо в лицо. Харзаман погладил, потрепал собаку, которая всегда встречала его раньше всех других, пока он еще не вступил на порог дома...

II

Подъезжая к Новолунию, я думал о том, как буду сейчас ходить по деревне и спрашивать, у кого есть свободная комната для жилья. Но все получилось по-другому. В конторе колхоза уже знали, что я должен приехать. Встретили меня очень тепло, тотчас сказали мне, что я буду жить в доме Харзамана. Так все решилось еще до моего приезда. Наверно, в правлении колхоза посчитали, что ветеринару лучше всего жить у старого опытного скотовода. Что ж, у меня не было никаких причин возражать и отказываться.

Лучше бы мне не соглашаться. Нет, не потому, что я попал в плохой дом. Едва ли во всей деревне, да и во всей Абхазии найдешь лучшую семью, чем та, в которой я оказался. Меня встретили, будто родного сына, который несколько лет прожил в городе, а теперь вдруг вернулся к родительскому очагу. Ни на одну минуту мне не дали почувствовать, что я гость в этом доме. Я как будто оказался равноправным членом семьи, но это-то и стало меня понемногу угнетать и превращаться в душевную тяжесть. Как я был бы счастлив приезжать в эту семью гостем на день, на два. Я был бы подобен той птице, которая свободно парит и летает, где захочет. Я был бы свободен от душевных обязанностей, которые наложило на меня чрезмерное гостеприимство семьи Харзамана. Легко ли соблюдать абхазские обычаи и нравы, легко ли принимать с чистой совестью теплоту и ласку абхазцев?

Вы спросите, при чем же тут совесть? А при том, что ко мне относились так, будто я всю жизнь рос и воспитывался в этой семье. Будто я переживал вместе с ней какие-нибудь трудности и делил радости, будто я делился с ними много лет подряд тем, что у меня было, участвовал в доходах семьи, создавал вместе со всеми ее благосостояние. Нет, я ведь не заработал для этих добрых людей еще ни кусочка хлеба, ни одной фасолины, ни одного кукурузного зерна.

Все уважают меня, все стараются по глазам угадать, предупредить каждое мое желание, ухаживают за мной. Мне подкладывают лучшие куски, дают самое сладкое питье, и вообще такое впечатление, что я еще при жизни оказался в раю.

Я ведь понимаю, какую заботу нужно проявить, чтобы все было вовремя и как следует. Это требует не только забот, но и труда. Однако попробовал бы заплатить за этот труд хотя бы копейку. Этим я нанес бы неслыханное оскорбление, смертельную обиду всей семье в целом и каждому ее члену в отдельности. За что же обижать людей, которые ко мне так хорошо относятся, и как же мне теперь быть?

Да разве один Харзаман такой, разве его семья исключение? Точно так же вела бы себя почти каждая абхазская семья. Ничего не поделаешь, придется смириться и нести на себе тяжелый крест традиционного гостеприимства. Нужно приноровиться к этим людям.

Пусть уж лучше мне будет тяжело, нежели обидно им.

Я долго смирялся и терпел, но вот, кажется, и моему терпению наступает конец. Кроме того, дело не только в гостеприимстве, есть и еще, пожалуй, более важная причина. Вот вся семья Харзамана, включая и меня, причисленного к ней, собралась на ужин. Мы расселись на кухне по две стороны низкого стола. Что может быть лучше, когда абхазская семья ужинает на кухне и когда весь ужин приправлен легким приятным дымком, исходящим от очага!

Конечно, когда приходят гости, то стол накрывается в другом, основном доме, в комнате, которую можно назвать гостиной. По-нашему — акуаскиа. Есть такая гостиная и в доме Харзамана. Там стоит большой раздвижной стол. Однако куда приятнее собраться на

ужин за низким столом на кухне.

Во главе стола садится глава семьи Харзаман. Справа от него сын Алиас, по левую руку посадили меня. Рядом со мной сидит жена Алиаса Дес, а напротив меня дочка Алиаса и Дес, внучка Харзамана Амра. Вот и вся семья. Все мы живем под одной крышей, едим за одним столом.

Не хватает в семье жены Харзамана. Но она давно уже ушла из этой жизни. Я не расспрашивал о ней у Харзамана. Мне все рассказали о ней посторонние люди. Она похоронена недалеко от дома, на своей земле, на своей усадьбе. Там, где кончается земля Харзамана, есть высокая крутая скала. Там под сенью скалы и образовалось семейное кладбище Харзамана. Там похоронен его отец, его дед, его дядя, а теперь вот его жена. Кладбище огорожено невысокой изгородью. Вокруг него, образуя квадрат, стоят высокие сосны. На могилах много цветов, а в изголовье могилы поставлено по низкому камню. Харзаман, прежде чем начнет есть, всегда посмотрит на то пустое место за столом, за которым должна была сидеть его жена. Каждый раз он посмотрит на это место и выпьет небольшой стаканчик вина. Он пьет вино вроде бы для аппетита, молча. Но я знаю, что про себя Харзаман о чем-то думает. Ни разу не выпил он бездумно, в рассеянности, между прочим. Какие слова он произносит про себя, я не знаю. Спрашивать об этом нельзя. Харзаман, конечно, не может оживить и вернуть в эту жизнь своих близких, но он не хочет с ними расстаться, не изгоняет их из своей души. Он не отпускает их далеко за пределы своей земли. Он считает, что они просто отделились от его дома, поселились отдельно у высокой отвесной скалы, под сенью старых задумчивых сосен. Они не ушли далеко. Они тут же в пределах своего двора, и сознание их близости успокаивает Харзамана. Я теперь хорошо знаю Харзамана, я точно определяю, в какие минуты он вспоминает своих близких, хотя ни разу еще он не смалодушничал, не заговорил о них вслух. Он вспоминает о них, выпивая стакан вина, но на лице его не заметно ни горечи, ни боли. Теплота и доброта разлиты по лицу Харзамана, они как будто озаряют наш тесный кружок, наш стол.

Мы ужинаем. Но вся беда в том, что я не могу оторвать своих глаз от тарелки. Можно подумать, что я не ел две недели, так жадно, безотрывно я ем. Я не замечаю вокруг ничего, кроме своей еды. Я знаю, что веду себя некрасиво, но ничего не могу поделать с собой. Если бы посмотреть на меня со стороны, наверно, я выгляжу смешно. Я согнулся, как будто у меня на шее или на совести лежит мой убитый мною же отец. Я сижу среди людей, разговариваю с ними, но они не видят моих глаз.

Добрые люди. Они живут мирно, светло, открыто, а я приехал, присоединился к ним, и получилось, словно к их жилищу пристроили комнату, в которой всегда темно и мрачно и в которую никогда не заглядывает солнце.

Я сижу за столом, положив руки по обе стороны тарелки, будто я защищаю свою тарелку, готов, как петух, наброситься на всякого, кто на нее посягнет. Я знаю, что сижу и веду себя некрасиво, но я ничего не могу поделать с собой. Я не поднимаю глаз, но я все же вижу, чувствую, что все остальные ужинают непринужденно, неторопливо, не съездившись и не насупившись, подобно мне.

Как нарочно, куда-то запропастилась кошка. Каждый раз она трется о мою ногу, трогает меня лапой, мяукает и тем самым выручает меня. начинаю заниматься кошкой, даю ей поесть либо отгоняю ее, отвлекаюсь от своей тарелки и становлюсь немного естественнее.

Но кошки нет, и у меня нет предлога отвлечься.

Не поднимая глаз, я беру стакан с вином, медленно пью, потом, забывшись за вином, поднимаю глаза, взглядываю перед собой и... вот уж правду говорят, что, забоявшись холодной воды, обязательно попадешь в кипяток. Целый вечер я не смел посмотреть перед собой, чтобы не взглянуть на Амру, сидящую напротив. А теперь не только я взглянул на нее, но совпало так, что и она в ту же секунду взглянула на меня, и взгляды наши на мгновение слились.

Сначала меня ударило током, потом я почувствовал, что онемели суставы, а потом на лбу

у меня выступили капельки пота. Скорее я снова уткнулся в свою тарелку и уж не поднимал глаз до конца ужина.

После ужина мы с Харзаманом долго еще сидели на балконе. Было слышно, как на кухне Амра и Дес гремят посудой. Они с вечера готовят завтрак, чтобы утром можно было только разогреть и подать нам. Они заботятся, чтобы мы завтра не опоздали каждый к своему делу. Алиас, как видно, устал больше всех, он лег спать самым первым.

Лег спать и я. Сначала я не погасил лампы, стоящей около меня на скамейке, но только привернул ее, убавил света. Я лежу и курю. Здесь, в одиночестве, я чувствую себя свободнее, лучше, я отдышался, пришел в себя. Я выкурил несколько сигарет подряд, и вся комната наполнилась дымом. Ветерок задувает в открытое окно, он несколько развеивает, разряжает мой табачный дым, разгоняет его по углам и потолку. Светлый ветер и белый дым борются в моей комнате, бросаются друг на друга, крепко обнимаются и кувыркаются.

Я погасил огонь, надеясь, что в темноте сон одолеет меня. Сейчас мои свежие мысли и туманный сон тоже будут бороться друг с другом, как дым и ветер. Я верчусь так и сяк, то лягу ниц, уткнувшись в подушку, то лягу на спину и лежу, крепко закрыв глаза, то полежу на боку — сна нет как нет.

Наконец сон как будто одолевает, сознание мое туманится, сам я перестаю крутиться, затих, и в мире тоже нет ни одного звука.

Но вот я слышу легкие шаги, весь вздрагиваю, по коже пробегает озноб. Шаги слышатся так явственно, как будто в моей комнате, в нескольких сантиметрах от меня. Они и правда близко, но только за перегородкой. Это Амра вошла в свою комнату. Легкая перегородка как будто даже усиливает каждый звук, каждый шорох. Я повернулся лицом к перегородке и замер. Шаги затихли, но зато послышалось явственное шуршание платья, снимаемого через голову. Вот она расправила его, сложила, повесила на спинку стула. Кровать скрипнула под ее телом, зашуршали простыни, и еще более полная тишина установилась в доме.

Я чувствую, что меня начинает колотить дрожь. Я стискиваю зубы, чтобы не дрожать. Я слушаю тишину. Постепенно я начинаю различать дыхание Амры. Ведь от нее до меня всего несколько сантиметров да еще эта тонкая проклятая перегородка.

Амра заснула. Она дышит глубоко и ровно. Еще бы, она так устает за день. Мне кажется, что я не только слышу ее дыхание, но что оно обвеивает меня своей теплотой. Ведь между нами всего лишь несколько сантиметров. Да, Амра спит. Как только она коснулась мягкой подушки, так сон и одолел ее. Она безраздельно находится во власти сна. Сон господствует над нею, он распоряжается ею, как захочет. Амра спит, а я лежу затаив дыхание и слушаю, как она дышит, и теплые волны ее дыхания, мне кажется, обвеивают меня.

Тишина все углубляется, а чуткость все нарастает. Я начинаю слышать биение ее сердца. Оно бьется размеренно и ровно, а мое трепыхается в груди, словно курица, пойманная за одну ногу. Я крепче прижимаюсь к постели, стараюсь придавить, приглушить свое сердце, боясь, что его громохание в тишине может услышать Амра, но сердце колотится и трепещет, как сильная рыба, когда ее прижимаешь ладонями к земле, а она старается вырваться. Я не виноват. Мое сердце бьется независимо от меня. Оно само слышит биение другого сердца и отвечает ему. Два сердца, которые почувствовали в этом мире друг друга, только тогда оба бьются мирно и ровно, когда прижмутся друг к другу, когда сольются в одно.

В доме тишина, покой, мир. Все спят, кроме меня. Ни один человек не лег в постель в дурном настроении, с тревогой, с бредовыми мыслями о счастье, вообще с каким-нибудь чувством, способным отогнать сон. Амра тоже спит, не шелохнется. Все спят, охраняемые кровлей дома и безмятежностью, парящей под ней.

Зачем же я появился тут? Зачем же я вошел в этот дом? Уж не затем ли, чтобы смутить покой и нарушить устоявшуюся добрую тишину?

III

Над горами встает рассвет, и хотя солнце еще не взошло, прохладные бледные лучи его уже осветили и двор и сад. Заблестевшие росинки на седой траве быстро испарились и открыли ее яркую сочную зелень.

Первыми проснулись куры. Попрыгали с деревьев на землю, словно кто тряхнул яблоню с тяжелыми спелыми плодами. Затрещали, затараторили и пошли лапками и клювом разгребать и выклеивать из земли то, что видно одним только им. Куры не умолкали ни на минуту. Может быть, они говорили на своем курином языке про свою несчастную долю, что живут они только для того, чтобы рано или поздно их съели люди. Может быть, они ждали свою хозяйку и гадали, когда и чем она будет их кормить. Может быть, судачили, а может быть, ссорились между собой.

Если есть какой-нибудь куриный язык, то, наверно, хозяйка Дес его понимает, потому что не успели куры разбрестись, как она вышла с полным подолом кукурузы.

Одновременно во двор вошел Харзаман. У него на плечах, как башлык, накинута белое полотенце. С тех пор как Харзаман помнит себя, он каждое утро ходит умываться к роднику, который течет позади его двора.

Харзаман моет руки, лицо, и зимой и летом обмывается ледяной водой по пояс. Свежий утренний воздух и холодная вода освежают его, прибавляют ему столько силы и бодрости, что, кажется, камень он может щелкнуть и разгрызть, как орех.

С появлением на пороге хозяйки Дес куры подняли такой шум, что голоса их разнеслись далеко от двора. Куры сбегались к своей хозяйке со всех концов двора, а те, что подальше, в закоулках, услыша радостный гвалт своих товарок, лётom летели на крыльях, едва касаясь земли. Они хорохорились около хозяйки, расталкивали друг друга, гордо вытягивали шеи, будто хвастаясь одна перед другой и перед хозяйкой своими достоинствами.

Хозяйка Дес берет пригоршнями кукурузу и разбрасывает ее курам. Куры налетают на кукурузу и нарасхват расклеивают ее; кукуруза исчезает с земли, как россыпь золотых монет, которую считают и собирают в пригоршни. Куры тюкают своими клювиками о землю, и, как из пригоршни золотые монеты, зерна сыплются им в горлышки, позванивая и постукивая одно об другое, наполняют зоб.

Увидя Дес, Харзаман глубоко вздохнул. Не потому вздохнул, что не любил свою невестку. Слышанное ли это дело, чтобы не любить ее. Он никогда ни одного слова не говорил поперек ей. А если сказать по правде, то Харзаман уважает ее, даже больше, чем уважает, он просто любит и почитает ее. Он клялся бы ее именем, как самым дорогим, если бы ему позволял абхазский обычай. Но нельзя по абхазскому обычаю клясться именем человека, который моложе тебя. Сама Дес тоже чтит и любит старика, и никогда не сорвалось у нее с языка обидного слова. А вздохнул Харзаман потому, что нет у Дес полного счастья, которого она достойна, нет у нее детей, кроме Амры. Перенесла она какую-то болезнь и перестала рожать. В этом тяжелом вздохе, конечно, нет упрека, но как еще он может посочувствовать ей?

Зато как вознаграждение от бога — единственная дочь Дес, красавица Амра. Было бы счастливо это дитя, больше Харзаман ничего не желает.

Харзаман повесил свое полотенце на балконе и пошел в сад.

Куры так набили зобы, что не могут уж выдавить и звука. Дес ушла в дом.

После завтрака каждый из нас принимается за свою работу. Когда Амра, взяв под мышку книги и тетради, выходила из комнаты, Дес тоже, как видно, кончила возиться на кухне и пошла наверх. На лестнице мать и дочь встретились. Мать отступила на шаг, поглядела на дочку, не спуская глаз, словно впервые увидела и словно нет для нее ничего слаще на свете, чем глядеть на свою красавицу дочь. Мать погладила дочку по голове и обняла. Она

обнимала Амру так бережно, и в то же время так ревниво, будто боялась, что Амра выпорхнет сейчас из ее объятий и улетит навсегда.

Амра в этот день выглядела особенно нарядной и красивой. По шелковому платью весенние яркие цветы, платье обвивает ее юную стройную фигуру. Черные волосы заплетены в две косы, а косы бегут по спине, почти доставая до обреза платья. Глаза живые, веселые, брови размашистые, как крылья сильной птицы, когда она перестает махать ими и переходит на прямое парение.

Лицо у Амры почти круглое. Подбородок оканчивается аккуратным овалом. Рядом с черными волосами, бровями и черным блеском глаз лицо как будто нарочно освещено лучом белоснежного яркого цвета. Это не бледность, чистая как мраморная белизна, но живая и теплая белизна.

Небольшой аккуратный, немного вздернутый нос, вероятно, не подошел бы ни одной из девушек, он, как по заказу, сделан только для лица Амры, и притом посажен на самое удачное место. Будь он чуточку попрямее или чуть пониже, то загородил бы немного губы, а разве можно загораживать губы Амры! Не будь этой маленькой вздернутости носа, все лицо девушки выглядело бы иначе, это была бы уже не Амра, а совсем другая, чужая девушка. Бывает, что одна черточка, одна лишняя черная точка может изменить все лицо, затенить его, погасить его сияние.

— Ты уже уходишь, Амра?— спросила мать с тревогой, точно Амра уходила далеко и надолго.

— Да, мама, мне пора.

— Ну, иди, иди, нан. Как не иди, тебя не удержишь дома. В конце концов ты уйдешь, и ничего другого произойти не может.

— Да,— спокойно отвечала Амра, делая вид, что не понимает другого смысла, прозвучавшего в словах матери,— я и так опаздываю. Сегодня мне нужно бы пойти пораньше. Сегодня я должна провести контрольную работу.

— Ты теперь совсем стала похожа на птицу, которая подросла и у которой окрепли крылья. Ты живешь в нашем доме, точь-в-точь как лань, что стоит на поляне. Вот она еще стоит, но что-то хрустнуло, шелохнулось, и ее уже нет, как сдуло ветром. Уж так устроена жизнь. Человек знает о том, что было, и не знает, что его ждет.

— О чем ты говоришь, мама?

— Так, не слушай меня, нан, сказала к слову. Но жизнь и правда не спрашивает ни у кого, что ей делать. Не спросит она и у нас с тобой... Ты уже теперь выросла и созрела.

— О чем ты разговорила сегодня?

— Ну, иди, иди, нан. Если не понимаешь, о чем я говорю, значит, выросла еще не совсем. Амра спустилась с лестницы задумчивее, чем вступила на нее. Былга тотчас бросилась к ней навстречу, радостно виляя хвостом, и пошла провожать свою молодую хозяйку. За калиткой Амра остановилась и сказала Былге так же, как сказала бы человеку:

— Хорошо, Былга, дальше меня провожать не надо. Иди домой.

Собака остановилась, но домой не вернулась, она глядела Амре вслед до тех пор, пока Амра не скрылась за поворотом.

Амра шла по тропинке, вьющейся между старыми буками. Довольно далеко от ее дома до большой проезжей дороги, по которой ездят автомобили, велосипедисты, ходит много людей. Большую дорогу с домом Амры соединяет только эта извилистая тропинка. Она протоптана ими: Харзаманом, отцом, матерью и самой Амрой. Иногда по этой тропинке ходят люди на горные пастбища. Довольно далеко от дома Амры до большой дороги, но что же делать, не вести же к их дому широкую автомобильную дорогу или не передвигать же им свой дом поближе к шоссе.

Что делается сегодня с птицами! Все деревья вокруг усыпаны ими. Они щебечут, свистят, свиряют, поют, чирикают, перепархивают с места на место, и некогда им перевести дыхание, остановиться и замолчать, хотя бы на секунду. Своими песнями, своей жизнерадостностью, всем своим поведением они говорят людям: оставьте ваши заботы,

страхните ваши тяжелые думы, встречайте весну! Вот пришел еще один день, не прозевайте, не пропустите его, потому что он прекрасен.

Юная Амра, шедшая по тропинке, была так же чиста, как и птичьи голоса, как горный воздух, как это весеннее утро, которое подарила людям земля. В стороне от тропинки под широким деревом она увидела своего ученика. Он стоял, подняв кверху лицо, и слушал птиц. Это, конечно, Татей. Никто, кроме него, не стал бы точно так же заворуженно слушать птиц. Другие мальчишки скорее бы даже распугали их камнями. Как бы сделать так, чтобы и другие были столь же внимательны, столь же чутки к родной земле, как внимателен и чуток Татей?

— Татей, смотри опоздаешь в школу.

Татей спохватился, перепрыгнул через канаву. Учительница и ученик пошли по одной тропинке.

В классе Амра устроила переключку и подошла к доске.

— Сегодня у нас письменная работа. Сочинение. Вот я пишу: «Пришла весна». Пусть каждый из вас напишет, что он знает и думает о весне. Чем отличается весна от других времен года? Что означает для нас приход весны? Что означает приход весны для нашего села Новолуние? Старайтесь представить себе, какие картины встают перед вашими глазами, когда вы думаете или вспоминаете о весне. Пусть каждый напишет своими словами, как умеет.

Некоторые ученики сразу же начали бойко писать; некоторые грызть свои ручки.

Задумался и Татей. Стены классной комнаты исчезли для него. Картины весны поплыли перед глазами.

Вот из-за гор выплывает солнце. Оно пригревает. От его тепла начинают таять в горах снега. От белых снегов по коричневым и серым камням начинают течь прозрачные струйки воды. Они еще маленькие, робкие. Они выбирают себе путь по углублениям и трещинам. Падая с отвесных камней, они образуют сосульки, похожие на чурчхелы. Только эти сосульки прозрачные, голубые, чистые. С их острых кончиков каплют светлые капли. Прежде чем упасть, каждая капля дрожит на конце сосульки и горит под солнцем. С каждой сосульки капает маленькое солнце.

Потом ручьи становятся бойче и громче. Снег местами рушится, ползет под уклон, срывается с отвесных скал. Реки становятся полноводными и шумными, они выходят из тесных извилистых берегов. Они тащат вниз все, что попадает на пути: дрова, прошлогоднюю листву, клочья сена; разгулявшись как следует, они начинают катить вниз даже камни.

В небе тепло и чисто. Выше всех порхающих птиц парит в небе коршун. Кажется, что он подвешен на нитке, потом его слегка толкнули пальцем, и он медленно раскачивается в синем небе.

Татею представляется, как разворачиваются на деревьях новые листья, как белки прыгают на высоких ветвях, как солнечные лучи обогрели медвежью берлогу и как вылезают из берлоги медведь, медведица и маленькие резвые медвежата.

Татею представляется, как все Новолуние в свежей, желтоватой еще листве, похожее на только что вылупившегося цыпленка. А на полях пахут землю, переворачивают тяжелые жирные пласты.

Морские волны устали кипеть и бурлить в зимние штормы и теперь едва плещутся, тихо и мирно журча, где по гальке, а где по песку. Прибрежный песок обсох, обогрелся после штормов и теперь лежит под солнышком, крупный, похожий на рассыпанную пшеницу.

Татей сидит в классе, а взор его бродит по окрестным горам и полям. Сколько разных картин, сколько примет весны! Все их невозможно запомнить и запечатлеть на бумаге. Приходится отбирать самые яркие и нужные. Татей перелетает воображением с картины на картину, подобно пчеле, перелетающей с цветка на цветок. Где есть мед, пчела задерживается и копошится. Где кажется Татею интересно, он останавливается и пишет. Все ученики пишут сочинение о том, как в Новолуние приходит весна.

Весной и летом во время страдной поры наши сельчане не считаются с днями недели, работают без выходных. Ни один крестьянин в воскресенье не будет сидеть дома сложа руки. Вот когда убран урожай, когда в амбары свалена кукуруза, когда запасен корм скоту и заготовлены дрова на зиму, тогда и отдыхай сколько хочешь.

Сегодня на улице тепло, солнечно. День воскресный, но никому в нашем селе и в голову не пришло остаться дома. На поле вышли все — и стар, и млад, колхоз уже почти отсеялся. Скоро взойдут всходы на землях, посеянных в первую очередь. Сегодня мы засеваем последние попридержанные участки, а то, если все одновременно засеешь, одновременно взойдет — не успеть с прополкой, зарастут поля.

Мы сажаем табак. Все село здесь. Надо воспользоваться вчерашним теплым дождичком, вот и бросили все силы сюда, на табак. Земля после дождя рыхлая, мягкая, напиталась влагой. Палка в землю идет легко. Закрепить в глубокой влажной лунке саженец — не надо поливать, саженец сразу схватывается, принимается расти.

Пришли помогать школьники с учителями. Среди них и Амра. Всякое дело спорится в ее руках. За что бы она ни принялась, все у нее получается красиво. Одета она не хуже и не лучше других девушек. На ней старенькое, выцветшее платье, на голове ситцевая косынка, но так ей это к лицу, что она выделяется среди всех. Ни одна девушка так не привлекательна, как Амра.

На поле пришли и пожилые крестьяне. Не усидел дома и Харзаман. Старикам не под силу сажать табак, по они помогают другим. Они идут по рядкам впереди и раскладывают саженцы. Выбрал Харзаман, конечно, свою внучку и идет теперь по ее ряду. Харзаман старается, но все равно чувствует, что Амра вот-вот догонит его, и тогда получится, что он, старик, тормозит ее работу. Харзаман старается еще больше, Амра видит старание деда. Она понимает, что он устал, и, чтобы дать ему перевести дух, иногда останавливается, распрямляет спину, тянется, делая вид, что смертельно устала. Харзаман в это время отдыхает.

Не отстает от своей дочери и мать ее Дес.

Рядом с Амрой сажаю табак я. Меня никто не ставил на участок рядом с нею. По правде сказать, я просто сам решил воспользоваться положением члена их семьи, чтобы работать поближе к Амре. Но лучше бы я не делал этого. Лучше бы я работал где-нибудь в сторонке, в укромном местечке, рядом с другими людьми, чтобы меня не видела Амра и вообще никто не видел.

Меня вдруг оставили силы. Не потому, что я не умею сажать табак. Нет. Я с малых лет знаю эту работу, уже в детстве я не отставал от взрослых в посадке табака, не хуже их справлялся и с низкой листвой. Но сейчас, рядом с Амрой, будто я вижу табак в первый раз. Мне кажется, что я смешон, неповоротлив и кажусь увальнем рядом с проворной Амрой.

Сажаю я на корточках, потому что спина моя почти не сгибается. Руки мои стали скованными, как у ревматика. Палка, которой нужно сажать табак, то и дело выпадает у меня из рук. И сажаю я саженцы не так, как следует. Но может ли быть иначе, если я не спускаю глаз с Амры. Как она быстро и красиво идет по своему рядку, а за нею следом вырастает стройный лесок саженцев.

Хорошо, что окружающим людям нет дела до меня и они не видят мою работу, а они, может быть, прогнали бы меня, чтобы я не мешал им, не мельтешил у них перед глазами. Но люди не видят меня. Они рады теплоте, солнечному дню и поглощены своей работой. Скорее всего, люди меня не замечают, а если кто и видит, как я плохо работаю, то сочувствуют мне, считая, что я не умею сажать табак. Разве могут эти добрые люди попрекнуть в чем-либо человека, добровольно пришедшего им на помощь. Ведь я не табаковод, и на мою помощь они особенно не рассчитывали, многие из них не считают

меня своим человеком, а считают в их селе гостем. Как говорит пословица: «И за то курочке спасибо, что яички несет». И про меня они, наверно, тоже думают: «И за то спасибо, что пришел». Все усердно работают. Что им до моих мыслей, до угрызений моей совести. Наверняка эти добрые люди не предполагают, что у меня на сердце.

Но Амра хотя бы раз взглянула в мою сторону. Как будто меня не существует, как будто я не родился, меня нет и я не сажаю табак рядом с ней.

Если бы я мог узнать, что сейчас думает обо мне Амра? Если бы я мог узнать, что у нее на душе? Неужели, у нее нет ни капельки чувства ко мне и она не видит, как мне тоскливо? Она так занята работой, что, кажется, не знает, что существует на земле другая жизнь, кроме посадки табака. Как только она появилась здесь на поле, как только взяла первый саженец в руки, она ни единственного раза не посмотрела на меня, даже не повела взглядом в мою сторону. Откуда же у нее появится мысль помочь мне. Нет, посадить табак за меня не надо, но хотя бы единственный раз посмотрела мне в глаза... Если бы она единственный раз взглянула мне в глаза, клянусь ясным, чистым небом, которое сделало погожим сегодняшней день, и клянусь черной землей, на которой сегодня я неуклюже работаю, если бы она единственный раз посмотрела в мою сторону, если бы я увидел ее глаза, я бы горы свернул. У меня саженцы сами бы прыгали в лунку. Я смотрю на Амру. Я смешон. Но Амра не обращает на меня никакого внимания.

В полдень, когда стало невыносимо жарко, мы расположились в тени огромного ореха. Плотной тени старого развесистого ореха хватило на всех. Здесь расположились и школьники, и взрослые. Усталости как не бывало. Все были веселы, перебрасывались шутками, трунили друг над другом. Среди этих добрых людей мое настроение сразу переменялось. Я уже не был таким одиноким, как полчаса назад. Общее веселье захватило меня и бросило в общую волну...

Но Амра! Как она меня каждый раз удивляет и удивляет... То она работала и ничего вокруг себя не замечала, как будто ничего не существовало на свете, кроме ее саженцев, как будто навсегда оставила этот мир для увлекательной своей работы. А сейчас как будто ее подменили. Будто радость, смех, веселье накопились в ней во время работы и теперь выплеснулись наружу, увлекая в веселье и других. Вокруг нее собралась молодежь, она стала зачинщицей шуток и веселья. Ее веселье так объединило всех, что я почувствовал себя среди сельчан своим человеком. И душой нашей большой семьи была Амра. Природа так щедро ее наградила остроумием, весельем, что и здесь она выделялась из всех, и я вновь открывал ее. Эта сторона ее характера до сих пор была для меня неизвестна. Я смотрел на Амру, и глаза мои очищались от той мутной тени, которая заволакивала их прежде. Малодушие, мучившее меня за работой, исчезло навсегда.

Неожиданно под орехом кто-то запел плясовую. Это было сигналом для всех. Девушки дружно подхватили - нежно, тонкими высокими голосами. Раздались хлопки в ладоши — как выстрелом прорвало небо, захлопали все в такт песне. Запели парни и стали выкрикивать: «Гой-я, гой-я». Песня, вначале спокойная, стала убыстряться под звуки хлопков. Юноши разжигали плясовую задорными голосами: «Бейте, бейте в ладоши!» Широкая волна песни понеслась высоко в синее небо, а хлопки, как удары наката, возвращали ее к земле. Парни все убыстряли и убыстряли ритм. Песня захватила нас в свой водоворот, и казалось, ее волны сейчас поднимут, понесут и закружат нас, как листочки во время разлива. Вот мы уже стали притопывать по земле ногой, задвигались плечи, руки, сама земля заплясала с нами. Песня разгоралась и накалялась, как железо в кузнечном горне. Хлопки метали гром и молнии. Плясовая раскалилась до предела. Ей нужна была разрядка, разрядка танцем... Кто осмелится, кто выйдет первым? Сердце замерло. Один на другого поглядываем, показываем глазами на круг: «Выходи», «Нет, ты», «Выходи». Никто не осмелится.

Вдруг, когда песня уже гудела и стала разбрасывать искры, как рыбка, вынырнула из толпы Амра.

Этим решилось все. Не знаю, что заставило меня выйти. Но в этот же самый миг, как

только ноги Амры коснулись земли, неожиданно для себя, будто кто толкнул меня сзади, выскочил на круг я.

Песня продолжала гудеть, звенеть, метать искры, Амра выбежала в центр круга, на миг остановилась, как бы перевести дух, взглянула на всех лучистыми глазами, повела плечом, вскинула руки и пошла плясать. Что выделяли ее ноги! Я много видел на своем веку плясок, но подобного представить себе не мог. В быстром, умопомрачительном ритме Амра кружилась, и узкие носочки ее ног едва прикасались к земле. Руки у нее то взмахивали, то упали, как крылья птицы. Она летала вокруг меня, и я, подхваченный ее дуновением, неся за ней, пытаюсь достичь ее, и не достигал. Танец Амры украсил и меня. Ее искусство передалось мне, и я чувствовал, что сам танцую, как никогда еще не танцевал в своей жизни. Наконец я настиг Амру, слегка коснулся ее руки, и мы остановились. Мы стояли в круге с бурно колотившимися сердцами, и окружающие глядели на нас с улыбками и восхищением. Песня затихла, как будто то, к чему она стремилась, уже свершилось. Мы с Амрой зажгли эту песню, мы же и погасили.

— Ай да горцы, ай да северяне,— говорили вокруг нас люди,— И работать горазды, и в танце не оплошали.

Неожиданно для себя и я оказался одним из тех, кто прославил жителей северной, горной части деревни.

После обеда в нашем колхозе произошло событие, которое заставило забыть про наш с Амрой танец.

На поле, где сажали табак, вдруг появился трактор. Впереди трактора, словно ведя буйвола за рога, шел Алиас. Алиас показывал трактористу поле, предназначенное для посадки табака. Завидя трактор, все люди, которые сажали табак, прервали свою работу, и их взору открылось невиданное зрелище. Трактор, не сбиваясь с прямых рядков, проведенных для посадки табака, стал сам сажать табак в землю. Люди видели, как Алиас с саженцами вскочил на прицеп, стальной конь вздрогнул и поехал. Алиас, стоя на прицепе, брал саженцы табака и опускал в машину. И машина сама сажала табак. Все мы — и молодежь, и женщины, и старики — побежали смотреть на это чудо. Точно человек, трактор сажает табак. Не всякий человек с руками посадит табак, потому что не умеет, а тут немая машина, как живая, служит человеку. Ну и чудо!

Алиас поднял руку, махнул трактористу, и тот остановил трактор. Алиас спрыгнул с прицепа, пошел по рядку табака, который посадила машина. Он потянул один, другой саженец за листочки. Ни один не выдернулся.

— Крепко сажает, ни один корень не выдернешь!— крикнул он трактористу и поспешил к своему месту.

— Дад * (*Дад - обращение стариков к младшим), ваш трактор так хорошо сажает табак, что, я думаю, нам уже здесь делать нечего,— пошутил Харзаман сыну вслед.

— Он еще не везде сажает. Он умеет сажать только на ровном месте. Вот скоро, наверно, появится машина, которая будет сажать и на склонах горы,— ответил Алиас без тени сомнения в своем голосе.— Ведь есть же чаесборочная машина, появится и другая — для табака.

— В этом я тоже не сомневаюсь, но что будут делать тогда наши руки? Неужели они останутся пригодными только для еды? Не стоит лишать их работы,— продолжал шутить Харзаман. Но Алиас сел на трактор и не слышал последних слов Харзамана.

До самой темноты мы сажали табак.

Что за вечер наступил после рабочего дня! Что может быть прекраснее теплого вечера, притом не просто сельского, но новолунского! С тех пор как появился на свет, ни разу я не видел такого прекрасного теплого ароматного вечера. Мы возвращаемся с работы усталые, но усталость наша даже приятна, потому что мы не чувствуем тяжести ни в

руках, ни в голове, ни на душе.

Вся семья медленно друг за другом возвращается по тропинке домой. Впереди идет Харзаман. За ним каждый на своем месте, по порядку, по старшинству. На земле устанавливается тишина. Темнота заполняет расселины гор, лощины, затопляет деревья. Выше нас, сзади слышится журчание ручья, журчание родничка. Впереди мы слышим, как лает Былга. Она уже учуяла нас, сидя за калиткой, и теперь, наверно, бросается на калитку и лает от нетерпения. Мы идем молча. Каждый из нас устал, каждый из нас думает о своем, вспоминает, как прошел день. Вот и дом. Сейчас поужинаем и ляжем спать. Хоть бы сегодня мне уснуть спокойно, а не мучиться от моей тоски, от близости Амры и от недоступности ее, будто она находится не за тонкой перегородкой, а на другой планете.

V

Я хлестнул плетью лошадь, пустил поводья, стрелой выскочил за ворота, помчался по тропинке, ведущей к нашим пастбищам. Сначала лошадь шла очень легко, но по мере того, как подъем становился круче, она сбавляла прыть и наконец перешла на шаг. Кроме того, она поняла, что я что-то не в себе, не управляю ею, не проявляю своей воли, а болтаюсь в седле, как бесчувственный мешок. Она тотчас воспользовалась моей слабостью и теперь шла, как ей хотелось.

А я и правда сам не знал, что мне нужно, куда, зачем я еду. Я сидел на лошади и ехал в горы, на самом же деле я весь был там, где Амра. Я смотрел на гриву коня, а видел только лицо Амры.

Лошадь остановилась около ручья напиться, и я очнулся. Лошадь пила жадно. Ее отражение дрожало, колебалось, расплывалось на водной глади. Все это привело меня в чувство, вернуло к реальности. Я не стал бить лошадь, а только показал ей плетку и сжал бока пятками. Она с брызгами, с шумом перескочила ручей и рысью, все убыстряя свой бег, унесла меня в горы.

На пастбище около пастушьего балагана хромали на привязи две козы. Словно чуяло мое сердце, что я здесь сегодня буду нужен.

— Что с ними?— спросил я, слезая с лошади, подошедшего ко мне пастуха.

— Ты же знаешь, какие эти животные. Лазают по окрестным скалам, прыгают через пропасти. В одном месте сверху посыпались камни, и вот двум тварям зашибло ноги. Я посмотрел на раны, обработал их, перевязал. Козы, прихрамывая и довольно бляя, побежали к стаду. Делать мне было больше нечего. Я не знал, куда деть себя от своих мыслей, от своей непрерывной тоски. Оставив лошадь около балагана, я пошел по тропинке в горы, надеясь, что пешая ходьба отвлечет меня или хотя бы утомит. Я шел и шел, не останавливаясь, поднимаясь все выше, не оглядываясь. Никакой цели у меня не было. Постепенно я начал уставать. Должно быть, забрался высоко. Я сел на камень и осмотрелся.

Когда смотришь на мир с высокой горы, сам становишься выше. В общем-то ты остался таким же, каким был внизу, у подножья, если, конечно, не перенес дорогой каких-нибудь решительных испытаний. Казалось бы, даже наоборот, чем выше и величественнее горы, тем меньше ты становишься, тем мельче выглядишь. Из человека нормального роста ты превращаешься в точку, в букашку, которая закарбалась на вершину горы-великана.

Горы смотрят на тебя не иначе как на букашку и способны прихлопнуть и раздавить тебя одним камнем. Но в то же время именно они, горы, подняли тебя высоко над землей к облакам, к синему небу и бережно держат тебя на высоте, и сладостно сжимается сердце, и смотришь на окружающий мир с высоты, как будто сам стал сильнее и выше.

У гор своя чистота и своя гордость. Есть у них и своя осанка. И вот они от маленького существа, поднявшегося на них, тоже требуют осанки, гордости, чистоты.

Невольно оглядываешься на себя, невольно становишься или хотя бы стараешься стать чище и выше. Горы учат тебя тому, что должен ты быть гордым, они вливают в тебя

некую силу, они помогают тебе сосредоточить и волю, и мысли, они способствуют трезвой душевной ясности.

Я почувствовал, что в меня, сидящего на камне, смотрящего на мир с высокой горы, вливаются уверенность и сила. Некая восторженность захлестнула сердце, я понял, что это восторг жизни, я понял, что я ничего не боюсь. Вот я живу, молодой и здоровый. Почему должны ждать меня впереди разные неприятности или почему я не смогу преодолеть их, если они действительно меня ждут? Передо мной лежит весь мир, иди по нему, наслаждайся им и подари ему всю свою жизнь. Если мир лежит передо мной такой огромный, такой ясный, почему я должен смотреть на него глазами, полными тоски и скорби? Человек незаметно может привыкнуть к горьким мыслям и к горечи в душе. Если он даст им волю, то они будут подтачивать его, человек ослабнет. Свет жизни для него потускнеет и померкнет, душевная вялость одолеет его. Нет, я не должен подпускать к себе никакого мрака. Я еще не сделал по жизни и трех шагов, а мне кажется, что я уже споткнулся, и меня одолевает робость перед дальностью пути. Далеко ли я уйду, если начать отдыхать на первом шаге?

Только вот зачем меня поселили к Харзаману. Много я хотел бы сказать Амре, но не могу сказать ни одного слова. Мне остается только мысленно, про себя разговаривать с ней. Это было бы не так тяжело, если бы она жила где-нибудь далеко. Каково же мне жить с ней под одной крышей и не иметь силы сказать ей... Сколько раз я пытался преодолеть себя, свою слабость, сколько раз я ругал себя последними словами. Да вот и теперь я говорю, говорю, говорю. А кому говорю? Только ветру. Ветру и этим горам. Впрочем, нет. Дело в том, что, когда я говорю, вдруг Амра возникает передо мной как из тумана. Она улыбается, смотрит мне в глаза и слаще всякой музыки спрашивает меня: «Куда же ты делись, Алоу? Ну почему ты уходишь, почему ты молчишь? Не уходи, Алоу, останься, мне очень грустно, когда не вижу тебя. Я без тебя не могу жить».

Она говорит эти слова и смеется. Она глядит мне в глаза, стараясь проникнуть в самую глубину их, что-то узнать. И вот ее лицо начинает меняться. Она становится задумчивой, печальной, как будто то, что она увидела в моих глазах, обмануло ее ожидание.

Нет, я не могу больше так жить. Я живу, как тень. Даже если эти горы сейчас загородят мне дорогу вертикальной стеной, даже если они сожмут меня в своих теснинах или обрушатся на меня, я все равно должен идти сейчас к ней и сказать все, что хочу. Но горы не загораживают мне путь и не обрушиваются. Наоборот, они постелили мне под ноги мягкий ковер своих лугов, а также твердую и прочную тропинку. Я быстро спускаюсь к балагану, вскакиваю в седло, скачу вниз в деревню.

Я скачу вниз, чтобы сказать Амре все, что ношу в душе. Но что же получится, если среди бела дня ни с того ни с сего, ополоумевшим я прискачу на школьный двор, вбегу в школу... Если я могу все это проделать, если я такой смелый и решительный, то где же раньше была моя решительность? Ведь были более удобные случаи и более подходящая обстановка поговорить с ней. А сейчас можно представить, какие глаза сделаются у Амры, когда она увидит меня. Я понимаю всю нелепость своего поступка, но остановиться уже не могу. Лошадь, как видно, чувствуя мое состояние, тоже ополоумела, летит, как напуганная волками. Если кто-нибудь сейчас загородит мне дорогу, то лошадь сомнет, раздавит, разобьет вдребезги. Она воинственно фыркает, скалит зубы и скачет, охваченная моим нетерпением и моим сумасшествием. Я чувствую, что и сам бы не смог остановить коня, если бы захотел. Пусть загораживают мне дорогу, пусть стреляют в меня из-за камней, я могу умереть на скаку, могу истечь кровью, могу свалиться с лошади трупом, но остановиться я уже не могу.

Выскочив на большую дорогу, едва не сбросив меня на повороте, лошадь надала еще сильнее. Хорошо, что никто днем в нашей деревне не слоняется без дела. Что бы они подумали обо мне и моей скачке? Наверно, они подумали бы, что я рехнулся. Может быть, кто-нибудь и смотрит на меня со стороны, но сам-то я не гляжу по сторонам, а скачу, как в тумане.

Когда я подскакал к школе, из ее дверей высыпали на двор дети. Они высыпали так дружно, будто ждали, столпившись у дверей, именно той минуты, когда я подскачу. И вот теперь выплеснулись пригоршней на зеленую лужайку двора. И Амра среди них. Что же мне теперь делать? Ни повернуть назад, ни сдержать коня. Дети выскочили на дорогу, но, увидев бешено мчавшегося всадника, с криком разбежались в обе стороны. То ли они удивились мне, то ли они смеются надо мной. Я ничего не слышу и не вижу. Я скачу, и облако пыли оседает сзади меня.

Вечером Амра придет домой и спросит: «Куда это ты так торопился, Алоу? Какое несчастье ослепило и оглушило тебя? Какое стремление мчало тебя вперед?» Что я отвечу ей? Свою смелость я всю растерял и растряс во время скачки. Я проскакал мимо Амры как стрела, и она посмотрела мне вслед, и мы в этот день ничего не сказали друг другу.

VI

На краю Харзаманова двора, на границе его земли растет огромный кряжистый дуб. Его корни около ствола выглядывают из земли. Видно, какие они у него узловатые и крепкие. Они расходятся в разные стороны, и ствол дуба с расходящимися во все стороны и уходящими в глубину земли корнями похож на лапу орла, вцепившуюся намертво в каменистую землю.

Тень от дуба черна, как бархат. Подобно черному занавесу, она свисает с отвесной скалы, расположенной сзади дуба. Недалеко от подножья многовекового гиганта пробивается родник. Похоже это на то, что скала навалилась гранитной тяжестью на живое тело подземной воды, и сдавленная, задыхающаяся под тяжестью вода брызнула наружу, найдя себе маленькую щелочку. Только первый прыжок воды кажется напряженным и подневольным. Дальнейший путь родничка весел и кропотлив. Падая с камня, он продолбил себе просторную ямку — подобие чаши — и теперь, прежде чем вытечь из нее через каменные края, искрится, играет, просвеченный солнцем. Тень от ковша, висящего над родником, плавает посередине чаши, подобно войлочной шапочке горца. Вода настолько чиста, что, если бы не играла она на солнце, можно было бы обмануться и подумать, что нет в чаше никакой воды. Но все же сквозь нее кажутся более красивыми разноцветные камешки, которыми выстлано дно чаши.

Харзаман отдыхает под дубом около родника, и легкий ветерок, такой же чистый, как родниковая вода, обвеивает его прохладой. Харзаман сидит на овчине, прислонившись спиной к жесткому стволу дуба. Вот кусочек земли, от которого берут начало жизнь дерева, жизнь родника и жизнь Харзамана. Вот они, три разных проявления жизни, и все три сошлись тут, на кусочке трудной каменистой земли. Здесь все трое впервые увидели свет, здесь раздалось первое бульканье родника, первое слово Харзамана, первое лепетанье листьев дубка-младенца. Здесь, на этом кусочке земли, Харзаман сделал первые шаги. Он учился ходить, запинаясь за камни, падая и вставая вновь. Он научился ходить по каменистой земле, чтобы идти по золотым следам своих предков. Здесь, на земле своего отца, на земле деда своего, на земле тех, по чьим золотым следам он идет, Харзаман получил свое имя, благодаря которому его сразу же стали отличать от других людей. Здесь положены в очаг плоские камни, на которых из поколения в поколение горит огонь семьи, над которым висит семейный, почерневший от копоти мамалыжный котел. Эту землю пронизали в разных направлениях корни деревьев, посаженных предками. Земля обнимает корни деревьев, питает их. За эту землю отвечает теперь Харзаман. Умирая, он завещает ее своим детям, чтобы те, в свою очередь, берегли, украшали ее и передали дальше по линии рода.

Зерно, выросшее именно в этой земле, дало Харзаману впервые ощущение и вкус пищи. Конечно, мир велик, и вся земля для людей. Все ее леса, воды, горы, моря и реки. Все ее большие дороги и маленькие тропинки. Но все же каждый человек где-нибудь родился, и, значит, под бескрайним небом есть у него кусочек своей земли, и, только любя ее,

можно любить всю остальную землю.

Есть люди, которые думают так: пока я жив, буду ходить по земле, пользоваться ее благодатью, буду пить и есть, развеивать на четыре стороны все, что мне досталось. Все съем, все изношу, все изживу, все подчищу и спокойно лягу в могилу. Нет, Харзаман не родился таким самолюбом, таким скупцом и скрягой, думающим только о себе. Больше, чем о себе, Харзаман думает о тех, кто будет жить после. Не скуп он и с теми, кто сейчас живет вместе с ним. Заходи к нему в дом, всегда будешь встречен, как гость, всегда найдешь и кусок хлеба, и стакан вина. Даже случайного прохожего никогда он не отпустит из-под своего крова без угощения. Главное, чтобы не погас очаг. Чтобы стоял этот дом. Чтобы внуки и вообще потомство из колена в колено с шумом выбегали на двор. Чтобы оставались хозяевами этой земли его дети, и дети его детей, и дети детей его детей и чтобы роду не наступало конца. Человек сам на земле как гость. Он пришел и уйдет, но останется его имя, а имя может остаться только вместе с делом, которое человек делал, пока был жив.

Да, Харзаман убежден, что после смерти человека на земле остается его имя. Другие думают, что основа жилища, его хребет — это главная балка, на которой держится потолок; Харзаман же думает, что самая толстая дубовая балка хрустнет, как соломинка, если кровлю над очагом не будет поддерживать имя человека. И никто его в этом не разубедит. Он, конечно, будет терпеливо слушать того, кто начнет говорить по-другому, но про себя улыбнется и останется со своими мыслями, со своим пониманием жизни. А понимание такое, что вот дерево держится за землю корнями. Пока оно держится, оно именно это дерево, растущее именно в этом месте, и его не спутаешь с другими деревьями. Если же дерево лишится коренной связи с землей, то придут, отрубят его сучки, отрежут верхушку, и дерево превратится в бревно. А бревен много, и все они одинаковы. То же самое в понимании Харзамана и человек. Пока он на своей земле, у своего очага, пока он продолжатель рода, он человек, имеющий имя. Если же оторвется, закружится, как древесный лист, то перемешается с другими листьями, оторвавшимися от веток. Все листья, когда их много, кажутся одинаковыми. Ветер жизни смешивает их без разбора.

Можно подумать, что Харзаман собственник и индивидуалист. Нет. Никто так не подумает в Новолунии. Сердцем он всегда с людьми: с соседями, с жителями села. И потом, вот уже несколько лет он трудится на общественных полях, с общественным скотом, ради общего дела.

Но где бы и ради чего бы ни трудился старик, он должен вечером прийти домой. Только в своей постели, под своим кровом он уснет крепко, встанет утром отдохнувшим и бодрым. Он задохнулся бы без воздуха своего жилища, он зачах бы без ежедневных и сладостных забот о своем домашнем хозяйстве.

Образы умерших предков иногда навещают его, ибо все здесь и в доме, и вокруг дома напоминает о них. Спуститься вниз, ближе к другим домам деревни, было бы даже удобнее для Харзамана, но если бы он бросил все, что было накоплено предками и оставлено ему, если бы он переехал на новое место, то все развеялось бы как дым. Что же накопили и оставили предки? Если богатство в доме — его можно взять на новое место, если клады в земле — их можно выкопать и унести с собой. Нет, не богатства в доме и не клады в земле оставили предыдущие поколения. Они оставили золотые следы...

Каждый камень положен ими, дерево посажено ими, гвоздь заколочен ими, огонь в очаге зажигался ими. Пустить все это по ветру не значит ли пустить по ветру себя?

Взять родник, около которого каждый день отдыхает Харзаман. Харзаман был еще мальчиком, когда дедушка рассказал ему историю родника. Оказывается, первый из предков, поселившийся здесь, сначала брал воду из дальнего ручья. Потом он заметил, что в одном месте из камня по капельке сочится вода. И ударил по камню, и прорубил его, и помог подземной воде выбраться на свободу, и с тех пор бежит из камня ледяная прозрачная струя. Нет того человека, и нет дедушки, который рассказывал о том человеке,

но живут люди, пьющие эту воду, наслаждающиеся ее журчанием и видом. И все знают, что эту воду пустил гулять по земле старик Ахба, предок Ахба, человек по фамилии Ахба. Не пропало имя его, потому что течет из камня живая вода.

Если же Харзаман уедет отсюда, нарушит свое хозяйство, сломает линию рода, родник сразу делается безымянным, как тысяча других родников в горах. Харзаман помнит, как дедушка ухаживал за родником, чистил его, если он засорился. Точно так же делает Харзаман. Так должны делать дети Харзамана. Так должна течь здешняя жизнь. Дед Харзамана посадил маленькие росточки винограда «изабелла». Деда Харзаман хорошо помнит. Он помнит и то, как дед сажал виноград. Кажется, немного времени прошло с тех пор, кажется, это было вчера, но из маленьких кустиков выросли длинные, толстые, перекрученные лозы. Карабкаясь по стволам и ветвям других деревьев, они достигли их высоких вершин. Царство небесное дедушке, хороший посадил виноград. Все здесь, начиная от камня, положенного в изгородь, кончая виноградной лозой, есть соединившийся труд и тех, кто уже умер, и тех, кто живет теперь. Харзаману хочется, чтобы и его вспоминали так, как он теперь вспоминает своего деда. Он прожил уже немало. Ничего особенного он от жизни не ждет. Но если бы ему сказали теперь, что все тут нарушится и запустеет, то, пожалуй бы, он не дожил и до вечера. Он перевернулся бы в гробу, он бился бы головой о крышку гроба, если бы это случилось, когда он будет лежать в могиле.

А сколько помнит этот старый корявый дуб! Когда первые из рода Ахба появились здесь, дуб был еще не выше травы. Но, значит, можно было уж узнать, что это будет дуб, потому что тогда же его огородили палочками, чтобы не потоптала скотина. Вырос, окреп, вцепился в землю когтистой орлиной лапой и даже крепче орлиной лапы. Сколько непогоды пришлось пережить с тех пор. Какие ветры трепали и гнули его ветви. Но, как будто оправдывая доверие тех, кто в младенчестве защитил его, слабенького и беззащитного, он стоит века как памятник крестьянскому роду Ахба, живущему под его широкой сенью... Разве не жалко теперь бросить этот дуб на произвол судьбы, оставить в одиночестве? Он без Харзамана и без его семьи, наверно, тоже засохнет от тоски, зачервивеет, затрухляеет, отомрут корни, и дуб вывалится из гнезда земли, подобно гнилому, отболевшему зубу, Нет, недалеко унесет свой грех тот, кто покинет в одиночестве такого друга.

Так смотрит на жизнь старик Харзаман. Но так ли смотрит на жизнь его сын Алиас, тот, кому продолжать на земле мысли и мечты Харзамана? У Алиаса совсем другие мысли и совсем другие мечты. Они далеки от дома, от родника, от дуба, от старой разросшейся «изабеллы». Алиас приходит домой как в гостиницу. Поест, поспит и скорее вон на свои поля, к своим машинам. Правда, в Новолунии любят Алиаса. Каждый день он что-то затевает, изобретает, старается для своего села. Но для своего дома он отрезанный ломоть — видно сразу.

Амра занимается своими учениками. Она больше Алиаса любит свой дом и домашнее хозяйство. Но ведь она девушка, скоро выпорхнет и улетит из гнезда.

Скрипнула калитка, и во двор вошли Амра с Татеем. У Амры в руках ее неизменные тетрадки и учебники. Мальчик размахивает руками, словно отсчитывает про себя шаги. Увидев Харзамана, он подбежал к нему. От Харзамана сразу отлетели прочь все мысли, будто вышел из комнаты на солнце, будто открыл глаза и отогнал сон. Старик встал, как при встрече желанного и почетного гостя. Мальчик бросился в объятия Харзамана. — Пришел, мой мальчик. Садись, посиди со мной.

Харзаман говорил и гладил мальчика по голове. Он оглядывал его ласковым взглядом с головы до ног, и Татей смутился под его взглядом. Он не привык к подобной ласке, потому что вырос без деда и без отца. Дед умер еще до его рождения. Отца убили на

войне, мать умерла во время родов. Татей живет вдвоем с бабушкой. Есть кому пока что открывать и закрывать двери дома, есть кому теплить огонь в очаге. Род Татей и род Харзамана очень близки между собой. Татей ведь тоже Ахба. Наверно, когда-нибудь это был один род, а потом разветвился. Харзаман считает Татей почти своим внуком и очень любит его, да и парень привязался к доброму деду.

Амра тоже подошла к Харзаману. Добрые чувства при виде своих внучат так переполнили Харзамана, что он не мог выговорить ни слова, только глядел на детей влюбленными глазами. Он посадил их по обе стороны от себя и обнял их. Казалось, это его два крыла, при помощи которых он может лететь над временем. Казалось, это его две опоры, при помощи которых он может стоять твердо на земле. Наконец Харзаман сказал, обращаясь к Татей:

— Я ведь знаю, зачем ты пришел. Беги наверх, в гостиную, она висит на стене.

Татей исчез и вернулся, держа в руках двухструнный абхазский инструмент — апхиарцу. Едва Харзаман приблизил смычок к струнам, как они боязливо задрожали, и раздался тревожный низкий звук. Постепенно звук становился все выше и чище, и, когда достиг нужной высоты, Харзаман присоединил к нему свой голос. Голос Харзамана и голос струн обнялись, слились воедино и полетели вверх стройной красивой песней. Амра и Татей подхватили ее.

Песня с высоты снова спустилась на колени к музыканту и затихла ласковым журчанием успокаивающихся струн. Старик протянул апхиарцу Татей. Мальчик не заставил себя просить два раза. Он тотчас начал играть и петь.

Песня Татей была не знакома ни Харзаману, ни Амре... Песня звучала осторожно и неуверенно, будто она была в новинку и для самих струн. Будто и струны прислушивались к новой песне, прежде чем повести ее уверенно и широко. Харзаман любил старинные абхазские песни. Он их знает, он к ним привык, они улаживают его душу. Но песня Татей тоже понравилась ему. Струны поют, струны жужжат, точно кружится крупный жук, кружится над головой, поднимаясь все выше. Но все же представляется Харзаману, что кто-то разговаривает с ним на незнакомом языке: красивом, но ничего не поймешь.

Оказывается, Татей играл и пел песню своего сочинения на слова абхазского поэта, вычитанные в стихотворном сборнике. На ноты не записана эта песня. Татей сочинил ее и держит в уме. Амра пытается подпевать ему, но мелодия совсем не знакома ей, и она только временами, по догадке поддерживает песню, а потом замолкает и слушает. Старик Харзаман и не пытается подпевать. Наконец он спросил:

— Слушай, дад, я знаю все абхазские песни, но эту слышу впервые. Где ты ее нашел?

Татей смутился, покраснел и опустил голову. Амра решила помочь ему:

— Эту песню, дедушка, сочинил сам Татей.

— Как это сочинил? Он что, выдумал ее из головы? Как это можно — сочинить песню?

— Ну... Даже старые песни кто-нибудь сочинил в первый раз. Только мы не знаем, кто и когда. А теперь сочинил наш Татей.

— Тогда сыграй еще раз, я послушаю.

Татей заиграл и запел снова, громче и увереннее прежнего. Старик слушал, раскрыв рот. Губы его шевелились. Казалось, еще немного, и он потянется за песней, подхватит ее и запоет...

VII

Табак и кукуруза на поле стояли чистенькими. Вторичную прополку мы закончили, и урожай теперь был весь налицо. Стебли кукурузы и табака стройно тянулись к солнцу, будто хотели взлететь к нему.

Огромная табачная плантация волновалась, как море. Иссиня-черные листья табака вобрали в себя солнечное тепло и теперь созревали... Вскоре мы начали первую ломку

спелых листьев. Амра ломала листья — дипсары — вместе с нами. Как только освободится в школе — не удержишь дома. К урокам она готовится ночью. Я не сплю, пока в ее комнате не погаснет свет.

Алиас всю жизнь занимается табаком. Он много думал, как облегчить труд табаководов. Научные работники же изобрели посадочную машину для равнинных мест. Но Алиаса не оставляет мысль о другой машине, о такой, которая бы низала табак. Кто-то должен изобрести и такую машину. Сама она с неба не свалится.

Не попробовать ли самому Алиасу? Ведь не обязательно для этого сидеть за закрытыми дверями лаборатории. Не подумать ли над такой машиной здесь, в селе, где выращивают табак? Давно Алиас вынашивает эту мысль, она не дает ему покоя. Кто знает лучше него секреты табаководства? Да и среднее образование помогает ему. Однако первой помощницей в этом деле он считает свою дочь Амру. Она его вдохновительница. Когда он испытывает свое изобретение, когда его новая машина нанизывает листья, собранные дочерью, Амра стоит всегда рядом, и ему кажется, что ум и знания дочери ему помогают тоже. Что касается Харзамана, то он только удивляется и все не может поверить своим глазам, чтобы машина работала так же разумно, как человек.

Я вижу, как Амра быстро и ловко ломает листья. Почему-то именно на этом же участке, а не на каком-нибудь другом работает с нею девушка Агра Блабба... Никого, кроме них, на этом участке нет. По всему видно, что у Агры не лежит душа к работе, она отстает от Амры. Только к вечеру она кое-как поравнялась с подругой, а поравнявшись, как бы между прочим спросила:

— Амра?

-- Ну?

— Слушай, Амра!

-- Ну?

— Что за человек... этот Алоу?

— А что Алоу?

— Какой-то он...

Амра ничего на это не ответила.

Агра даже перестала на время ломать табак, боясь пропустить хоть словечко, но Амра ломает и ломает листья, словно забыла, о чем ее спросили. Ей, видно, не понравилось, что Агра завела этот разговор.

«С чего это она затеяла разговор? — думает Амра про себя. — Что ей нужно?»

Агра расценила молчание напарницы по-своему. Ее подозрение, значит, подтвердилось.

— Какой-то он гордый, обособленный. Будто боится запачкаться о табачные листья.

— Почему ты так думаешь?

— Ты ведь больше знаешь.

— Алоу совсем не такой человек.

— Ну, тебе, конечно, больше знать... Вы ведь живете под одной крышей...

— Да, я очень хорошо его знаю.

— Конечно, если бы я знала его так же хорошо, как ты, не стала бы о нем выпрашивать.

— Он прекрасный парень.

— Не знаю, дорогая, но если послушать людей...

— Что они говорят?

— Гордый он, о себе высокого мнения, охоч до девушек... Что ни говори, но ты ведь знаешь...

— Что я знаю?

— Что он такой.

— Это говорят от злости. Алоу — чистый человек.

— Откуда мне знать. Так говорят люди.

- Кто говорит?
- Сколько их...
- Все же?
- Зачем мне стравливать людей... Я хотела только узнать правду...
- Но ведь это ложь!
- Тебе больше знать...

Амра ломала дипсары, тихо разговаривала с Агррой, не прерывая работы. Но когда Агра стала приставать к ней со своими расспросами, чуть не разозлилась. «Что это? «Тебе больше знать», «Тебе больше знать». Что она пристала ко мне? Зачем? Что задумала? Откуда она взяла эти сплетни про Алоу? Что-то она затевает нехорошее. Не стоит с ней связываться. Откуда она взялась на мою голову! Хоть бы отстала», — думает про себя Амра.

Агра, заметив, что Амра рассердилась, решила выждать некоторое время, умолкла. Она знала, что такой разговор нельзя вести сразу. Нужно действовать терпеливо, но и не давать большой передышки. Пусть Амра подумает над словами, которые ей скажет Агра.

-- Чужая душа — потемки, — заговорила осторожно Агра снова.

-- Это ты о ком?

-- Ясно о ком. Об Алоу.

— А что еще?

— Если бы я знала...

-- Если не знаешь, то зачем так говоришь?

-- По внешнему виду разве узнаешь человека.

-- Что ты хочешь узнать от меня?

— Что за человек этот Алоу?

-- Очень хороший человек.

-- Разве ты не знаешь?..

— А что ты знаешь?

— Я? Так я ж сказала тебе.

— Выдумка.

— Допустим, но...

-- Да, да, да, выдумка! — Амра распрямилась и резко повторила: — Да, выдумка!

Агра умолкла и украдкой поглядывала на девушку. Она решила вытянуть из нее не только мысли, но и чувства. Заронить ей в душу сомнение, и, когда Амра станет колебаться, она ей все выскажет напрямик.

-- Тебе ведь больше знать, — вкрадчиво продолжала Агра.

-- Да, я все знаю, — резко сказала Амра.

-- Вот если бы и я все знала, тогда я бы не сомневалась.

-- В чем ты сомневаешься?

-- Люди о нем говорят бог весть что.

— Например?..

-- Говорят, будто он над многими девушками надсмеялся.

-- Над кем, например?

-- Не о тебе ведь речь...

-- Что? — Руки Амры вздрогнули вместе с листьями табака в них. Разговор был неприятен, но она, не подав вида, продолжала работу.

— Ты не подумай... я просто... Тебе Алоу нравится?

— Что ты говоришь? Кто тебе это сказал?

— Никто...

— Ну?

— Мне так показалось.

Амра вскипела. Она чуть-чуть не крикнула на Агру, едва не прогнав ее от себя, но, промолчав, спросила:

— Откуда ты взяла это?
— Что плохого, если он тебе нравится... Сама говоришь, прекрасный парень...
— Видишь ли, — сказала задумчиво Амра, — много прекрасных парней, разве все они должны мне нравиться?
— Как ни говори, тебе повезло... Парень сам пришел к тебе в дом. Разве выпустишь?
— Ну, знаешь ли, я не хватчица. — Амра тихо засмеялась.
— Девушка должна бороться за свое счастье!
— У меня нет такой нужды.
Наконец Агра выведала у Амры все, что могла. Она покосилась на Амру, вздохнула, и казалось, сейчас скажет главное, ради чего она завела весь этот разговор.
— Конечно, каждый по-своему смотрит на жизнь, — затянула опять Агра.
— Возможно.
— Да, конечно. Вы с Алоу придете к чему-нибудь, но как же быть с Алдызом?
— А что с ним?
— Ведь он брат мой, мне жалко его.
— Что с ним случилось?
— Как что случилось? Он весь горит. Только он не мог своим огнем зажечь тебя.
— А я при чем?
— Как при чем? Он любит тебя. Слушай, он просто умирает, как любит тебя...
Амра звонко засмеялась. На миг она даже забыла, что слышала от Агры об Алоу.
— Кошке игрушки — мышке слезки, — процедила сквозь зубы Агра.
— Послушай, я не над Алдызом смеюсь. Совсем даже не над ним. Но... мне показалось... мне кажется, что разговор наш с тобой смешон.
Амра разгадала, ради чего плела такую сложную сеть разговора девушка.
— Если бы ты знала, как Алдыз любит тебя, ты не смеялась бы над ним.
— Да что ты, Агра, что во мне такого, чтобы понравиться Алдызу? — Амра решила осторожно выпутаться из сети, закинутой на нее Агрой.
Но Агра продолжала заволакивать ее:
— Ты прекрасно знаешь себе цену. Может, считаешь его недостойным тебя? Скажи открыто. Лучше, если ты скажешь открыто.
— Я?
— Да, ты.
— Алдыз достоин сотни таких девушек, как я.
— Не особенно смейся над ним...
— Я?
— Да-да, именно ты!

Амра, не замедляя хода, продолжала ломать табак. Разговор, в который она оказалась втянутой, невольно беспокоил ее. Агра шла по рядку следом за нею. Амра решила повести разговор открыто, не увиливая, чтобы больше не возвращаться к нему.
— Дорогая Агра, я не думаю смеяться над Алдызом. Это уважаемый человек в нашем селе. Ведь это о нем говорят, что он один из лучших парней здесь. Он достоин настоящего счастья, которого пожелает, и это обязательно сбудется. Только знаешь, Агра, я какая-то не такая, как все.
— Как так?
— Я сама себя не пойму. Какая-то я странная. Алдыз очень хороший парень. Врач. Я к нему отношусь с большим уважением. Если ему суждено большое счастье, я желаю ему этого. Но я... Я сама не знаю, чего я хочу. Я даже не могу прямо сказать, что лучшего человека, чем Алдыз, я не встречала. Но... я еще не встретила человека, который мне бы по-настоящему нравился, который взял бы меня и повел за собой, и я бы шла за ним не оглядываясь, забыв обо всем на свете. Но если ты спросишь меня, каким же должен быть

этот человек, то я ответить, наверно, не смогу.

Вернее, я иногда в воображении представляю себе его, но стоит мне воссоздать конкретные черты: рост, фигуру, лицо, как видение мое исчезает. Но если бы этот человек шел мимо меня, я бы его сразу узнала. Этой встречи еще не произошло. Но я знаю, я твердо знаю, что встречу человека, который мне по-настоящему понравится.

— Амра-а, Амра-а!

Девушка распрямилась и посмотрела в сторону, откуда она услышала свое имя. Ей было видно далеко. К табачной плантации кто-то бежал. Не успела Амра опомниться, к бежавшему уже приближалась Агра. Амра последовала за ней. В запыхавшемся мальчике Амра узнала Татея.

— Что случилось, Татей, что случилось?

— Дес... Дес... У нее приступ сердца. Дес плохо себя чувствует.

Все трое побежали к деревне. Амра очень любит свою мать. Она знает, что у нее слабое сердце. Часто бывают сердечные приступы. Но каждый раз Амру так пугают эти приступы, что она бежит к матери отовсюду, где бы ии была. А Дес, как увидит Амру, так сразу ей становится легче. Сейчас Амра тоже бежит что есть мочи, чтобы помочь матери. Неожиданно на перекрестке дорог повстречался им Алдыз. Амра его сразу не узнала. Но он сам окликнул их.

— Агра, Агра!

Агра узнала брата.

— Подождите, подождите, вон Алдыз идет. Не слышите? Он зовет нас.

Теперь только Амра увидела Алдыза. Она бросилась к нему:

— Алдыз, Алдыз...

— Что случилось, Амра?

— Мать... — Амра еле перевела дух.

Алдыз побежал вместе с ними к дому Амры.

Дес лежала в постели побледневшая, слабая, с закрытыми глазами. Она тихо рассказала Алдызу, где болит. Алдыз внимательно осмотрел больную и теперь сидел около нее, держа ее руку в своей, нащупывая и считая пульс... Сердце больной билось слабо, но учащенно. Ее трясла лихорадка, как при малярии. У Алдыза с собой оказалось нужное лекарство, он дал его

выпить больной, и постепенно у Дес появился румянец, ей становилось лучше.

Амра стояла у постели матери напуганная и бледная. Она вспомнила, что сегодня мать осталась дома, чтобы сделать какую-то работу по домашнему хозяйству. Наверно, эта работа была так тяжела, что у нее случился приступ. Какое счастье, что тут оказался Татей и он побежал за Амрой.

Дес становилось лучше, и она, увидев у своей постели всех, благодарила за помощь Алдыза, Агру. Взяв руку дочери в свою, она успокоила ее.

Алдыз объяснил, что опасность миновала, но еще некоторое время необходимо наблюдение за Дес и что он задержится в доме сегодня и будет приходить ежедневно, пока не поставит больную на ноги.

Алдыз говорил и держал руку Дес в своей, будто если он отпустит ее, то сердце Дес остановится.

Когда матери стало лучше, Амра понемногу пришла в себя. Неожиданно ей пришла в голову мысль о странном совпадении случаев. Только что на поло об Алдызе ей говорила его сестра Агра. Слова Агры беспокоили ее, они вонзились в сердце и кололи его, как шипы колючки. Амра была смущена присутствием здесь Алдыза.

Сейчас Алдыз сидит около матери с видом занятого человека; по всему видно, что он доволен создавшимся положением. Он будет ходить каждый день, будет встречать Амру. После разговора с Агрой мысль эта привела Амру в смятение.

Дес поправлялась, однако Алдыз не разрешал ей вставать с постели. Он теперь каждый день бывал в доме старого Харзамана. Каждый раз он приходил и подолгу сидел около больной, проверял пульс, давал лекарство, разговаривал. Вечерами он сидел около Дес до тех пор, пока сон не одолевал ее. Постепенно все в доме к нему привыкли, да и он, как видно, не чувствовал себя чужим человеком. Сначала Дес видела в нем только хорошего, внимательного доктора, а потом разглядела, какой он молодой и красивый парень, какой он завидный, по их деревне, жених. Как это раньше она не замечала такого прекрасного человека.

Алдыз вел себя смиренно и осторожно. Сколько бы ни наблюдать за ним со стороны, ничего нельзя было бы увидеть в его поведении, кроме заботы о больной и стремлении поставить ее на ноги.

Амра пристально наблюдала за Алдызом. Она, правда, старалась держать себя в стороне, боясь, что Алдыз начнет приставать с разговорами, но тот как будто не замечал Амры. О чем же болтала Агра тогда на табачном поле? Напридумывала, но зачем? Чего хотела добиться? Что означает ее затея?

Дес поправлялась, Алдыз продолжал ухаживать за нею, и в голове женщины начали появляться некоторые мысли. Как случилось, что она раньше не замечала такого видного жениха? Он ведь из этой же деревни, рос на глазах у всех, здесь учился в школе, после института вернулся в родную деревню, работает врачом. Дес не один раз обращалась к нему за помощью. И все-таки как-то так получилось, что она Алдыза не замечала. Как много нужно, чтобы узнать человека, чтобы он задел за душу. Не заметила, чуть не прозевала самого лучшего на деревне жениха. Красавец, врач, заботливый, внимательный. Чего же еще нужно женщине для счастья? Сначала мысль зародилась, будто росточек проклюнулся из макового зерна. Но дай только волю, вот уж и стебель, и листья, и махровый цветок. Да, часто бывает так, что дочь может ничего не знать, но если матери по душе пришелся парень, то она сама про себя начинает решать судьбу дочери.

Амра должна будет рано или поздно выйти замуж; если так, зачем искать жениха лучшего, чем Алдыз? Еще может получиться, что дочь выйдет замуж далеко, в чужое место, редко придется видеться. А здесь, в своей деревне, на глазах у матери, да ведь это счастье — видеть дочь после замужества когда захочешь. Многие абхазские матери сочли бы одно это за великое счастье. Кроме того, и красавец, и врач. Как это она раньше не замечала Алдыза? Но удивительно и другое, как это до сих пор Алдыза не заметила и сама Амра? А если заметила, значит, он ей не нравится.

Если бы нравился, было бы видно. Этого от материнского сердца не скроешь. Амра не из тех, кого можно приручить к человеку, который не нравится. В этом-то и беда.

Дес начала ходить по дому, и страх за ее судьбу постепенно рассеялся. Было у всех чувство, что стояли на краю пропасти, но опасность миновала, и снова впереди твердая ровная дорога. Алиас, переставший во время болезни жены возиться со своей машиной, взялся за нее с прежним рвением.

В длинном сарае в два ряда сидят низальщицы табака. У них в руках длинные, высветлившиеся от долгой работы низальные иглы. Возле них кучи и гирлянды табачных листьев. В этом же сарае есть маленькая комнатка, в которой и проводит Алиас каждую свободную минуту. Там он возится над конструкцией машины, которая сама низала бы листья, освободив всех людей, сидящих в длинном сарае. Одни удивляются терпению Алиаса, другие подсмеиваются над ним. Еще бы, Алиас хочет изобрести машину, которую не смогли изобрести ученые люди в Сухуми и даже в Тбилиси. Алиас знает, что думают люди о нем и о его машине, но не подает виду, и если даже сомневается сам иногда в своем успехе, тоже не подает виду, упорно мудрит, переделывает, пробует, ломает, начинает сначала.

Однажды он так увлекся своей работой, что не заметил, как в мастерскую вошли трое. Один был председатель колхоза, с которым Алиас уже виделся сегодня утром. Второго он

тоже узнал. Это был министр сельского хозяйства Абхазии. Абхазия не такая уж большая страна, чтобы рядовой колхозник мог не знать в лицо своего министра. Третий человек был незнаком. Впрочем, тут же и познакомили Алиаса с этим человеком. Оказался он министром сельского хозяйства Грузии, а приехал из Тбилиси.

— Вот, приехал посмотреть на вашу машину, — просто сказал министр. — Слышал, слышал, но сами знаете, лучше один раз увидеть... Заодно хотелось бы узнать, какая помощь вам нужна, чем может пособить вам наше министерство.

— Но откуда вы узнали? Я ведь хотел сначала сам... потому что вдруг ничего не выйдет.

— Выйдет. Должно выйти. А узнал я из абхазской газеты. Какой-то селькор из вашего села разгласил тайну.

Алиас, с одной стороны, обрадовался приезду министра, но тут же закралась и другая мысль: теперь все знают, теперь никак нельзя, чтобы ничего не вышло. Ну, а вдруг все-таки не выйдет и окажется все пустой затеей? Бывает ведь, что у человека в руках ружье и считают его вооруженным человеком, а ружье-то пустое, не заряжено, хуже палки. Как не хотелось Алиасу, чтобы молва о его машине ушла дальше села. Нет, ушла и даже долетела до столицы. Шутка ли, министр правительства. Что же теперь делать? Ведь если окажется все пустой затеей, то — позор, смерть, хуже смерти.

Председатель колхоза, два министра, люди, приехавшие вместе с ними, долго разглядывали изобретение Алиаса, копались в машине, старались понять, в чем загвоздка. Почему машина задерживает и комкает листья табака вместо того, чтобы нанизать их на бечевку. Но если Алиас за долгие дни не мог найти причины, то и у приезжих людей ничего не вышло с наскоку.

— Да, крепкий орешек, — сказал наконец министр из Тбилиси и велел одному из сопровождающих его людей сделать подробную схему машины. Алиасу же объяснил: — Ты продолжай работу здесь, а мы, со своей стороны, будем работать в Тбилиси. Давай действовать вместе, согласованно. Может быть, так получится скорее. Машина твоя нам очень нужна.

Остаток дня до вечера министры осматривали хозяйство колхоза, побывали на кукурузных полях, на пастбищах. Вечером Харзаман накрыл в своем доме стол. Гости сначала отказывались от угощения, но потом, зная абхазский обычай, приняли приглашение.

То, что утаишь от гостя, все равно не пойдет впрок. Поэтому Харзаман накрыл стол на славу. Зарезал по такому случаю козу, открыл бочонок с кроваво-красной «изабеллой», пригласил за стол и сельчан. Долго пировали крестьяне, угощая министров, а потом, по обычаю, в этом же доме уложили их спать.

Амра, как и всегда, ушла в школу. Дверь своей комнаты она никогда не запирала, хотя бы на крючок или на задвижку: прикроет и уйдет. Иногда дверь оставалась приотворенной. Я, проходя мимо, каждый раз невольно косил глазом, невольно заглядывал в заветную и запретную для меня комнату прекрасной Амры. Ни разу я не переступал порога этой комнаты, но глазом косил частенько, да и как не смотреть, если идешь мимо, а дверь приотворена и за дверью никого нет.

В это утро дверь оказалась открытой настежь. Амры не было дома, но каждая вещь дышала ею. Как расставлены вещи, разложены книги, как убрана комната, во всем этом — сама Амра. Я не сумел преодолеть соблазна и воровато перешагнул порог.

Вот в углу стоит шкаф. В нем висят платья Амры, в которых она так нарядна, так красива, которые так плотно обвивают ее фигуру. Посреди комнаты небольшой круглый стол. Сидя за ним, можно писать, читать книгу, но при необходимости можно и накрыть его, тем более на двоих. У стены тумбочка и зеркало на ней. Около тумбочки перед зеркалом небольшое мягкое кресло. У изголовья кровати венский стул. На него Амра кладет каждый вечер, снимая с руки, свои маленькие золотые часики. На кровать я старался не глядеть, но невольно отметил, как она скромно и в то же время аккуратно убрана. Нет в комнате ни одного ненужного предмета. Все стоит на своем месте, что говорит о порядке

и о внутренней строгости хозяйки. Может быть, не обязательны только фотографии, подоткнутые под рамку зеркала с обеих сторон. Я подошел поближе, чтобы разглядеть, кого держит Амра всегда на своих глазах, с кем прощается, когда гасит свет, кому говорит здравствуйте, когда утром причесывается перед зеркалом. Тут было несколько фотографий, как видно, ее подруг и товарищей, с которыми она училась.. Но что я вижу! На самом верху с одной стороны карточка Амры, с другой — моя. На одном уровне мы смотрим друг на друга, и широкое чистое зеркало, словно озеро, разделяет нас. Мы оказались по воле Амры на разных берегах, но все-таки мы смотрим друг на друга. День и ночь, день и ночь я гляжу на нее, а она на меня.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что у Амры оказалась моя фотография. Я когда пришел к ним в дом, подарил маленькую фотографию. Я ее подарил не кому-либо в отдельности, но всей семье. Харзаман или Алиас повертели, повертели ее в руках и отдали Амре — храни. Амра взяла да и вставила ее за

рамку зеркала. Но случайно ли мы оказались на одной линии друг против друга, и разве нет у Амры альбома, в котором она хранит другие фотографии? Конечно, вот он, альбом, который лежит тут же на тумбочке. Я воровато взял его в руки и раскрыл. Множество фотографий. Опять друзья по учебе, родственники и сама она в разных видах, в разные годы. Одна фотография мне особенно понравилась. Не мог положить альбом, не мог закрыть его, не мог оторвать глаз. Не соображая, что делаю, я вынул фотографию из альбома. Альбом же закрыл и положил на место. Амра, молодая, прекрасная Амра смотрела на меня с фотографии. Казалось, еще немножко, и улыбнется, и скажет какое-нибудь доброе, ласковое слово. Непонятная радость обуяла меня. Теперь я могу смотреть на Амру, сколько хочу и когда хочу. Она не может ни отвернуться, ни нахмуриться. Здесь все для одного меня: ее чистый лоб, ее брови, ее глаза, ее губы. Я почувствовал, что не в силах положить карточку обратно в альбом. Но как же так? Никто никогда не упрекал меня в воровстве. Я отрубил бы, нет, я отгрыз бы себе руку, если бы она взяла что-нибудь чужое, хоть пуговицу. Что же? Сделать так, чтобы с этого дня каждый мог назвать меня воришкой? Возьму — значит, украл. Не возьму — значит, у меня не будет ее, значит, я не смогу смотреть... Я решительно кладу фотографию в карман и стремительно выхожу из комнаты. Дверь я оставляю открытой, и в этом уже отмечаю для себя некий воровской прием: оставить все, как было. С балкона открывается большой, просторный мир. Люди, ловите меня, держите меня — я украл. Я только сейчас был в чужой комнате и копался в чужих вещах. Ловите меня, я украл. Но я думаю, что вы поймете и простите, потому что я украл образ любимой девушки. Я не мог его не украсть так же, как, очевидно, не смогу без него жить. Некоторое время я в растерянности постоял на балконе, постоял немного на лестнице и действительно воровато выбежал со двора.

«И старухи про себя танцуют, да никто не видит» — так говорят у нас в народе. Вот и я сколько раз уже объяснялся с Амрой, рассказывал ей про свою любовь, но все это не больше чем старушкины танцы.

Если я сяду рядом с Амрой и расскажу ей про все, открою свою душу, дам ей заглянуть в глубину своей души, неужели она не поймет меня? Она ведь не злая, она должна понять. Может быть, она сама давно ждет, чтобы я ей сказал что-нибудь. Может быть, она даже досадует на меня за мою нерешительность. Уж не ждать же мне до тех пор, пока Амра первая сделает мне предложение.

Узнать бы, что у нее на душе и как она отнесется к моим словам. Допустим, что я все расскажу ей, откроюсь, она сделает вид, что не слышала моих слов, откажет мне. Как я тогда буду жить, как перенесу ее отказ? Но нет, лучше узнать всю правду, чем томиться в такой неизвестности. Но зачем меня поселили в дом Харзамана?

Однажды, когда Алдыз спрашивал Дес о ее здоровье, в комнату вошла Амра. Дес вдруг заторопилась. Она сказала дочери, прежде чем уйти на кухню:

— Нан, займи гостя, нехорошо, если он будет скучать в нашем доме.

Алдыз сразу понял поступок Дес. Значит, мать не препятствует его сближению с Амрой и даже, напротив, сближает их, освобождает ему дорогу. Теперь дело только за ним самим. Нет, конечно, главное дело всегда в руках самой Амры, но все-таки во многом зависит от искусства Алдыза. Такую девушку, как Амра, нельзя прибрать к рукам с бухты-барухты. Но ведь они встречаются не впервые. За время болезни Дес Алдыз стал своим человеком в доме. Дес рассчитала правильно, оставляя молодых людей наедине. Если бы Алдыз заговорил с Амрой раньше, было бы рано. Если бы он замедлил, было бы поздно. Алдыз это понимал, да и Амра вовсе не торопилась развлекать гостя по просьбе матери, а сидела, ожидая важного разговора.

Алдыз старался найти первое, самое трудное слово. Оно, как тон в музыке, должно быть очень верным, тогда и вся музыка будет правильной. От первого слова зависит, потянется ли сердце девушки навстречу разговору или замкнется и встретит холодом. Первое слово должно на крыльях вылететь из души, тогда за ним полетят и другие слова. Но именно первое-то слово никак не может сорваться с онемевшего языка, никак его не выдавишь из пересохшей гортани.

Алдыз глотал воздух, как рыба, оказавшаяся на суше. Он сидел, молчал, мучился, и чем больше мучился, тем все труднее и труднее становилось начать разговор. Его молчание между тем все больше настораживало Амру, ставило в тяжелое положение.

Но все же Алдыз оказался решительным мужчиной. Он произнес первое слово, и звук его голоса был похож на звук струны ачандура, когда струна неумело перетянута, перенапряжена. И первое слово его было— Амра.

— Амра, — сказал Алдыз с облегчением оттого, что самое первое, самое нужное слово найдено; помолчал и повторил еще раз: — Амра!

У Амры в ответ выгнулись вопросительно черные брови над удивленными глазами.

— Слушаю.

— Не знаю, с чего начать. Я боюсь начинать потому, что до этой минуты я ношу в себе такое, чего у меня раньше никогда не было. Я берег свое чувство, никому о нем не говорил, мне не хочется его потерять. Почему двигаются мои ноги и руки, почему бьется мое сердце, почему глаза видят свет? Только потому, что ты, Амра, живешь на земле. Все благодаря тебе. Ты одна... От тебя одной все зависит... Я, конечно, не стою, но если я не кажусь тебе безобразным уродом, если тебе не стыдно будет, когда нас на улице увидят вместе, если мой вид не опозорит тебя, давай будем спутниками. Я хочу быть твоим другом.

Слова, накопившиеся у Алдыза, пока он молчал, теперь выскакивали, опережая одно другое, но все же самообладание его было велико и все слова, которые он говорил, были не случайны, одно к одному, одно дополняло и усиливало другое. Амра, казалось, пыталась несколько раз перебить Алдыза, но не успевала вставить свое словечко. Откроет рот, готовая остановить красноречивого «артиста», но слушает дальше и снова зажимает губы.

Внешне Амра все же выглядела спокойно, хотя в душе она металась, ища выхода из того затруднения, в которое все теснее загоняли ее слова Алдыза. Может быть, притвориться обиженной: как смел сравнивать и поставить себя рядом со мной? Но к чему? Он действительно не безобразен, не урод, самый красивый парень в деревне. Только он красив не для нее, Амры, а для какой-нибудь другой девушки. Не к чему придраться. Он не говорит ничего обидного, недостойного. Как сказать ему, что она никогда не сможет стать его подругой и связать с ним свою судьбу? Зачем она допустила, чтобы начался этот ненужный и нелепый разговор? Она готова дружить с ним. Она готова стать его названной сестрой. Дружбу она пронесла бы незапятнанной до конца жизни, но женой стать не может.

Почему не может? Амра и сама не ответила бы на этот вопрос. Никаких причин нет, чтобы не выходить замуж за такого хорошего человека. Но все-таки Амра знает,

чувствует, не хочет и не может дать ему хотя бы надежду. Как бы все это сказать, чтобы не обидеть? Он ни в чем не виноват, и обижать его не за что. Не хочет, чтобы он затаил обиду и стал относиться к ней хуже. Зачем?

Наконец Амра улучила удачный момент и заговорила. Она говорила спокойно, как с провинившимся учеником на уроке, как будто уж много раз ей делали предложения и она научилась отвечать на них одинаковым образом.

— Помолчи, Алдыз. Я поняла, куда клонится твой разговор. Я никогда не могла подумать, что снизойдешь до меня и поставишь рядом с собой. Разве я могла думать? Что ты нашел во мне? Я сумасбродная, легкомысленная девчонка, а ты самостоятельный человек, врач, завидный жених. Разве я достойна тебя? И потом, я вообще не хочу думать пока о замужестве. Мне рано, да и некогда, у меня школа. Я не хочу, чтобы мои слова тебя обидели...

— Хорошо, пусть не теперь. Но могу ли я надеяться в будущем? Я буду ждать, сколько ты захочешь. Давай вернемся к нашему разговору через два года. Я готов ждать. Я на все готов, только была бы какая-нибудь надежда.

— Да нет, Алдыз... Зачем же... Напрасно. Я не могу дать никакой надежды. Не надо. Не будем ссориться.

— Значит, ты открыто отказываешь мне? — начал Алдыз, снова уже сердясь. — Но ты подумала? Значит, окончательно? Твое последнее слово?

— Выходит, так.

Алдыз вскочил, будто стул подтолкнул его снизу. Он совсем разозлился, но тотчас взял себя в руки и заговорил мягко и просительно:

— Амра, прости меня, я сам не знаю, что такое со мною случилось. Это несчастье. Но я не могу, не перенесу, не переживу без тебя. Это не пустые слова. Я действительно не перенесу, и ты увидишь!

— Что ты говоришь, Алдыз, ты же не мальчик! Как это — не перенесешь? Давай не углубляться дальше в эти дебри. Давай сделаем вид, что никакого разговора не было. Забудем о нем и останемся добрыми друзьями.

— Но почему?!

— Так лучше, Алдыз, я уж знаю.

— Но почему, Амра, почему? Ты ничего не знаешь!

— Нет, нет, давай сделаем вид, что никакого разговора не было. Ты согласен?

Договорились?

— Но почему? — Алдыз твердил свое «почему», словно растерял все другие слова.

— Стыдно, Алдыз, не кричи, ты не мальчик. Кто-нибудь услышит. Я тебя считаю своим братом, а ты мне делаешь предложение.

Ох, эти наши абхазские обычаи! Если бы шальная пуля попала сейчас в Алдыза, он не вздрогнул бы так болезненно. Одно слово, освященное старинным обычаем, может связать человека по рукам и ногам. Амра назвалась Алдызу сестрой. Значит, теперь, если Алдыз вздумал бы говорить с нею о любви, это было бы таким же бесчестьем, как если бы Амра была действительно его сестрой, сестрой по крови. Теперь, если Алдыз хочет быть честным, с незапятнанной совестью, он не должен не только говорить о любви к Амре, но и думать о ней. Он должен вырвать всякую любовь из своего сердца. Соблюдение обычаев — по-абхазски это то, что отличает человека от животного.

— Прости меня, — вскочил Алдыз, как бы ударенный хлыстом. — Прости, я ничего не говорил, и ты ничего не слышала.

— Пусть я буду виновата во всем. Тебе не в чем себя упрекать. Ты вел себя как достойный мужчина.

— Спасибо.

Алдыз быстро спустился по лестнице. Амра проводила его. Былга выскочила из-под дома,

радостно виляя хвостом и бросаясь то к одному, то к другому.

— Почему ты торопишься, Алдыз? — говорила Амра, едва поспевая за ним. — Надо попрощаться с мамой, она даже не знает, что ты уходишь.

— Куда ты уходишь, Алдыз? — крикнула Дес с кухни.

— До свиданья, уйду домой.

— До свиданья, счастливого пути.

Когда Амра вернулась от калитки, мать у нее спросила:

— Почему ты его отпустила, нан, я ведь готовила угощение. Еще бы немножко подождали, и еда была бы готова. Как-то неловко получилось. Словно я нарочно ушла, чтобы не разговаривать с Алдызом. Он, наверно, обиделся.

— Нет, мама, на тебя он не сердится.

Амра поднялась по лестнице, прямая, полная достоинства и гордости, точно одержала победу. Войдя в комнату, она погляделась в зеркало.

«Ну вот, Амра, тебе уже делают предложение».

IX

Никому из мальчишек не придет в голову гулять в лесу в одиночестве без всякого дела. Только Татей может брести без дела и час и два по лесной тропинке. Он чутко прислушивается к чему-то, а губы все время шепчут неразборчивые слова. Для человека, не умеющего слушать, лес молчалив или в лучшем случае наполнен беспорядочными звуками: там свистнет птица, там прошелестит листва, там прогудит шмель. Но для человека, наделенного особым слухом, лесные звуки и вообще все голоса природы сливаются в единую, стройную музыку.

Татей идет по лесу один и слушает то, что не слышат проходящие другие люди. Вот если сумеет еще перевести музыку природы на человеческий язык и в виде человеческих, всем доступных песен передать людям. Природа полна великих тайн. Ее тайны сливаются в одну, еще более глубокую, еще более таинственную тайну. Услышать ее голос своим сердцем, понять его, уловить и закрепить в своей душе — вот призвание поэта и музыканта. А для этого мало одного умения услышать, для этого нужно еще умение передать другим. Необходимо овладеть искусством, мастерством, а для этого, увы, недостаточно одних прогулок по лесу, нужны учение и труд.

Полна чарующих звуков великая природа. Если бы каждый умел слушать ее, то, верно, люди бросили бы свои ежедневные дела и ходили бы, подобно Татею, по лесным дорожкам, наслаждаясь великой музыкой.

Каждая птица поет по-своему. Одну песню она поет с утра, другую к вечеру, одну песню весной, а другую осенью. Каждое дерево по-своему лепечет под ветерком. Легкий ветерок — одна песня, резкий порыв ветра — другая песня, налетит буря — запоют деревья совсем по-иному. Каждое дерево по-своему, а все их разные песни, будь то от легкого ветра, будь то от сердитого ветра, сливаются в одну симфонию, которую сладостно слышать человеческому уху.

То прозрачная беззаботность, то тревога, то угрюмое недовольное бормотанье, то надрывный стон слышатся в шуме деревьев, и все же эти хоры еще не для всех людей. Должен прийти поэт или музыкант. Он услышит, запомнит, переложит на человеческий язык, подарит людям.

Осенью Татей уедет учиться в большой город, в Сухуми. Кто знает, может быть, там его научат искусству песни. Ведь главное у него уже есть: он слышит и наслаждается тем, что слышит.

Лесная тропинка вывела к дому Харзамана. Мы с Харзаманом в это время сидели под старым дубом. Мы собирались уезжать в горы на пастбища, и сборы наши были закончены. Теперь мы сидели под дубом и мирно беседовали. Татей сразу от калитки прошел в дом. Наверно, поднялся в комнату Амры.

Мы мирно беседовали, готовые отправиться в горы на пастбище, когда увидели, что к калитке подошли двое. Это были молодые, незнакомые нам люди. Я и Харзаман удивились тому, что люди подошли к калитке. Без дела к калитке подходить не следует, а дела к нам у этих незнакомцев никакого не могло быть. Былга, как зверь, ошестинившись и оскалившись, бросилась из-под дома к калитке. Если бы те двое уже переступили во двор, то Былга, верно, заела бы одного из них. Впрочем, Харзаман вскочил так проворно, как будто ему двадцать лет, и непонятным мне возгласом мгновенно остановил собаку. Былга остановилась так внезапно, что, скользя, проехала по траве еще шаг, прежде чем остановиться совсем.

Да, эти люди не были нам знакомы — ни хозяину, ни мне. Скорее всего, они впервые оказались в этой деревне. Однако гость есть гость. Харзаман встретил незнакомых людей, открыл им калитку. Услышав лай собаки, Амра и Татей тоже вышли из дома. Все вместе мы расположились опять под тем же дубом, под его доброй широкой тенью. Харзаман первый начал разговор. Он ведь должен все-таки узнать, что за люди пожаловали к нему и что им нужно.

— Простите меня, старика, молодые люди. Память не та или глаза, но я не узнал вас.

— Да вы, дедушка, и не могли нас узнать,— начал тот, кто считал себя старше, если не по работе, то по годам.— Мы впервые в вашей местности, дело привело нас в вашу глушь. Я инженер. Зовут меня Мыта, фамилия Ларба. Я строитель дорог. Мой товарищ — Алгери Лашба. Он тоже инженер, но только не по дорогам, а по электростанциям.

— Хорошо. Инженер — это хорошо,— повторил Харзаман как бы в задумчивости, будто собираясь с мыслями.— Но какое дело привело вас сюда?

— А мы здесь будем вести дорогу. На реке Аалыпсте будет строиться плотина, электростанция. Для того, чтобы ее строить, нужна дорога. Вот мы и смотрим, где ее провести.

Харзаман нахмурился. Тень набежала на его лицо. Он тревожно огляделся вокруг себя, обвел взглядом свое небольшое хозяйство, свой дом, двор, свою усадьбу, приютившуюся у подножья скалы, как раз между рекой и скалой, на ровной площадке.

— Электростанция — это хорошо, молодые люди, это прекрасно. Но где же вы здесь будете проводить дорогу? Справа скала, а слева река. Посредине мы приютились, горемычные. Нас ведь не обойти ни справа, ни слева.

Харзаман вдруг вскочил на ноги. Лицо его покрылось краской и стало похоже на спелый перец. Терпение и выдержка изменили ему. Он встал, словно загораживая собой все свое хозяйство, и дом, и сад, и семейное кладбище, и старый дуб, и родник, разбуженный прадедом, и старые лозы «изабеллы», посаженные дедом, и все тропинки, найденные родом Ахба. И всем стало понятно, что если и ляжет здесь дорога, то она ляжет посредине самого Харзамана, посредине его широкой груди, посредине его старого, но все еще жарко бьющегося сердца.

— Так где же, молодые люди, вы здесь собираетесь проводить дорогу?

— Да вот, где мы сейчас сидим, здесь она и пройдет. Больше нигде ей проходить, вы, наверно, видите сами. Справа скала, слева река.

Инженер говорил об этом так спокойно, словно речь шла не о том, чтобы смести с лица земли обжитое десятилетиями родовое гнездо Харзамана Ахба, а переложить с места на место небольшой камень.

Другой инженер, Алгери, видно, почувствовал, как накалилась атмосфера, и решил ее разрядить:

— Такая жара. Умираю от жажды. Дедушка, нет ли у вас напиться?

Харзаман к этому времени уже взял себя в руки. Но все же, когда он крикнул Амре, было видно, что весь гнев, не вылившийся на гостей, вылился в этот крик:

— Амра, эй, Амра!

— Что, дедушка, я слушаю.

— Гость хочет пить, принеси воды.

Амра почерпнула из большого зарытого в землю кувшина черного старого вина, налила в кувшинчик. На тарелку положила несколько ломтиков молодого сыра и немного аджики. Тарелку с питьем и едой она преподнесла Алгери.

— Я ведь хотел попить воды.

— Вино тоже утоляет жажду. Пей, молодой человек,— не то уговаривая, не то настаивая, сказал Харзаман.

С Амрой в это время что-то случилось. Она как остановилась глазами на лице Алгери, так и не могла их отвести. Она стояла как под гипнозом, протягивая тарелку, но не глядя на нее. Рука Амры, державшая тарелку, начала дрожать. Из стакана выплеснулось немного красного вина. Алгери тоже посмотрел на девушку долгим, как будто вспоминающим взглядом. Встретаться с Амрой он нигде не мог. Скорее всего, она напомнила ему что-то давнее и забытое, может быть, другую девушку, с которой вместе учился и которую когда-то любил.

Тарелка дрожала в руках Амры. Едва Алгери протянул руку, чтобы взять стакан, как рука Амры ослабла совсем и все, что было в руке и тарелке, и вино, упало на камин, разбилось, выплеснулось.

— А! Ты что, уснула или твою руку схватил ревматизм?!— закричал в досаде Харзаман и вскочил с места.

— Чтобы отсохла моя рука. Это я во всем виноват, — заступился за девушку Алгери, — разбитого не составишь.

Амра не попыталась даже собрать осколки, убежала. Воцарилась тягостная неловкость. Ни хозяин, ни гость не знали, что делать и что говорить. Татей нашелся первым. Он принес стакан холодной воды и напоил Алгери. Поблагодарив его, инженеры ушли. Я сделал вид, что хочу их проводить, и тоже ушел со двора Харзамана.

Амра, вбежав в свою комнату, бросилась на постель вниз лицом, уткнулась в подушку. Она крепко сжимала веки, будто боясь открыть глаза. Но это не значит, что в глазах у нее стояла темнота и она ничего не видела. Нет, в глазах у нее как живой стоял Алгери. В сердце каждой девушки дремлет любовь, дожидаясь своего часа, своего мгновения. Для каждой девушки рождается на свет свой парень, который это чувство пробудит. Для каждой девушки существует тот день, когда парень появится и чувство проснется. Каждая девушка ждет этот день.

И вот все совпало. Каким-то чудом зашел в наш тихий уголок этот инженер Алгери. Тут уж неважно, что, может быть, сам Алгери вовсе не заметил и не запомнил девушку, которую увидел мимоходом. Для него это мелкий случай, а для нее величайшее событие в жизни, ибо для нее наступил тот самый день.

Вскоре мы с Харзаманом отправились в горы. Мы гнали скот. В эти дни, пока мы все еще собирались, Харзаман ходил по двору мрачнее тучи. Все мы как-то обходили друг друга стороной, не попадались друг другу на глаза. Харзаман, видно, боялся за себя, что сорвется, не сдержит гнева, натворит беды. Амра нарочно задерживалась в школе, приходила поздно, а придя, почти совсем не выходила из комнаты. Я вообще бродил как неприкаянный, как бездомная собачонка, поодаль от Харзамановой изгороди.

Но теперь все изменилось. Мы гнали скот в горы. Харзаман не спеша шел впереди стада, а я замыкал наше шествие. Мы не торопились и преодолели дорогу до горных пастбищ, не измучив скота. Началась наша горная жизнь.

Пока мы жили в горах, в Новолунии происходили свои события. Место для электростанции было точно намечено. Началось прокладывание дороги. Она все ближе и ближе, как ползущая змея, подбиралась к хозяйству Харзамана. Но еще раньше ее открылась дорога к дому Харзамана для Алгери. Амра, используя старинный обычай, парализовала Алдыза. Он не мог теперь не только пошевелить пальцем, но и сказать слово. Мы с Харзаманом были далеко в горах. Алиас возился со своей машиной. Некому было встать на пути Алгери к Амре, и он, воспользовавшись, пошел по этому пути напрямик.

Они встретились в укромном месте, недалеко от дома Амры. В тот день Амра была дома одна, некому было за нею смотреть, поэтому она вышла со двора спокойно, ничего и никого не опасаясь. Однако Былга, верная семье и дому Харзамана, пошла за девушкой. Амра, заметив собаку, строго прикрикнула на нее, собака обиделась, сдала назад на задние лапы, заскулила, но было видно, что она не собирается возвращаться домой. Дождавшись, когда молодые люди скрылись за поворотом и в зелени, собака снова пошла вперед. В стороне от дороги, под густым деревом Амра и Алгери остановились. Здесь никто из прохожих не мог увидеть их, потому что дерево было окружено другими деревьями. Они стояли под деревом и негромко разговаривали.

Конечно, Алгери вел разговор и управлял им. Но разговаривали они не о них самих и не о том, почему они оказались вместе в стороне от людей, а о посторонних как будто вещах. Алгери говорил о красоте Новолуния, о том, что он впервые увидел такой уголок земли, что ему хотелось бы всегда здесь жить, всегда смотреть на эти деревья и скалы, что он не понимал до сих пор, что значит красота земли и что значит любить... Алгери говорил о Новолунии и о природе, но за каждым словом подразумевалась Амра. И Амра понимала это и слушала с замиранием сердца. Вовсе не Новолуние, но Амру он встретил впервые в жизни, это с Амрой всегда хотелось бы жить, на Амру смотреть, это до Амры он не знал, что бывает такая красота.

Если человеку зачем-либо дан язык, то не для извержения проклятий и ругательств, не для скучных речей на собраниях, не для будничной болтовни, не для базарных сплетен, но только для слов, которые говорил теперь Алгери, для красивых, для горячих, для чистых искренних слов.

Амра слушала как замороженная. Он говорил о посторонних вещах, но постепенно он раскрывался для Амры. Она узнавала ведь, что ему нравится и как глубоко он чувствует и какой он, одним словом, прекрасный и возвышенный человек. Он говорил о Новолунии, о природе и о жизни в Новолунии, но все у него выходило так, будто он говорит о какой-то нездешней прекрасной жизни, которая встречается не в Новолунии, но разве в сказках. Амре казалось, что такой человек, как Алгери, сейчас схватит ее, Амру, и тоже, как новолунскую жизнь, в своем разговоре поднимет и возвысит выше скал до самого неба. Ей уже казалось, что, если она обойдет даже всю землю, никогда больше не встретит такого же Алгери, красивого, пламенного, мужественного, именно такого, какой смутно рисовался ей в ее тайных девичьих мечтах. Да, она знала, что когда-нибудь появится около нее человек, мужчина, и про себя рисовала его образ. И вот получается, что все черты и черточки того, которого она ждала, и того, кто теперь стоит перед ней, совпадают. Она подумала, что если он сейчас позовет ее, что если он сейчас скажет ей: брось дом, Амра, оставь своих родных, пойдем со мной, то она пойдет и забудет и дом, и родных, и все на свете, но пойдет с ним.

В это мгновение, откуда ни возьмись, Былга скользнула между парнем и девушкой. Она виновато виляла хвостом и принималась к земле, прося прощения. Амра вздрогнула и вспыхнула стыдливым румянцем, словно через Былгу и вся семья увидела ее в укромном лесном уголке, с чужим мужчиной. Алгери, увидев растерянность Амры, тоже смутился и перестал говорить. Речь его сбилась, огонь потух, атмосфера, созданная его речью, мгновенно рассеялась, и не осталось уж никаких поднебесных высот, а остались просто дерево, парень с девушкой, пришедшие сюда украдкой, и собака, проследившая их. Былга, словно поняв, что добила своего, встала, положив лапы на плечи Амре, и лизнула ее в щеку. Амра, в первые секунды полная досады на собаку, собиравшаяся на нее накричать, вдруг обняла ее, припав щекой к жесткой шерсти. Все было скомкано и нарушено. Амра вышла на тропинку из леса и пошла домой. Некоторое время спустя на дорогу вышел и Алгери. Он направился не в сторону дома Амры, но вверх. В этот же миг на дороге, откуда ни возьмись, возникла Агра. Она издали громко заговорила:

— Молодчина, Амра, ты, видно, не дашь нам соскучиться. Честное слово, не дашь.

— О чем ты?

- А вот кто это идет по дороге?
- Где, кто?
- Ты хорошо знаешь, кто, зачем притворяться?
- Мало ли здесь ходит народу?
- Обо всех говорить не будем, ты прекрасно понимаешь, о ком идет речь.
- Что ты говоришь, Агра, что все это значит?
- Подумай хорошенько, поймешь.
- Я ничего не знаю, и, пожалуйста, не впутывай меня в свои фантазии.

Амра шла домой, и ей казалось, будто все, все, до последней травинки, до последнего листика, знают теперь ее тайну. Она стыдилась смотреть по сторонам и смотрела только себе под ноги. Былга бежала сзади. Она бежала с чувством исполненного долга, с наостренными ушами и с приоскаленной пастью, точно опасность все еще не миновала и нужно каждое мгновение быть начеку...

Х

Поездка в горы имела для меня большое значение. Я понял, что мне нужно сменить квартиру. Прекрасное отношение ко мне семьи Харзамана тяготило меня тем более, что дальнейшее проживание у них могло показаться корыстным. Я решил, что, уйдя от них, я облегчу их жизнь, сняв бремя забот обо мне, и сам я стану свободен от взаимных обязанностей.

Переломить свою размеренную, гладкую жизнь я мог, только расколов ее об скалу здесь, далеко в горах. Другого выхода у меня не было. Одним словом, в горах я отделился от Харзамана и перешел жить к Зафасу... Как только мы построили шалаши, я избрал местом для ночлега шалаш пастухов крупного рогатого скота.

На взгляд постороннего человека в моем поступке ничего предосудительного не было. Конечно, я мог остановиться там, где мне больше нравится и где я сам считал нужным. Но здесь со мною в горах был Харзаман. Все знали, что я живу у него в доме и приехали мы с ним в горы из одного дома, можно сказать, с общими пирогами, а теперь вот я взял забрал свои вещи и ушел жить в другой шалаш.

Это не могло не возбудить разных толков. Первый об этом заговорил сам Харзаман:

— Чем мы обидели тебя, дорогой Алоу?

Я решил прикинуться, будто не понял, о чем он спрашивает.

— О какой обиде идет речь, дедушка Харзаман?

— Откуда мне знать, дад! Не провинился ли я перед тобой? Какая-то причина должна быть. Без причины ничего не бывает... Грешу на себя. Уж не виноват ли я, старик, чем перед тобой? Но если бы я знал, в чем моя вина...

— В чем дело, Харзаман? Может, я чем-нибудь обидел вас? — старался я смягчить старика. — Что случилось, Харзаман?

— О, дад, если бы я знал, что случилось... Я бы не спрашивал, если бы знал.

Всем своим видом я старался изобразить растерянность, невиновность, будто не понимаю, о чем он ведет речь.

Но Харзамана не проведешь.

— Ах, дад, ты думаешь, что старик слепой? Если ты не обиделся, не ушел бы жить к Зафасу... Разве ты покинул бы мой шалаш, если бы я не обидел тебя... Провинился я, видно, на старости лет.

— Что вы, что вы, Харзаман, ничего здесь не произошло, что бы могло обидеть; что из того, что я ночую на другой ферме? Что сказали бы те люди, если бы я к ним относился, как к чужим? Или та, другая ферма не наша?

И хотя мне было жаль Харзамана, но другого выхода у меня не было. Я стоял на своем.

— Ничего, Харзаман, не случилось. Будь спокоен. Ты здесь ни при чем. Дай бог, чтобы хуже этого между нами ничего не было.

— Кто знает, дад, может, ты и прав... Но что может случиться хуже этого, дад? Он испытующе глядел мне в глаза. Я решил прибегнуть к самому высокопарному стилю в разговоре, чтобы окончательно разубедить старика в какой-либо его виновности.

— Пусть будут небо и земля мне свидетелями, что никакой обиды у меня на вас нет и не было! Нужно быть совсем неблагодарным, чтобы не заметить, что вы меня на руках носите!

— Так оно на самом деле и есть, дорогой Алоу. Но я говорю тебе это не для того, чтобы ты благодарил меня или хвалил. Что бы ты ни говорил, не пытайся меня обманывать. Скажи лучше, за что ты обиделся на меня, — я никому ничего плохого не сделал... Я опять сделал невинное лицо.

— Ничего, абсолютно ничего, Харзаман, не случилось.

— Ну, пусть будет так, дад, пусть будет по-твоему, Алоу, — тяжело вздохнув, сказал Харзаман.

Харзаман никогда не упрекал меня больше за то, что я ночевал на другой ферме, но поутру я встречал его печальный взгляд. Большую часть своего времени я проводил около него. Мы оба старались не придавать значения холодному ветерку, подувшему между нами. Всю работу выполняли вместе. Возможно, это помогло развеять его грустные думы. На ночлег Харзаман укладывался позже всех. Когда все засыпали, он выходил на поляну и смотрел в ясное горное небо. В звонкой тишине темной ночи он различал нескончаемое журчанье родников. Он смотрел на небо, и разные думы бродили у него в голове. По небу тихо плавали яркие звезды. Среди них Харзаман искал свою звезду. И как только сверкающие лучи его далекой звезды падали ему в глаза, печаль спадала с них, и с проясненной головой и спокойной душой Харзаман ложился спать.

Харзаман был хорошим охотником. В прошлые приезды в горы мы не раз вместе ходили на охоту, и я убедился, какой он меткий стрелок и страстный охотник. С детства он приоровился к скалам и взбирался и цеплялся за них с легкостью дикого животного. Он первым завел речь об охоте и в этот раз.

— Зафас, неужели мы в этом году спустимся с гор, ни разу не отведав мяса дикого тура?

— Да, неплохо было бы поразмяться, — поддержал его Зафас,

На рассвете мы уже поднимались в горы.

Харзаман затянул песню Ажвейпшаа — бога охоты. Мы, как умели, подтягивали ему. Незаметно оказались у подножья высочайшей скалы. Подрезая подол ее, катилась, переваливаясь с брюха на спину, ворочая глыбы камней, горная речка. Она то прыскала, будто от смеха, брызгами, то раскатисто-громко хохотала, перепрыгивая через валуны. Скала, на которую мы смотрели, была высока. До вершины ее не достигал наш взор.

— На этой скале туры, — нарушил молчание Харзаман. — Определенно есть туры, — говорил он, но в голосе его звучало сомнение. — Конечно, есть туры. Есть. Но... Эх, где моя молодость? Гора обманчивая, трудная, а вдруг их там нет? Был бы я молодым... — Он осматривал меня взглядом с ног до головы.

— Я готов сейчас, — бодро ответил ему я и перехватил в руках ружье.

— Нет, Харзаман, а если что с ним случится, — проговорил Зафас, — мы с тобой опытные охотники...

Мы смотрели на скалу и мысленно карабкались на нее, до ее вершины.

— Я готов, — повторил я.

— Молодец, на охоте трусу делать нечего, — ответил мне Харзаман. Он протянул руку вправо, обратился ко мне: — Ты, Алоу, пойдешь этой дорогой. А ты, Зафас, — вот так, влево, а я пойду прямо. Пусть сопутствует нам удача. Ажвейпшаа не забудет нас. Мы разойдемся на этой горе, но выстрел будет служить сигналом. Все собираемся на выстрел, будь это удачей или несчастьем. Ажвейпшаа будет смотреть за нами, — как бы благословлял нас в путь Харзаман.

То сжимаясь всем телом, то вытягивая его, Харзаман будто полз по отвесной скале, перебрасывая руки с одного уступа на другой и подтягиваясь за ними ногами.

Он приближался к уступу, похожему на седло. Достиг его, сел верхом и, казалось, оседлал и укротил всю гору... Ему хорошо видна была макушка скалы. Охотничьим чутьем он понял, что там, на вершине, с минуты на минуту мог появиться тур. Он решил выждать здесь. Харзаман взглянул вниз — бездонная пропасть. Сорвешься — все, судьба твоя решена, не соберут костей... Харзаман думал об этом, пока ждал и смотрел на вершину горы, которую природа, наверно, специально создала, чтобы с нее дикие горные животные смотрели на окружающий мир, радовались восходящему солнцу, купались в его лучах. Солнце еще не взошло, но лучи его великолепным светящимся веером били из-за скалы. И хотя Харзаман ждал этого момента и судьбу животного, которое появится на этой скале, он сам уже предрешил, появление тура оказалось внезапным. Раздался выстрел, и тур скатился вниз. Харзаман следил за ним взглядом. Тур упал в труднодоступное место, но Харзаман решил достать животное и отправился за ним.

Я понял, что стрелял Харзаман, и устремился к нему. Когда я его увидел, старик висел на руках, держась за небольшой выступ, а ноги его скользили и срывались, как только он пытался опереться ими и поставить их на порожек скалы. Он висел над пропастью.

— Держись, я здесь! — крикнул я и полез к нему. Не знаю сам, как мне это удалось, но я быстро достиг его, принял вплотную к скале и подставил под его ноги плечо. Харзаман медленно подтягивался и поднимался все выше, а я помогал ему, подставляя плечо.

Наконец он сел на выступ, который держал мертвой хваткой.

— Спускайся, дад, спускайся! — крикнул мне Харзаман. — Теперь со мной ничего не случится. Я передохну и тоже спущусь. Пожалуй, эту дичь уже не найти.

— Куда упал он? — спросил я Харзамана, твердо решив найти убитое животное.

— Не найти его, не найти, — ответил безразлично Харзаман и махнул рукой на склон, к которому можно было подобраться только другой дорогой.

Нагруженный тушей тура, убитого Харзаманом, я спустился к своим товарищам, отдышавшим у горного потока.

— Ты, оказывается, настоящий горец, а я, выходит, совсем постарел, — говорил Харзаман, когда я подошел к ним. — Да... Э-эх, где моя молодость... Как посмотрю на тебя, так и вспоминаю свою молодость. Ноги ослабели, тело мое ослабело... только сердце все зовет, зовет в горы. Пойдешь за ним, за сердцем, а ноги не слушаются. Пропал бы я сегодня, если бы не Алоу. Пропал бы, подобно туру, которого я уложил пулей: вовремя подоспел Алоу, — продолжал говорить Харзаман.

Старик смущал меня своей похвалой, я не знал, что сказать, и только твердил:

— Что вы, что вы, я не заслуживаю...

— Молодец, Алоу, молодец, — заговорил и Зафас.

Я молчал и смотрел на воды, мчащиеся мимо нас. Харзаман пел песню, и музыкой к ней была журчащая песнь горной реки.

Решив освежиться, мы спустились к реке.

Я нагнулся и протянул руки к воде. И тут из моего кармана выпала карточка Амры. Она скользнула у моих ладоней, закружилась и понеслась по воде. Волна подхватила ее, перебросила через камни и унесла. Прямо в одежде я бросился в воду за нею.

— Хох, хай, держи ее, держи ее! — воскликнул Харзаман, как только карточка попалась ему на глаза.

Он или узнал свою внучку на карточке, или догадался, что, кроме нее, никто не может быть, только за нею я мог так стремительно броситься в воду. Но скорее всего его зоркие глаза разглядели, и он узнал Амру. Если бы было иначе, то почему же он ничего не спросил и не сказал мне ни слова, когда я вышел из воды с карточкой в руке, отняв ее у пучины! Они оба — и Харзаман и Зафас — сделали вид, будто ничего не произошло. Но ведь они видели, как я кинулся в воду за Амрой...

Я сидел в отдалении от друзей, за скалой, сушил свои вещи. Одежда быстро сохла на солнце. Я сидел на камнях обнаженный, но меня обдавало жаром и краска стыда заливала мне лицо, когда я вспоминал происшествие с карточкой.

Карточка Амры лежала на камне, лучи солнца играли на ее лице, и оно все больше и больше прояснялось. Только глаза ее были влажны и туманны, будто слезы стояли в них и капельками скатывались из уголков.

Я сидел и смотрел в мокрые глаза Амры...

Когда я, обсохнув, подошел к друзьям, они ничего у меня не спросили, и от этого мне стало еще грустнее...

Скоро мы отправились в путь. Я шел за моими товарищами, нагруженный тушей тура, убитого Харзаманом. Мы молчали. Мои мысли, наверно, были известны каждому, так мне казалось. Но разве угадаешь, о чем сейчас думает Харзаман? Ничего не прочтешь на лице старика. То, что произошло сейчас, на глазах Харзамана, не прошло бесследно. Он шел грустный, задумавшийся, удрученный, но угадать его мысли было невозможно.

Пока мы были в горах, в нашем Новолунии жизнь шла своим чередом. Алиаса вызвали в Тбилиси в Министерство сельского хозяйства. Он выехал туда с чертежами своей низальной машины. Алиас захватил с собой и Татей, чтобы показать мальчику столицу.

Мальчик рассматривал город с балкона гостиницы, пока Алиас был у министра. А вечером Алиас брал Татея за руку и вел его в театр или просто бродить по городу.

Татей любил провожать Алиаса взглядом, стоя на балконе. Вот Алиас перешел улицу, и перед ним остановилась целая колонна машин, освободив дорогу. Как только Алиас прошел дорогу, так вереница машин двинулась в ту и другую сторону. Татей даже зажмурил глаза, так много машин и так они быстро несутся. Ему показалось, что сейчас они все столкнутся и разобьются вдребезги. Татей открыл глаза: машины ровными линейками шли в разные стороны, а командовали их строем яркие светофоры. Их увидел Татей, когда все машины с шелестом шин о мостовую вдруг одновременно остановились. Он увидел красный свет светофора и понял, что ничего на улицах не может случиться, если всем руководит светофор.

Вот на улицу заполз, чуть изгибаясь, голубой троллейбус, заняв почти половину улицы.

Он скользил брюхом, лениво таща свое тело по асфальту. Потом изогнулся еще больше и остановился. На его усах стали сверкать молнии. Татей удивился: такие молнии у них в Новолунии бывают только в грозовую погоду. А сейчас — Татей поглядел на небо — оно было голубым, чистым и в нем ярко светило солнце. Молнии на усах троллейбуса показались Татею не страшными. Он пригляделся получше. Они совсем погасли, и троллейбус как ни в чем не бывало поехал дальше.

Пока Татей изучал улицу перед гостиницей, Алиас уже поднимался на лифте Дома правительства в Министерство сельского хозяйства.

Приемная министра была пуста. Красивая девушка сидела за столом, заставленным разноцветными телефонами. Они звонили на разные голоса, и девушка обеими руками снимала по очереди то одну, то другую трубку и давала в каждую из них краткие ответы.

Не успевала она положить одну трубку, как звонила вторая; она отвечала в трубку, которую держала у уха, и тут же подносила свободной рукой новую, спокойно говорила в нее, будто до этого она просто сидела и дожидалась специально только этого звонка. Так было очень долго. Алиас стоял перед девушкой, пытался заглянуть ей в глаза, чтобы поздороваться, но девушка, казалось, не видела его, смотрела сквозь него, будто его тут не было. Сквозь него она смотрела на дерево, которое росло за окном; глядя сквозь него, она разговаривала со своими разноцветными трубками. Алиас уже несколько раз поднимал руку и даже раскрывал рот, но девушка брала трубку, говорила в нее приятным голосом, и Алиас опускал руку, закрывал рот, ждал.

Наконец, улучив какое-то мгновение и не успев поздороваться с девушкой, он спросил:

— Министр у себя?

— Пока не может,— сказала она, глядя сквозь Алиаса прозрачными глазами.

— Простите, не понял. Что он не может?

Глаза девушки вдруг остановились на Алиасе, будто она только сейчас разглядела его в темноте.

— У министра нет времени. Он занят. И тебя он не примет!
Алиас сел на стул, задумался.
— Ты только что вошел, и сразу подавай тебе министра...
— Я не сам пришел. Я приехал по его вызову,— тихо сказал Алиас.
— Откуда ты приехал?
— Из Абхазии.
— Фамилия?
— Ахба, Алиас Ахба. Я живу в селе Новолуние.
— Где это твоё Новолуние? От Гагры близко? Я в прошлом году отдыхала в Гагре.
— Нет, мы далеко от Гагры, совсем в другой стороне.
— Алиас Ахба... село Новолуние... Не знаю. Никогда не слышала. Загляни завтра, так... к вечеру, к концу рабочего дня.
— Как так завтра, к концу рабочего дня? Я спешу. Меня ждет работа в поле. Я тоже занят.
— Вас много, а он — один-единственный, понял?
— Я говорю, меня ждет работа в селе, там в Новолунии.
— Никогда не слышала о твоём селе. Где оно находится, твоё село Новолуние, расскажи мне.
— Новолуние?— Алиас улыбнулся при воспоминании о своём селе. — Ты много, девушка, потеряла, что не была в нашем селе. Очень хорошо у нас. Кругом горы, и село наше в горах. Горные речки заворачивают к нам в село. Конечно... очень далеко от Тбилиси, но какой табак у нас растёт!
— Табак?— Девушка скривила губы.— Табак меня не интересует. Вот уж что действительно у вас, у абхазцев, хорошо, так это Черное море. Я отдыхала и в Сухуми, и в Гагре. Лучше Черного моря у вас ничего нет...
— Так и у нас в Новолунии есть море. В нашем селе сам министр был... Он наше село хорошо знает...
— И тебя он знает?
— И меня знает.
Девушка мгновенно вскочила.
— Так почему ты сразу не сказал, товарищ Ахба? Так ведь твоя фамилия?
— Так, так.
Двери кабинета министра распахнулись настежь. Алиас вошел.

Алиас три дня работал с конструкторами над усовершенствованием низальной машины. И хотя работа продвинулась, до полного технического совершенства ещё было далеко. Татей тоже не терял время даром. Он побывал в консерватории. Послушал с Алиасом оперу «Даиси». Никогда Татей не забудет «Даиси». Музыка раздавалась из-под сцены, действие проходило на сцене, а Татею казалось, что это он слышит и видит у себя в Новолунии: он бродит ночью по Новолунию и слышит тихий шепот родничков, протяжную песню Харзамана, и будто он сам, Татей, перебирает струны апхиарцы...

Харзаман новость воспринял по-своему и ворчал:

— Что ты наделал, глупец! Вздумал в Тбилиси поехать! Будто ученые без него не обойдутся. Здесь бы, на своих полях, пробовал машину, потом бы ехал низать табак в Тбилиси... Ай-яй-яй, опозорит он мою седую голову, да что мою... опозорит он наше село. Разве мало в Тбилиси ученых? Разве им не хватает своего ума, что они позвали моего сына, необразованного... Разве можно Алиасу тягаться с ними? Опозорит он себя... Засмеют нас люди.

— Напрасно, Харзаман, ты так говоришь. Укажи мне на тех людей, которые будут смеяться над Алиасом. Найди мне их... Нет у нас таких людей...— не выдержав, заговорил Зафас.

— Что ты ни говори, Зафас, но не все люди умеют низать табак, а машину как заставишь?— продолжал свое Харзаман.

— Что-то, Харзаман, у тебя память стала короткая. Забыл тректор? Забыл, как трактор сажал табак? Вот тебе и машина,— не отступал от своего Зафас.— Алиас день и почь на плантациях табака, вот его опыт и понадобился ученым.

— Твоими бы устами да мед пить,— проговорил умиротворенно Харзаман. — Что ж ты думаешь — не рад я, что ли, что он поехал к ученым? Рад я. Да боюсь я за него...

Я слушал разговор моих друзей, но не вступал в него. Я не мог сосредоточиться на нем. Я был спокоен и за Алиаса, и за Харзамана. Но я не был спокоен за свою судьбу. Что-то меня тревожило, а что — я сам не мог себе сказать.

После того как мы возвратились с охоты, отношение Харзамана ко мне несколько изменилось, я часто встречал на себе его словно промывающий взгляд, он обводил им меня, затем отворачивался и садился, задумавшись. Казалось, то, о чем он хотел узнать, но не мог спросить, он пытался найти у меня в глазах. Будто он выходил на охоту, так испытующе осматривал меня, так искал ответа в моих глазах. Но что я могу сказать? Мне казалось, что он знает мою тайну. И как бы я ни прятал в своих ресницах любимую девушку, она постоянно стояла в них, и все, в том числе и Харзаман, увидели ее в моих глазах.

Да, нелегки абхазские обычаи! До тех пор, пока я в доме считаюсь гостем, до тех пор, пока я пользуюсь гостеприимством в доме, я не смел не только говорить девушке из этого дома о своей любви, но и думать о ней.

Если бы не этот абхазский обычай! Ведь и Харзаман даже под страхом смерти не нарушит своего обычая — не спросит меня: «Любишь ли ты Амру, дад?»

Если бы спросил... я бы сказал ему...

Разве бывало такое в абхазском доме?

XI

Харзаман как бы между прочим мне сказал:

— Алоу, дад, спустился бы денька на два в Новолуние. Разомнешься, развеешься, а нам принесешь свежие новости.

Как будто Харзаман знал, о чем я думаю каждую минуту, как будто он видел все мои сны! Через пять минут я уже был готов к походу. За новостями для Харзамана я отправлялся, словно получил ответственное государственное задание. Я бежал по ровным участкам тропинок, я прыгал с камня на камень, я продирался сквозь заросли, спрямляя дорогу, и еще при солнце того же дня увидел Новолуние.

Как быстро я ни шел, мои мысли бежали впереди меня. Они давно, с самого начала, были уже в Новолунии и подхлестывали меня лучше плетки. Мысли мои были в доме Харзамана около Амры, хотя я и не знал, дома ли она теперь. Впрочем, где же ей быть в предвечерний час?

Хоть бы однажды взойти по ступенькам этого дома, хоть бы одним глазком увидеть Амру, услышать ее голос, посмотреть ей в глаза, поздороваться с ней за руку. Всего этого мне хватило бы потом до осени, до тех пор, когда мы сгоним скот с высокогорных пастбищ на зеленую новолунскую долину. Пожалуй, я и не хотел ничего больше, кроме как смотреть в глаза, услышать голос, поздороваться, ибо, если бы мы остались вдруг вдвоем, что бы я ей сказал?

Все кончается, кончился и мой торопливый путь с гор в село. Вот уж я отворяю калитку и вхожу во двор Харзаманова дома. Неужели Амра не обрадуется моему приходу, неужели она сделает вид, что не обрадовалась? Сейчас она услышит шаги и появится на балконе. Что тогда со мной будет? Не подкосятся ли мои ноги, как у пьяного, не закружится ли моя голова?

Из-под дома выскочила Былга. От волнения и радости она потеряла голос, вместо громкого лая у нее получилось тихое захлебывающееся скуление. Передними лапами она поднялась мне на плечи. Она скулила, будто хотела рассказать мне очень важное, но не хватало ей человеческого языка. Она дрожала от волнения и нетерпения. Глаза ее увлажнились, она то бросалась лапами мне на плечи, то обегала вокруг меня и, наконец немного успокоившись или отчаявшись, повела меня к дому, показывая тем самым, что, кроме нее, нет в этот час других хозяев.

По тому, как встретила меня Былга, я понял, что никого нет дома. Так и оказалось. Двери закрыты, нигде ни души. Былга так выразительно смотрела мне в глаза, словно умоляла остаться здесь, не бросать ее в одиночестве. Я стоял в раздумье среди двора, потому что не знал, куда мне идти, в какую сторону и зачем. Идти мне хотелось только в одно место на всем белом свете: туда, где теперь Амра. Но я не знал, где она, и стоял в растерянности, а Былга умоляла меня не уходить. Все же я пошел куда глаза глядят, надеясь встретить хоть одного человека, с которым можно было поговорить, у которого я узнал бы, где Амра. Я шел вдоль села и думал: вот ты хочешь увидеть Амру, ты стремишься к ней. Но вдруг она сейчас вырастет перед тобой как из-под земли. Знаешь ли ты, что ей скажешь, готов ли ты сейчас к этой встрече? Дома куда ни шло. Там уж никуда не денешься. Надо говорить здравствуй, спрашивать, как дела, и все бы шло как по порядку. А здесь, на улице, пожалуй, язык присохнет к гортани. Пожалуй, лучше бы она не встречалась сейчас на улице.

Село как будто вымерло. Ни души, ни звука. Каким-то холодом, чем-то чужим веяло от села, словно из него ушла душа и остались только дома, чужие мне, ненужные, неприветливые. Откуда ни возьмись, закралось предчувствие, что Амры нет в селе и поблизости, что она уехала куда-нибудь далеко-далеко. Иначе земля не казалась бы мне теперь такой пустынной, такой холодной.

Далеко впереди показался человек. Сначала я не мог даже различить, мужчина это или женщина. Потом мне стало казаться, что это молодая девушка, а потом мне почудилось, что это Амра. Увидеть бы ее здесь теперь. Не стал бы я ничего говорить, да пусть она хотя бы прогнала меня совсем из деревни, только бы ее увидеть здесь, теперь! Но чем ближе мы сходились с девушкой, тем яснее я видел, что и фигура не та, и походка не та, и вдруг я в девушке, шедшей навстречу, узнал Агру.

— Агра! — окликнул я ее первым. — Видно, у тебя легкая нога. Ты первая, кого я встретил в селе, вернувшись с пастбища. Чтобы с твоей легкой ноги все мои встречи были счастливыми. И твои тоже.

— При чем здесь моя нога? И о каких счастливых встречах ты говоришь? Я ведь все равно не заменю тебе ту, кого ты ищешь. Так знай же, что ее нет в Новолунии. Она уехала. Некоторое время я не мог ничего сказать в ответ, хотя рот у меня широко раскрылся.

— Агра, что ты такое говоришь! — Вместо нужных слов из меня вылетел жалкий стон. — Кто уехал, куда?

— Не притворяйся, ты знаешь, о ком идет речь. Я скажу яснее: нет Амры, нигде нет. Она улетела. Она парит на крылышках своей любви. Она парит высоко, и теперь ей до тебя нет никакого дела. А ты сиди на своем несчастном пастбище.

— Кто улетел? Какие крылья? — жалко лепетал я.

— Ну, не крылья, так поезд. Она села на поезд и уехала.

— Вышла замуж? — невольно сорвалось у меня с языка, хотя я и знал, что этого не могло быть без вedomа Харзамана, а значит, знал бы и я.

— Пока еще не вышла, но дело идет к тому. — Агра явно наслаждалась моим

замешательством. — Не знаю, сумеешь ли ты теперь ее догнать.

— Но куда, куда она уехала, с кем?

— Уехала в Сухуми со своим милым Алгери. А предлогом послужил Татей. Будто бы поехали устраивать его в музыкальное училище.

Ну вот, теперь все понятно, не надо больше ни о чем расспрашивать, не надо больше никуда идти. Но почему Агра разговаривает со мной так, словно за что-то злится на меня.

Зачем горькую для меня вещь она сообщает мне чуть ли не радостно, чуть ли не с ликованием? Зло и радость перемешались тут. Да, именно с нескрываемым злорадством сообщила мне Агра о том, что они уехали. За что обижается на меня эта девушка, что я сделал ей плохого? Весь вид ее будто говорит: так тебе и надо, мало тебе. Другие страдают, пострадай теперь ты... Ах, вот оно что, неужели? Я напрямик спросил у Агры:

-- Послушай, что я тебе сделал, за что ты на меня так сердита, я ведь тебя не обижал.

— Уж лучше бы обидел,— невольно сорвалось у Агры с языка. Она спохватилась, закусил губку, но было поздно. Агра тоже поняла это и тоже пошла говорить напрямик— Ты не меня, ты себя обижаешь в первую очередь.

— Но как?

— Амра затмила тебе весь свет. Ничего не видишь, никого не замечаешь, кроме своей Амры. Не обращаешь внимания на тех, которые хотят тебе добра, а не ездят в Сухуми с посторонними инженерами.

Я увидел, что Агра вся дрожит, как в припадке. Бедная Агра. Я, конечно, сразу все понял. Она не могла чистосердечно признаться мне во всем, но и то, что сказано было, для девушки, выросшей в наших горах, слишком много. Не впервые ли абхазская горянка первая дает понять парню, что думает о нем, что любит. Бедная Агра! Мне, правда, было жалко ее в эту минуту. Но, увы, кроме жалости, я ничего не испытал в ответ на ее порыв, в ответ на ее откровенность. Не встретились, не слились наши чувства, не совпали наши стремления и мечты. Бедная Агра, тяжело тебе, если ты решилась на то, на что не решилась бы, кроме тебя, ни одна девушка в наших горах. Мне тоже тяжело, но наши два горя не могут погасить друг друга. Ты думаешь обо мне, а я думаю о другой. Агра знала, что она сейчас беззащитна. Сейчас можно рассмеяться ей в лицо, оскорбить, обидеть. Она ждала, что я скажу, и я начал как можно ласковее и мягче:

— Извини ты меня, Агра... Извини, но я...

— Я знаю, что тылюбишь другую. Ну и беги за ней, догоняй, ищи, отнимай у инженера, счастливого пути!

Я, не дослушав всех слов Агры, почти бегом устремился в конец села. Наверно, Агра что-нибудь еще говорила мне вслед, но я ничего не слышал.

Мне казалось, что как только я сойду в Сухуми с поезда, так и увижу Амру с Алгери. На самом же деле город встретил меня множеством прохожих, среди которых я тотчас затерялся. Иду куда-то по улицам, заворачиваю то за один угол, то за другой. Нет ни твердого направления, ни ясной цели. Люди перегоняют меня, потому что всякий, у кого есть цель, идет быстрее того, кто сам не знает, что ему нужно. Прохожих множество, но нет ни одного человека, который узнал бы меня, и нет ни одного человека, которого узнал бы я. Нет у меня знакомых в Сухуми, кроме Амры, Татей и еще этого самого Алгери. Лучше бы уж не было совсем никого.

Ноги привели меня к музыкальному училищу. Из здания, приютившегося у подножья горы, вылетали из окон разрозненные, беспорядочные звуки: то кусочек скрипичной музыки, то пианино, то обрывок песни, то просто возбужденные голоса. Как видно, там шли экзамены. Я постоял, постоял перед училищем и поплелся внутрь здания. Женщина, стоявшая за столом, посмотрела на меня сквозь очки:

— Вы кого-нибудь ищите?

— Да. Ищу своего земляка. Он поступает к вам учиться. Ахба... Татей Ахба зовут его.

В это время из-за двери послышалась знакомая мелодия. Будто я мгновенно оказался вечером на дворе Харзамана и Татей играет нам на старой Харзамановой апхиарце. Мелодия все больше входила мне в душу, все больше бередила ее, потому что, когда я слышал игру Татей в доме Харзамана, Амра сидела тут же, поблизости, и я смотрел на Амру. Апхиарцу, поющую в руках Татей, я мог бы узнать из тысячи тысяч и теперь, как видно, узнал ее.

Женщина в очках между тем все читала какой-то длинный список и наконец сухо проговорила:

— Татей Ахба сейчас сдает экзамен. Если хотите подождать, подождите, садитесь на тот стул и ждите. Только сидите тихо, у нас экзамены.

— Не беспокойтесь, я постою.

— Я не хочу, чтобы вы торчали у меня перед глазами. Садитесь, где вам говорят.

Я отошел к стене и сел на стул. Апхиарца еще не смолкла, но очарование песни уже было разрушено нашим сухим разговором с очкастой женщиной. Некоторое время я сидел на стуле, нетерпеливо ерзая. С моего места была видна лестница, ведущая на второй этаж, именно туда, откуда доносилась музыка Татей, теперь уже смолкшая. Вскоре на лестнице появился Татей. Я встал ему навстречу, а он, увидев меня, бросился, перепрыгивая через ступеньки.

— Как дела?— спросил я у Татей, хотя можно было не спрашивать. Сияющие радостью глаза юноши говорили лучше слов.

— Сдаю экзамены, и как будто все идеет хорошо. А тебя что привело в Сухуми?

— Были неотложные дела. Дай, думаю, зайду, узнаю, как дела у Татей. А где Амра?

— Она здесь, в Сухуми. Это она привезла меня сюда, точно я ребенок и не нашел бы дорогу. Да она и сейчас где-нибудь поблизости. Когда я сдаю экзамены, она не заходит во двор, а ждет где-нибудь на улице.

Мы вышли со двора на улицу и действительно тотчас же увидели Амру и Алгери. Вот когда я воочию увидел то, о чем знал только со слов Агры. Значит, Агра сказала мне правду, а не насочиняла со зла.. Уж лучше бы она насочиняла. Лучше бы она насочиняла в тысячу раз больше, пусть все несчастья призвала бы она на помощь своей фантазии, пусть там сходили бы с рельсов поезда и тонули пароходы, пусть там от землетрясения разверзалась земля и обрушивались бы кровли во время пожара, пусть там гибли бы люди, в том числе и Амра, все это было бы легче, чем то, что я увидел теперь. Меня начало знобить, ноги мои запутались (одна о другую, как у стреноженной лошади. Татей же радостно закричал:

— Амра, Алгери, я здесь, и Алоу со мной!

Амра как будто обрадовалась, увидев меня, но я-то не мог изобразить из себя ничего радостного. Язык не слушался, губы не хотели двигаться, и вообще я старался показать, что вовсе не хотел этой встречи и что она мне даже неприятна. Амра, не замечая моего состояния, начала живо расспрашивать меня, как на пастбище, как в Новолунии, зачем я приехал в Сухуми, каким образом оказался в музыкальном училище. Я пытался отвечать, но слова получались сухие, какие-то замороженные, а потом и совсем невнятные. Алгери первый заметил и правильно понял мое настроение. Он насупил, помрачнел. Тут и Амра стала догадываться обо всем. Она оказалась между нами, как ягненок между волком и барсом. Тем не менее она продолжала чинить допрос, может быть, для того, чтобы сгладить нашу общую неловкость.

— Так что же привело тебя сюда?

— Нужно. По неотложным делам.

— И долго собираешься здесь пробыть ?

— Недолго. Уеду сегодня или останусь до завтра.

— Зачем спешить, не каждый день приезжаешь в Сухуми.

— Некогда мне разгуливать по городу. Мы ведь еще не спустились с гор. Харзаман ждет меня.

— Тебе виднее. Ну, пойдёмте, пройдемся, что же мы стоим на одном месте. Мы давно не виделись, правда?

Что правда, какая правда? Я больше не мог разговаривать с ними, круто повернулся и пошел прочь. Все трое остались стоять на месте. Наверно, они сначала не поняли, что я уйду совсем, а когда спохватились, я уже повернул за угол.

В гостинице «Абхазия» я выпросил себе номер, без аппетита поел и лег было спать. Но на новом месте мне не лежалось. Окно с балконом выходило на море. Я встал и вышел на балкон. Многолюдная улица внизу светилась фонарями. Смех, шутки, обрывки разговоров долетали ко мне на балкон. С моря плыл свежий воздух. Лунная дорожка легла поперек моря. Мелкая рябь серебрилась, сверкала, переливалась под луной, словно там порхали бесчисленные бабочки со светящимися крыльями. Я долго стоял на балконе, переводя взгляд с моря на многолюдную улицу, а с многолюдной улицы опять на море. Временами море и улицы исчезали из моих глаз, и все туманилось, и я видел только Амру и Алгери рядом, стоящих на тротуаре. Я так и лег бы спать и, засыпая, видел бы одно и то же, но мои переживания на этом, оказывается, не закончились. Внезапно внизу я увидел среди других пешеходов опять их же, мою Амру и этого чужого, ненавистного мне инженера. Они шли под руку и тихо о чем-то ворковали. Они, конечно, не видели меня, словно повисшего между небом и землей, в моем горьком, в моем отчаянном одиночестве.

XII

Спускаясь с гор, я решил, не откладывая ни на минуту, завершить задуманное мною дело. Миновав дом Харзамана, не заходя к нему, я пошел жить к Зафасу. Для самого Зафаса это было так неожиданно, как и для всех остальных людей нашего села. Я даже не знал, хотел ли этого Зафас или нет, но я вошел к нему в дом вместе с ним и остался жить у него. Зафас принял это как должное и отказывать мне в жилье, по всему видно, не собирался.

Сам того не желая, я оставил семью Харзамана в недоумении. Они переглядывались, изучали друг друга, ища моего обидчика. Харзаман думал, что меня обидели во время моего приезда с гор, когда он оставался там, высоко в горах. Домашние же думали, что это мы с дедом не поладили в горах. Так или иначе, но дух недоверия поселился в этой дружной прежде семье. Говорить вслух об этом в семье не говорили, но отношения между всеми членами семьи изменились, каждый старался избежать встречи с остальными обитателями дома.

Этим все не ограничилось: очень дружные семьи Харзамана и Зафаса стали недоверчиво, исподлобья смотреть друг на друга. Вдобавок ко всему все село заговорило об этом. Ликовала только Агра. Она по-своему расценила мой уход из дома Харзамана. Она решила, что мы поссорились с Амрой, что теперь я свободен и никто больше не будет ей мешать. Она ждала, пока не подтвердятся все ее предположения.

Нелегко было и мне. Выбрав жилье по своему желанию, я надеялся стать свободным и независимым, а получилось так, что свободу-то я обрел, но стал совершенно чужим и ненужным в селе. Я избегал встречи с людьми, прятался от семьи Харзамана и больше всего боялся встречи с Амрой. Я ни разу не навестил семью, в которой прежде жил, которая заботилась обо мне, ни разу не спросил, как они живут, как чувствуют себя. Сперва я думал, что, став свободным, буду жить так, как пожелаю, делать то, что мне захочется. Но привыкши, как к родным, к семье Харзамана, я совсем затосковал и запечалился.

Неожиданно пришла Амра. Она застала меня врасплох. Я совсем растерялся, когда увидел ее рядом с собой во дворе моего нового жилья, где я сидел, грустил и думал о ней. Я едва взял себя в руки, чтобы поздороваться с нею. Амра держала в руках узелок. Я пригласил ее в дом. Никого, кроме меня, в доме не было. Разговора не получалось и дома. Мы сидели, как незнакомые, первый раз встретившиеся люди. Пропал я совсем. Ничего я не говорил Амре. Наконец заговорила она сама:

— Алоу, я принесла твои вещи, которые ты забыл у нас. Мои родные думали, что ты сам придешь, но тебя все нет и нет, и они решили послать меня. Вещи могут понадобиться тебе.

— Зря ты беспокоилась, Амра. Если бы вещи мне понадобились, я пришел бы сам.

— Получилось так, что вещи мы будто вдогонку тебе шлем, будто радуемся и только ждали, когда ты уйдешь от нас, но ты внезапно нас оставил, мы не знаем, что думать, гадаем, что с тобой случилось, или мы сами чем провинились перед тобой...

— Зря беспокоитесь,— тихо сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

Щеки Амры запылали, глаза блеснули гневом, она недовольно продолжала:

— Что случилось, Алоу? Ты должен объяснить, что произошло. Ты оставил наш дом, и без тебя все ходят грустные, расстроенные, как будто покойник в доме. Все косятся и не смотрят на меня. Я это чувствую... Они думают, что тебя обидела я. Что плохого я тебе сделала, ты должен мне сказать, чтобы я объяснила своим родным. Может быть, я была несправедлива с тобой?

Что мне ей сказать? Что бы я не сделал, все оборачивается против меня самого. Или мне просто не везет с самого приезда в Новолуние? Почему я поселился в их доме? Я не осведомлялся, не справлялся, из кого состоит семья, в которой я собирался жить. А в ней оказалась Амра. И у нее в доме, совсем рядом с ней, я оказался связанным по рукам и ногам, замкнутым на замок оказался и мой язык. Я не мог и не смел открыться Амре, что носил и таил у себя в душе. А сейчас, когда я обрел возможность объясниться с Амрой — ушел из ее дома, вышло еще хуже. После этого пусть кто-нибудь скажет, легко ли приравниваться к обычаям горцев.

До сих пор наши отношения с Амрой были добрыми и дружескими, хотя я и не мог ей сказать о своих переживаниях, а сейчас, когда я стал свободен и мог бы все ей сказать и открыться, вон как начался наш разговор. Что же ей скажешь после такого оборота дела?

— Ты, Амра, ни при чем. Ты, Амра, никогда и ничем... сколько-нибудь...— робко бормотал я, не веря самому себе. Не верила мне и Амра. Я видел это. — Ваша семья так заботилась обо мне, была так обходительна, что я просто этого не заслуживал.

— Дедушке ты говорил то же самое. Допустим, я тебе поверила. Но ты так неожиданно ушел, будто испугался, что не пустим тебя из дома. Неужели нельзя было зайти к нам, навестить, предупредить о своем уходе? Чем мы все виноваты перед тобой, что ты так поступил?

Что мне ей сказать? Она, конечно, права, и нет мне никакого оправдания. Но разве могу я ей открыть настоящую причину моего ухода? Ведь ушел я только затем, чтобы получить возможность говорить с Амрой открыто, а теперь мне стало еще труднее, чем было раньше.

Разве станет слушать она меня, разве поверит? Как быть?

— Знаешь, Амра, я не придал всей этой истории того значения, какое придали ей вы. Не понимаю, что я такого сделал,— вилял я с ответом и был сам себе противен.

— Алоу,— сверкнула глазами на меня Амра, — как ты можешь говорить так, как ты мог не придать этому значения? Если бы ты видел сейчас нашу семью, дедушку, ты не мог бы так нас обидеть.

— Амра, вы так заботились обо мне... Я не мог так долго обременять вас... Я должен был вспомнить о приличии...

— Хорошо, Алоу, если тебе надо, я поверю в это, но нельзя ли было этот вопрос разрешить иначе, а не так, как ты это сделал?

— У меня не было другого выхода.

— Алоу, если бы мне кто сказал, что между нами будет такой разговор, я не поверила бы. Я бы ушла прочь от такого человека. Но что я слышу? Ты говоришь, что мы для тебя очень много сделали, в таком случае ты поставил перед всеми нами и перед всем селом загадку: почему ты так поступил?

Я опустил голову, ибо у меня не было никаких слов оправдания и больше нечего было

возразить.

«Ну, герой, заварил ты дело, как теперь выйдешь из этого положения»,— думал я про себя, глядя на Амру. Надеялся развязать веревку, которая связывала тебя, а получилось так, что сам завязал эту веревку еще на один узел. Я не мог открыться Амре в ее доме, я таил все в сердце, надеясь теперь открыть ей свою душу. Но станет ли она слушать меня сейчас? Неужели всему суждено остаться вот так, пока не перестанет биться мое сердце? — Я не хотел делать ничего плохого,— только и мог я сказать Амре. Амра ушла. Я проводил ее до калитки. Я ничего не мог сказать ей более.

Харзамана тоже ни днем, ни ночью не покидала мысль об обиде, которую я нанес ему. И чем больше он думал о ней, тем больше подтверждались его догадки. Он не сомневался, что причиной моего ухода из его дома была Амра. В чем состояла ее вина, он не знал, и эта мысль не давала ему покоя. Он знал, что я ношу карточку Амры у себя на груди, он видел и узнал ее, когда она случайно выпала у меня из кармана на охоте. Но в чем состояла вина Амры, он хотел разобраться сам, и однажды, когда дома никого не было, он прямо спросил Амру:

— Дад Амра, вы когда-нибудь ссорились с Алоу?

— Что ты, дедушка, никогда.

Амра смотрела на деда чистыми глазами, и он поверил ей. Тем более он оставался в недоумении о причине моего ухода. «Где же кроется источник всех наших недоразумений? Амра не виновата, это видно по ее глазам. Не надо ее подозревать. Скорее всего, не обошлось без злых языков»,— думал Харзаман, так и не сумев добраться до истины.

Вся семья Харзамана продолжала жить своими заботами, каждый член семьи стремился к своей цели.

Алиас был занят своей машиной. Он непременно стремился достичь усовершенствования табаконизальной машины, чтобы облегчить труд людей.

Харзаман часто ходил вокруг своего дома, убирал двор, привязывал лозы в саду и задумывался над тем, будет ли в его доме, когда он оставит этот мир, продолжатель его рода и кто это будет.

Дес мечтала дождаться счастья своей дочери. Она желала для своей дочери счастья, какого ни у кого нет.

А что же сама Амра? Она любила свой дом, любила родных, мать, отца, дедушку, она любила свое село, своих товарищей. Она любила всех.

Но совсем другая любовь пришла к ней теперь. Эта любовь захватила ее всю, все ее мысли, все желания и все ее мечты. Амра ходила взволнованная, все время думала о своем любимом. Она не могла представить дальнейшей жизни без него. Все вокруг нее дышало и жило ее любовью. Амра чувствовала, что какой-то новый, неведомый до сих пор мир открывается перед нею. Она жаждала заглянуть в него и боялась. Там светилось счастье ее с Алгери. Будет ли счастье всегда таким, каким представляет она его сейчас? Как посмотреть, как узнать свое счастье? Только его, только Алгери, представляет около себя Амра на всю жизнь.

Ну, а как мать, как дедушка? У них свои представления о жизни, совершенно отличные от ее. Для матери главное желание, чтобы дочь не ушла замуж за пределы своего села. Для деда мир еще короче. Его пробирает озноб, когда он подумает, что его любимая внучка птичкой может улететь с обжитого родного двора за своим любимым. Вместе с нею закроются тогда навсегда ворота его дома. Навсегда закончится старый его род Ахба. Нет! Об этом старику даже страшно было подумать. Хорошо бы Амре остаться дома, чтобы любимый ею человек пришел молодым хозяином в его родовое гнездо.

Я понимал Харзамана, мне казалось, что некоторые планы он строил в связи со мной, но все это было призрачно, и многое зависело от самой Амры.

Чтобы Амра любила свой дом, он угождал ей, дом и двор прихорашивал, расчищал, выметал, с нежностью и лаской приобщал Амру к хозяйству. Однажды, до того, как мы поднялись в горы, он принес во двор маленькую косулю, едва державшуюся на тонких, слабых ногах, подарил ее Амре. Амра была тронута вниманием дедушки, обласкала его, но вместе с тем ей было жаль бедное животное, и она отпустила бы косулю, если бы знала, что не огорчит этим деда. Амра торопилась с уроков, сама кормила животное, поила, ласково разговаривала с малюткой. Постепенно косуля росла и крепла и все более осознавала неволю. Косуля жалобно стонала и печально кружилась вдоль забора. Амра долго простаивала около животного, шептала ей утешительные слова. Но косуле стал невыносимым ее плен. Косуля отпрыгивала от Амры, замирала, высоко поднимала гордую голову и глядела в горы и еще выше, в видимые одной ей, свободной, дали. Амре было понятно состояние животного, тоскующего по воле. Она будто сама томилась за этими крепкими жердинами. Амра уходила в дом от косули расстроенной и удрученной. А косуля тем временем все росла и росла. Жизнь в плену ей стала невыносимой, и она металась по загону одичавшая, отчужденная. Она наскакивала на жерди забора, готовая убиться, если не добьется воли. Амре было тяжело смотреть на животное. Она больше не подходила к нему близко и только грустно глядела на него с балкона. Косуля металась, взлетала на забор, но срывалась с него, падала на колени и снова вскакивала на тонкие стройные ножки. Нет! Больше Амра не выдержит этого. Немедленно освободит пленницу, даст ей свободу, волю, жизнь. Она сейчас сбежит с лестницы и отпустит косулю в горы. Для Амры косуля поймана, она, Амра, даст ей свободу. Она не хочет быть больше причиной несчастья этого животного... Но нет, она огорчит дедушку на всю жизнь, если пренебрежет его вниманием, проявленным к ней, Амре... Нельзя, нельзя дедушку огорчить, хватает у него и без этого забот. Но как успокоить бедное животное? Почему ему не нравится здесь, у людей? Ведь еды и питья ему достаточно. Хотя бы косуля успокоилась и не терзала больше Амру! На минуту косуля затихла. Казалось, что она смирилась со своим одиноким существованием. Амра обрадованно взглянула на нее. Косуля вытянула стройное тело, подняла острые ушки, повела острым взглядом вдоль забора. Только шумно раздувались ноздри. Может быть, она смирилась, решила остаться здесь навсегда? Амра, подумав это, облегченно вздохнула. Но неожиданно косуля пригнулась на пружинистых тонких ножках и высоко взвилась над забором. Со слезами на глазах Амра побежала с лестницы в сад — немедленно выпустить несчастное животное, чем бы это ей, девушке, ни грозило. Амра бежала к загону, и слезы застилали ей глаза. Когда она подбежала к воротцам загона, страшная картина представилась ее глазам: косуля, пронзенная кольями забора, как штыками, висела на нем, истекая кровью. Головка медленно склонилась вниз, и глаза еще успели в последний раз взглянуть на недостижимые теперь вольные дали. Амра убежала в горы, упала на холодные камни и зарыдала.

XIII

Время уплывало назад, как уплывает земля из-под крыльев равномерно и быстро парящего коршуна. А может быть, вернее сказать, что село наше оставалось на месте, а время летело над ним, подобно ветру с гор. И точно так же, как ветер не пролетает бесследно: там сорвет лист, там сломает ветку, там откроет калитку, так и время — пролетая над селом, над всеми нами, производило незаметные изменения. Эти маленькие, незаметные изменения накапливались, и тогда уж видно было, что облик деревни постепенно меняется и теперь он немножко не такой, каким был год назад. После разговора Харзамана с инженерами, когда он приходил домой, на него

набрасывались раздумья и заботы. Он представить не мог, что по его хозяйству, по его двору, как все равно по живому месту, проляжет бесчувственная чужая дорога. Харзаман, чтобы не бередить душу, стал все чаще оставаться на ферме. Не видя своей усадьбы, он меньше думал о ней, а постоянные хлопоты отвлекали от невеселых дум. Иногда все же волна горечи настигала и захлестывала его. В раздражении он разговаривал сам с собой, обращаясь и к сыну, и к невестке, и к внучке: «А! Вы думаете, что мне надо больше, чем вам, вы думаете, что я собираюсь свою усадьбу, свой дом, свое хозяйство взять с собой в могилу? Что хотите, то и делайте. Как видно, вы умнее старого Харзамана. Больше видели, больше знаете. Хотите, спасайте наше родовое гнездо, хотите, пустите его по ветру. Можете даже облить керосином и зажечь. А потом бредите в разные стороны бездомными и безродными бродягами!»

После столь горьких излияний душевная боль на время отпускала Харзамана. Но все-таки он не вытерпел. Разве могла смириться до конца кровь, текущая в жилах Харзамана! Это она только делала вид, что смирилась. От тяжелых раздумий, как от порывистого мглистого ветра, рождались некие волны. Они раскачивались, они набирали силу. Они били по сердцу и с болью разбивались о него. Наконец пришла волна, которая подымала Харзамана, подняла его на гребень, словно невесомое пересохшее бревно, закружила и понесла.

Со своим неизменным посохом, не видя перед собой дороги, быстро шел Харзаман с пастбища к дому. Видимо, какое-то предчувствие толкнуло Харзамана идти домой именно в этот час. Вот он подходит все ближе, вот он остановился, вот... Но что такое? Что произошло? Что видят его глаза?

Если бы Харзамана ударили неожиданно по голове тяжелым деревянным молотом, он не был бы оглушен так сильно. Вся кровь бросилась в голову, глаза заволокло туманом, уши заложила мягкая, словно вата, глухота.

Былга, откуда ни возмись, оказалась рядом. Опрыгала старика со всех сторон. Скользила передними лапами по плечам, словно гладила. Ей больше всего хотелось взглянуть в глаза хозяину. Нам, людям, достаточно, чтобы поздороваться с человеком, подержаться за его руку и сказать слово. Для собаки этого мало. Она встречу не считает за встречу, пока не посмотрит в глаза, притом не просто в глаза, но в глаза, смотрящие на нее, отвечающие ей приветливым взглядом. И вот теперь Былга прыгала и бесновалась, набегала с разных сторон, но все напрасно. Пораженный, остолбеневший Харзаман смотрел остановившимся, почти бессмысленным взглядом куда-то дальше, мимо собаки.

Что же это? Что же это произошло? К своему дому Харзаман любил подходить не со стороны калитки, где ходят все, но с другого конца усадьбы, и для этого устроен там, в кустах ежевики, перелаз. Бывало, как только минуешь перелаз, так и окинешь взглядом всю усадьбу. Все как на ладони. И дом, и двор, и родные могилы, и дуб, и родник, и все тропинки, пересекающие двор и так и сяк. Уж не заблудился ли Харзаман? Не в чужой ли залез огород? Это было бы для старика сейчас самым большим счастьем. Схлынуло бы, как наваждение, как дурной сон, безобразное видение, отпрянул бы назад и пошел бы по тропинке к своему, нетронутому хозяйству.

Поверить в то, что увидел Харзаман, было нельзя. А если верить, то как стерпеть? А если стерпеть, то как жить дальше? Кто осмелился тронуть и перенести на другое место калитку? Кто построил новый плетеный забор, разделивший усадьбу надвое? Кто острым клином врезался и раздвоил ею живое сердце Харзамана? Могилы предков теперь не видны. Они остались теперь по другую сторону нового забора. Дуб, под которым Харзаман любил отдыхать, родник, из которого он каждый день умывался, родник, открытый его предком... Что такое живой человек? Разве он не то, что он любит на земле, не то, к чему он привязан? Убить, развеять в прах все земные привязанности человека разве не означает убить и развеять по ветру его самого? Кто же осмелится на такую жестокость, кто же решился без спросу?

В это время человек, заколачивавший гвоздь в новом заборе, обернулся к Харзаману.

Харзаман хотел закричать, но в горле сделалось странно сухо, язык не послушался, голова закружилась. Земля покачнулась, дернулась под ногами и поплыла, становясь на ребро. Алиас бросился к отцу и поддержал его. Впрочем, Харзаман не упал бы и сам. Не так-то просто упасть этому человеку, узловатому и крепкому, словно выдержанная дубовая древесина. Что из того, что закружилась голова и потемнело в глазах?

Около сердца, где больно сжалось, теперь отпустило, и старик отстранил руками сына. Алиас никогда не видел отца в таком состоянии. Он растерялся, он не находил слов.

— Так ты, значит, пришел, отец?

— Ты ли это, сын мой?— едва прошептал Харзаман.— С какой стати ты решился отделяться от меня? Молодец! Молодец!

— Почему отделяться?

— Не знаю. Тогда скажи, что означает этот забор.

— Но ведь ты знал об этом заранее. Помнишь, приходили инженеры? Ты же знал, что здесь проляжет дорога?

— Разве на земле мало места? Земля вон какая большая. Мой двор на земле все равно что камешек в море или травинка в поле. Неужели на такой просторной земле нельзя было не задевать меня и дорогу провести где-нибудь рядом?

— Но здесь им показалось удобнее. Вернее, больше негде провести.

— Им удобнее. А мне? Или со мной считаться не обязательно? Что такое живой человек по сравнению с дорогой? Им удобнее, а на меня наплевать.

— Но ведь и нам будет тоже удобно.

— Тебя сгоняют с твоего родного, законного места, а ты еще считаешь, что тебе это удобно.

— Подумаешь, двор, насиженное место. Зато теперь машины будут проходить у самого нашего крыльца.

— Не думал, что придется мне дожить до этого дня. Думал, и они живые люди, должны же они думать о чем-нибудь, кроме своей дороги? Тебя-то я знаю. Уж не сам ли ты присоветовал им провести дорогу здесь? Ты бы не стал возражать, если бы они провели ее прямо через дом, разметав на две стороны камни нашего очага.

— Почему ты так думаешь, отец? Дом наш пока цел, да и двор... Хватит еще земли. Есть где поставить ногу.

Вначале, когда Харзаман увидел свой искалеченный, обезображенный двор, ему казалось, что вынести этого зрелища нельзя и что нужно тут же на месте умереть. Но вот он стоит, говорит с Алиасом и продолжает смотреть на следы разрушения. Он говорит, правда, вяло, как будто из него ушла часть жизни, как будто кто-то посторонний говорит за него, как будто его опоили мутным и противным бессилием. Только временами в перегоревшей золе вспыхивали золотистые горячие искры.

— Что ж, хлопайте, танцуйте, как на свадьбе. Радуйтесь. Теперь машины днем и ночью будут идти мимо окон и мимо крыльца. Весь наш двор, весь наш дом покроется белой пылью. Пусть пыль как можно скорее забьет мне нос, рот, всю мою грудь, тогда я успокоюсь и не буду мучиться, глядя на свое разорение.

— Дедушка, дедушка пришел, — радостно закричала Амра, сбегая по лестнице и бросаясь к Харзаману.

Харзаман поцеловал внучку в лоб и погладил по голове.

— Как ты живешь, дад?

— Хорошо. Видишь, к нам проведут дорогу. Смотри, она уже почти подошла к нашему дому. Теперь ее проведут через наш двор.

«Вот и эта радуется,— горестно думал Харзаман. — Все радуются, кроме меня. Или их окончательно ослепила жизнь, или я один ничего не понимаю. Неужели они настолько бесчувственны? Они что, сделаны из такого мяса, которое не болит? Глядят на то же самое, а чувствуют по-другому. Если даже сейчас исчезнет весь лес по окрестным горам, если иссякнет родник, если пройдут по месту, где мы стоим, бульдозеры, и то, нагнется,

ничто не затронет их душу. Никто не понимает меня. Я остался один, как дерево, которое все стоит на земле, но корни которого уже подгнили, и нужен только хороший порыв ветра, чтобы его уронить. Но ведь я — это не просто я, но все, что мне дорого, что я люблю. Неужели и это все тоже исчезнет вместе со мной? Вот время! Люди создавали все это с любовью, складывали по камешку, соединяли по колышку, вкладывали в свое дело всю душу. А теперь то, что создано, сами же вырывают с корнем, как куст колючки, выросшей не на месте. Видно, так и повелось на земле от сотворения мира. Одно строим, другое ломаем. Одни строят, другие ломают. В таком круговороте проходит жизнь. Теперь вот добрались до меня, до моей души. Да что я? Скоро не останется ни одной заповедной звезды, до которой не дотянулись бы руки человека, которую не запятнали бы его ног. Молча жил я у подножья этой горы, вцепившись корнями в родную каменистую землю. Никому не мешал. Родниковая вода поила меня. Горный воздух наполнял мою грудь. Звезды ласкали мои глаза. Но волна новой жизни катится на меня. Она и подкатывает к горлу, она сейчас меня смоеет и понесет. Вырвет с корнем, и куда я тогда поеду, кому буду нужен? Пусть уж она совсем потопит меня, разобьет о камни». Харзаман стоял, внешне безучастный ко всему, запутавшийся в своих раздумьях. Алиас отошел и принялся опять за свою работу — забивать гвозди. Амра не стала докучать деду расспросами. Увидев, что ему что-то не по себе, она тоже отошла в сторону, а затем и вовсе ушла в дом.

Вечером Харзаман и Алиас долго сидели на балконе. Харзаман за один день осунулся, обмяк, плечи его опустились, задумчивость не уходила с лица. Обида сидела глубоко внутри. Она сковывала движения. Сделала тупым и неповоротливым язык. Слова не хотели рождаться и выходить на свет, они застревали в горле. Мысли Харзамана поднимались и бессильно падали, как падает человек, карабкающийся на скалу и почти совсем добравшийся до вершины, но руки немеют, ноги скользят, и человек падает вниз, к подножью, от которого начинал подниматься вверх.

— Успокойся, отец, — говорил Алиас. — Ничего страшного не произошло. Успокойся. Будет стыдно, если кто-нибудь услышит твои слова.

— Ах, мне же еще и стыдно! Или тебе уже стыдно за своего отца?

— Не то что стыдно, но некрасиво. Люди строят электростанцию, хотят провести дорогу, а ты уперся поперек этой дороги. Получается, что ты против строительства, против жизни, против движения вперед.

— Двигайся, пожалуйста, разве я против? Но почему, двигаясь вперед, обязательно переезжать колесом живого человека? В старину говорили так: кто хочет тебя очернить, тот при людях попросит что-нибудь дорогое. Ты не дашь. Получится, что пожалел. И вот ты выглядишь жадным, черствым, плохим. Так и здесь. У меня отнимают самое дорогое, и мне же стыдно! Разве мало места вокруг? Разве нельзя было обойти живых людей стороной?

— Но ведь здесь им удобнее, понимаешь? Наш двор оказался самым удобным местом.

— Вот-вот, а то, что мне неудобно, это им наплевать. Значит, им на меня наплевать, так получается, что ли? Теперь вот мне неудобно. Мне будет мешать. Как с этим быть?

— Что будет мешать? Дорога, машины? Но это ж новая жизнь. Будет только веселее, вот увидишь.

— Я тебе говорю одно, а ты другое. Машины хорошо вообще. А когда они под самыми окнами... И день и ночь с проклятым шумом будут идти грузовики. Будут окутывать нас пылью и вонью. Бездельники, сидящие в кузове, будут показывать мне язык. Нет, Алиас, кончился мой покой. Потерпели бы еще немного. Я упокоился бы на нашем семейном кладбище, тогда делали бы, что хотели, а теперь... — Старик махнул рукой и спустился по лестнице.

Алиас долго еще сидел на балконе, дожидаясь отца, но Харзаман так и не вернулся. Тогда и Алиас пошел спать.

Харзаман между тем стоял, облокотившись на новый забор, и смотрел на свою землю,

теперь такую чужую и такую далекую, словно забор — за граница и по ту сторону — недоступная чужая земля. Уже и бульдозеры прочертили свою уродливую черту, еще более углубив и усилив отчуждение. А когда проляжет дорога, тогда и вовсе эти два участка земли будут лежать друг против друга как два государства. Разве может Харзаман свободно и непринужденно ходить туда, за дорогу? Нужно выходить за калитку, нужно дожидаться, пока проедут машины... Да и вообще тот участок, оставшийся беспризорным, быстро одичает, запылится, зарастет колючкой. Он теперь отрезанный ломоть, и его обратно не приставишь...

Харзаман открыл новую калитку, устроенную Алиасом, и вышел через нее на прежнюю свою землю. Ему показалось, что от земли сквозь подошву обуви проникает мертвенный ледяной холод. Он ширится, поднимаясь все выше, по костям ног, по жилам, доходит до сердца и до мозга. Долго стоял Харзаман, оледенев, похожий на засохшее дерево среди развороченных камней. Затем осторожно, словно по чужому ковру в чужой квартире, двинулся дальше.

Прежде всего он подошел к дорогим могилам. Тишина еще больше сгустилась и устоялась здесь под сенью скалы. Знают они или нет, что происходит наверху, а если знают и слышат, неужели не переворачиваются в своих гробах? Ведь то, что происходит, касается не только меня, но и их, их памяти, их священного, заслуженного покоя. Обижать и презирать живых — очень плохо. Но обижать и оскорблять мертвых — нельзя.

Всегда Харзаман, приходя сюда, садился и вслух разговаривал со своими предками, родителями. Наговорившись и пожелав им мирного сна, он уходил домой. Теперь он стоял над могилами, растерявшись, не находя не только слов, но и мыслей. Ему казалось, что лежащие в могилах умерли сегодня во второй раз.

Харзаман стоял над могилами, омертвев и оледенев. А между тем сквозь ледяную глухоту начал пробиваться до его сознания какой-то очень знакомый, очень приятный ласковый звук. Кто-то словно звал его слабым голосом, и этот зов, достигнув до сердца, начал отогревать, оживлять его. Живительная теплота пробежала по жилам и мускулам, разбудила сознание. Тогда Харзаман понял, что это зовет его вечный светлый и бьющийся, как пульс, родничок. Харзаман повернулся к нему от могил и сделал шаг.

Голос родничка зазвучал явственнее, четче, призывнее, словно хотел сказать, что жизнь не кончена, она продолжается, она вечна. «И ты, Харзаман, не исчезнешь совсем никогда, как не исчезаю я». Харзаман подошел настолько близко, что повеяло уж прохладой, водой и несколько брызг оросило его лицо. Не заметив как, Харзаман оказался перед родничком на коленях.

«Да, бывает, за мелкими делами, за дневной суетой, за шумом жизни не слышишь песни этого родника. Даже забываешь о нем. Но он-то, родник, знает свое дело. Ни на минуту не прекращает он своего бега, своей песни. Забудешь, устанешь, почти погибнешь, но вспомнишь и придешь. А он, оказывается, всегда готов встретить тебя. Никогда не дремлет, не забывает, не оставляет своего поста, своего бесконечного живого дежурства. И тебя теперь отделили, отрезали от меня. Теперь твой голос будет пропадать в воздухе, он не будет достигать до моего слуха. Скрежет и грохот будут безжалостно заглушать его. Разве может твой нежный голосок преодолеть скрежет и грохот машин? Наши голоса, твой и мой, остынут на холодном бесчувственном железе, пока стремятся друг к другу. Напрасно ты здесь журчишь. Лучше бы замолчал на время. Не показывался бы им на глаза. Они размечут тебя по каплям. Они раздавят тебя тяжелой гусеницей. Они забьют тебе в рот бетонный кляп.

Или, пожалуй, нет. С какой стати им убивать тебя, загонять в землю? Знаешь, что они сделают с тобой? Они загонят тебя в узкую железную трубу. Там будет темно и тесно. Ты перестанешь быть родником, а станешь обыкновенной водопроводной водой. Ты не будешь бежать туда, куда ты бежишь теперь, а потечешь туда, куда поведет труба. Ты больше не будешь прыгать с камня на камень, серебриться в воздухе, разлетаться брызгами и орошать землю. Ты не увидишь больше ни звезд, ни солнца, ни неба, ни птиц,

ни цветов. Никто не заслушается твоим голосом, никто не заглянет тебе в твои чистые, родниковые глаза, и ты больше не увидишь ничьих приблизившихся к тебе человеческих любящих глаза. На этом кончится твоя земная жизнь. Прощай». Харзаман погладил шершавой рукой гладкую, прохладную струю родника, и ему показалось, что струя, особенно ласкаясь и тоже прощаясь с человеком, прильнула к его ладони.

«Если бы дело кончилось на тебе, — продолжал рассуждать Харзаман. — Придет конец и гордой, своенравной Аалыпсте. Они усмирят и ее. Обложат бетоном, задавят тяжестью, заставят вертеть колеса, поработят. Да, да, Аалыпста, не греми понапрасну в темноте ущелья. Лучше подумай о своем будущем и приготовься к нему...»

Харзаман ушел от родника и вернулся в свой двор. Двор показался ему еще меньше, еще более убогим и жалким. Это ли его двор? Где же свобода, где же пространство, воля и радость глазу?

Харзаман поднял глаза и поглядел на небо. И вот, странно даже. И небо показалось ему теперь меньше, чем было раньше. Как будто меньше стало и звезд, как будто они потускнели и не сияли так ярко и радостно. А где же его звезда? Где ее лучезарный свет? Уж не раздвоилась ли и она? Может быть, одна ее половина светит над той, над чужой теперь частью двора, а одна здесь? На какой половине своей земли нужно теперь стоять, чтобы искать свою звезду и говорить с ней? Пропала она, что ли, или померкла? Никак Харзаман не может найти своей звезды. Да и все другие звезды, стоит ему перевести на них взгляд, сразу тускнеют и меркнут под его взглядом, словно угли костра, когда их уже покрывает пепел и они остывают. Нет свежего ветерка, который сдул бы с них мертвую серую золу, заставил вновь разгореться.

Долго бродил взглядом Харзаман по звездному небу и все не мог отличить своей звезды. Одна звезда показалась ему отличной от всех других, но она ли, эта ли, не было никакой возможности убедиться. Он перевел с нее взгляд на другие звезды, и все ему показались сейчас одинаковыми и чужими. Не льнула душа ни к одной из них. Он снова возвращался к той, как будто особенной и непохожей, но все дело в том, что у его глаз не было теперь той силы, которая заставляла раньше одну звезду разгораться ярче других. Видимо, взгляд его глаз был тускл и мутен, поэтому и тускнели на небе и гасли звезды. Все же Харзаман стал пристально смотреть на звезду, которую он, хоть и сомневаясь, посчитал своей. Она под его взглядом то разгоралась, то гасла, как свеча, колеблемая и раздуваемая ветром. Ничего не добившись, Харзаман печальнее прежнего побрел в дом.

Он лег в постель. Но разве мог бы сегодня он уснуть? Мысли то расплывались, туманились, то прояснялись вновь. То кровать превращалась в грузовик, едущий по каменистым ухабам. То чудился ему скрежет и шум машин, точь-в-точь как от жерновов, когда они крутятся без зерна, вхолостую.

Говорят, кошка, лишившись дома, поселяется где-нибудь на чердаке. На другой день рано утром Харзаман торопливо шел по горной тропинке. Он боялся, что его хватятся и догонят те, кого он больше всего не хотел видеть. Он шел по склону каменистой горы, уходя все дальше и дальше от небольшого, но родного, единственного кусочка земли на огромной, на бесконечной планете.

XIV

Дорога шла следом за Харзаманом, будто решила не отступать от него ни на шаг. Харзаман ушел жить на ферму. А дорога, разрезав пополам двор Харзамана, пошла дальше фермы, высоко в горы. Как и предвидел Харзаман, тяжело нагруженные машины днем и ночью с глухим ревом проносились около окон его дома.

Это Алгери проложил себе путь к намеченной цели в Новолунии. Он шел по нему среди бела дня, видный всем и не скрывая своих следов. А я петлял по закоулкам и путаным тропинкам, боясь приблизиться к заветному месту, одинокий, со своими грустными думами.

Агра считала, что наступил ее час. Если раньше она пряталась и появлялась тихо, тайком, то теперь она прямо вышла мне навстречу.

— Здравствуй, Алоу! Как поживаешь?— не дала она мне раскрыть рта.

— Здравствуй, Агра. Каждый занят своим делом, иду с пастбища.

— Давай посидим на камне, отдохнем немного.

Мы перешли дорогу, сели у речки.

Агра будто действительно пришла сюда отдохнуть. Села на камень и умолкла, словно ей нечего было мне сказать. Я смотрел и слушал быструю речку, и мне казалось, что она смеется надо мной, показывая, как гнилые зубы, камни, устланные на дне.

Я посмотрел на Агру. По ее лицу бродили какие-то мутные мысли, и она как будто забыла, что позвала меня посидеть с ней. Молчание мне было тягостным, и я уже хотел уйти, как вдруг Агра заговорила:

— И у тебя, и у нее высшее образование. Подумаешь, чем гордитесь и за чем гоняетесь. Гоняетесь просто за бумажками. Диплом ведь это просто бумажка! Вы просто бумажные люди. Вы льнете друг к другу, как два листа бумаги. Но знай, что продолжительность вашей любви как продолжительность жизни бумаги. Не больше!

Я все время молчал. Мне нечего ей было сказать. Ну при чем здесь мой диплом? У меня ли любовь бумажная? Я-то знаю, какова моя любовь и чего она мне стоит. Ну почему я обязан сидеть и слушать ее?

Она не дала мне обдумать мои мысли, продолжала:

— Ты напрасно убиваешь себя. Ты думаешь, что я не знаю, что ты ищешь. Я все вижу. Но беда в том, что она про тебя и не вспоминает!

Агра вскочила, склонила голову набок, зло смотрела на меня прищуренными глазами.

— О ком ты говоришь? Кто она, кого ты имеешь в виду?— притворился я, будто не зная, о ком идет речь.

— Кто? Зачем ты врешь? Я по глазам твоим вижу, что она не выходит у тебя из головы! И вчера и сегодня, и сейчас и потом! Или и ты так быстро забыл ее, как она тебя, ха-ха-ха!

Ты спрашиваешь — кто? Амра! Твоя прекрасная Амра! Она водит тебя за нос, а сама ходит под руку с другим... Тебя обманывают, мой друг, обманывают!

Меня стала раздражать ее речь, и я спросил:

— Агра, почему это тебя так волнует?

— Мне просто жаль тебя, вот в чем дело. Ты прекрасный парень, а клонишь голову перед какой-то несамостоятельной девушкой... Допустим, она была бы достойна... А то — образование. За то, что у нее больше образования, чем у меня...

— Почему ты меня жалеешь? Обманут, не обманут... Тебе-то не все ли равно?

— Жалею, потому что Амра тебя не любит. Она тебя совсем не любит, хоть беги и топись, не полюбит.

— Ты не переживай за это. Кто тебе сказал, что она не любит меня?

— Она сама. Из собственных ее уст я это слышала.

— Это она сама сказала? Когда?

— И не один раз это говорила!

— Неправда! Врешь!

— Пусть я исчезну в этой реке, если я вру!

— Что ты пристала ко мне! Замолчи! — почти закричал я.

Я выдал себя с головой. Но то, что говорила Агра, я не мог слышать более.

Агра заговорила тихо, опустив глаза:

— Вот так все в жизни. Ты умираешь по ней, а ей никакого дела нет до тебя. Вот так и я...

Кого ты хочешь — тебя не хочет. Такова жизнь! Человек не хочет тот плод, который упал с дерева и лежит перед ним, а стремится к тому, до которого трудно дотянуться. Не любит тебя Амра и никогда не любила!

Нет, это неправда, неправда! Сейчас я скажу ей, чтобы она проваливалась и не попадалась мне больше на глаза. Сейчас я накричу и прогоню от себя ее, чтобы не вмешивалась в мои

дела. Пусть живет для себя, думает о себе. А я буду сам о себе... Сейчас я ей скажу... Я ей скажу...

Но я не нашел слов, которые мне нужно было сказать Агре. А если бы нашел?

Разве мои слова изменят что-либо? Она сказала мне сущую правду, открыла мне глаза. Она ничего не выдумала. Она просто сказала мне то, что я сам знал, но во что не верил, не хотел верить и не сознавался сам себе в этом...

Как я ненавижу Агру! Зачем она так говорит? Она вонзила мне эту правду в сердце. А может быть, это не так? Может быть, я еще увижу Амру, и тогда... Я надеюсь ее еще увидеть. Я открою Амре...

Нет. Все, все напрасно. Я знаю это, и мне нечего сказать Агре.

Я стоял ошеломленный перед Агрой, будто я был перед нею кровно виноват... Потом вдруг крикнул:

— Это мое дело!

— И я говорю о твоём деле. У меня лично никакого дела...

Ее спокойный голос совсем взбесил меня:

— Это не твоё дело!

— Если не мое дело, то и не твоё. Ты совершенно напрасно впутываешь себя в чужое дело! Я просто хочу, чтобы ты это знал, и больше ничего! А для меня все это не важно! Она отошла от меня, потом повернулась и сердито добавила:

— Не думай, что я ставлю себя ниже вас! Если у меня и меньше образования, то не меньше человечности.

А посмотрим, что важнее. Если я работаю руками, то вам уж кажется, что я хуже вас, что ли? Но я не хуже вас. А что касается образования, то сравним его через пару лет с твоим и Амры.

Я не успел вымолвить ни слова. Она ушла, не обернувшись ни разу. Я стоял на месте, не в силах двинуться.

«За то, что Амра красивее меня и стройнее, потому ты ее любишь, а не меня». Это Агра знала, но не могла сама себе признаться. И никакая девушка не призналась бы. А вину свалила на наше образование. Мне было очень тяжело слушать Агру. Но я понял, почему она мне так говорила. Мне не за что винить ее. Агра ни в чем не виновата. И она, и я — мы оба в нелегком положении. Амра меня не любит. Правда ли это? Да, конечно, правда. Я давно знал, что Амра не любит меня; вернее, я иногда думал так, мне приходила иногда такая мысль... Но Амра всегда стояла у меня в глазах, и, если образ ее удалялся, я стремился за ним. Я носил имя Амры в своем сердце, и я не хочу его изгонять. О, не может того быть, чтобы Амра не любила меня совсем. Я не могу поверить и не хочу верить этому.

Я одиноко стоял на берегу речки. Она деловито несла мимо меня свои воды, и только мне некуда было идти, незачем двигаться.

Я тихо шел за бегущим ручьем. Вода обгоняла меня, освещая меня своим чистым блеском, и уносила с собой мутную слезу, заволакивающую мне свет ее.

Ноги привели меня к дому Амры. Я остановился, посмотрел за ворота. По всему видно — в доме ни души. Двери и окна закрыты. Я подошел к калитке, заглянул в сад. Стояла тишина, та самая тишина, когда в доме нет ничего живого. А где же Былга?

— Былга, Былга! — крикнул я через калитку, и мой голос был поглощен безмолвием пустого двора.

Собака не вышла на мой зов. Я хотел было крикнуть еще, но духу на это у меня не хватило. Не мог я уйти отсюда. Я стоял, облокотившись на забор, и глядел на родной, близкий мне когда-то дом. Я стоял, как чужой, не нужный здесь человек. Но что случилось с Былгой? Дома ли она?

— Былга, Былга!

Раньше она с радостью бросалась ко мне и прыгала вокруг меня с ликованием. Бывало, и птичка не могла пролететь, чтобы Былга не выскочила. А если бы так стоял чужой, как стою я, она бы разорвала в клочья.

У меня чуть не появились слезы, когда я увидел морду собаки, выглядывающую из-под дома. Она медленно вылезла, потянулась, неохотно посмотрела на меня и лениво пошла по двору, низко неся голову с обвисшими ушами.

Я крикнул еще.

Былга продолжала свое путешествие по двору, не обращая внимания на меня. Что с ней? Она оглохла или слепая? Она не чувствует меня и не слышит моего зова или она забыла меня? Возле меня Былга остановилась, повела в мою сторону мутным, ничего не выражающим взором, постояла немного, затем тихо повернулась боком, такой же безразличной ко всему пошла под дом. Только тут я заметил, что она волочит заднюю половину тела, едва переставляя ноги. Бедная! Ее, наверно, переехала машина. Они снуют здесь, мимо дома, беспрерывно, застилая все пылью и глуша грохотом. Может быть, эти машины не только сломали Былге спину, но, возможно, они сломали ее характер. Сначала она выбегала к каждой машине, лаяла, доходила до бешенства. Но машины проходили своей дорогой, не обращая на нее внимания, и она, Былга, устала, она не могла остановить этого потока разных машин и чужих людей и замолчала... Что же еще могло случиться?

Больше Былга не вылезла, хотя я очень ласково ее звал. Земля покачнулась подо мной, и я путающимися ногами пошел от дома.

Я решил пойти в школу и найти Амру там. Я хотел ее видеть. Ну что тут такого, если я приду к Амре в школу? Вот возьму и приду к ней в школу. Разве мало ходит туда народу. Не буду ни на кого обращать внимания, возьму приду и скажу: здравствуй, Амра! Вот только бы мне застать ее в школе. Я прямо зайду в школу, и пусть все видят, что я не какая-то там тряпка... Вот только бы мне повезло и я застал бы Амру. Я прямо скажу, что хочу видеть ее...

Я шел по проселочной дороге по направлению к школе, и ноги мои замедляли ход.

Навстречу мне шли две женщины. Я глазам своим не поверил. Это были Амра и ее мать Дес. Что мне было делать? Повернуть назад или спрятаться? Они меня уже узнали. Нет, я пройду мимо, не остановлюсь. Я убыстрял шаги, но ноги мои подкашивались.

Когда Амра увидела меня, она, будто обрадовавшись, окликнула:

— Алоу, куда ты торопишься? Тебя так давно не видно. Чем мы провинились перед тобой, дорогой Алоу? Где ты живешь и почему не заходишь к нам в дом?

Ответ мой был таким же неопределенным, как мое запутанное положение.

Мы разошлись, не сказав друг другу ничего путного. И я остался опять один, наедине со своими переживаниями.

Всю дорогу Дес молчала, не задав дочери ни одного вопроса. Но дома она не вытерпела:

— Амра, ты стала замкнута, ничего мне не говоришь.

— О чем мне сказать тебе, мама?

— Разве тебе нечего мне сказать?

— Да, мама, совсем нечего...

— Не может быть, дочка, раньше ты была откровеннее...

— Что тебя интересует, мама?

— Я спрашиваю о твоих личных делах...

— Какие личные дела? Обычны мои личные дела...

— Все же, Амра, скажи.

— Что, мама, тебе сказать?

Когда Дес поняла, что Амра стала изворачиваться, избегать ответов, она вспыхнула:

— Я хочу знать всю правду.... Если ты считаешь меня матерью, то ты должна мне сказать: как у тебя дела с Алдызом?

Амра была застигнута этим вопросом врасплох. Совсем не Алдыз был в ее сердце.

— Какой Алдыз? При чем Алдыз, мама?

— Как, а кто же тогда у тебя есть, если это не Алдыз?

— Разве обязательно кто-то должен быть?

— Что я слышу, Амра, а как же у тебя дела с Алдызом?

— Никак.

— Лжешь, Амра, разве у вас с Алдызом не было никакого разговора?

— Что ты, мама, мне приписываешь Алдыза? Мы с ним как брат и сестра...

— С ума меня не своди, Амра!

«Или кто у нее другой появился? Ах, скрытна стала дочка, что с ней поделаешь. Но кто же у нее появился?»

— Слушай, Амра. Кто же это так связал тебе язык? Кто же? Ты должна мне сказать.—

Голос Дес стал повышаться. Она надеялась силой заставить признаться дочь.

— Что может связать язык, если мне нечего сказать тебе, мама, — увиливала Амра от прямого ответа.

— Как нечего говорить? Что произошло между тобой и Алдызом, он такой хороший парень?

— Алдыза я никогда не любила, мама.

— Так кого же ты любишь?

— Ты его не знаешь! — Амра, не выдержав разговора, выбежала за дверь.

Дес, пораженная этим сообщением, схватилась за голову, села на скамью. «О! Что видят мои глаза! Отбилась моя дочь от рук!!»

Солнце встает у нас

(главы XV-XXVII)

XV

Я жил на пастбище, не имея никакого желания спускаться в село. Может быть, такое желание у меня было, но я считал, что нечего мне делать в Новолунии. Оттого, что я там побываю, мне легче не будет. Хорошо ли, плохо ли у меня на душе, все при мне, и никто об этом не знает. Что увидел бы я нового для себя? Что ободрило бы меня и обрадовало? Лучше уж я буду держаться подальше от испытующих, от вопросительных или сожалеющих взглядов. Работа — главный мой союзник и друг.

Я забывался на работе. Если бы она не отвлекала меня на целый день от моих мыслей, наверно, я сошел бы с ума. Но рабочий день кончается, я сажусь на камень, чтобы отдохнуть, посидеть в тишине, и все мои мысли, все мои чувства, дождавшись удобного момента, набрасываются на меня, как стая волков набрасывается на споткнувшуюся лошадь.

Вот и сейчас я сижу неподвижно и смотрю, как на поляне играют резвые козлятки. Они разбегаются, стучаются неокрепшими рожками, смешно подпрыгивают, дурачатся, как все дети. Один козленочек, которому надоело, как видно, хитрить и изворачиваться во время игры, отошел от других, подбежал ко мне и уставился на меня своими смысленными глазенками. Уморительно серьезен был вид этого козленка. Он так странно глядел мне в глаза, словно хотел, чтобы и я посмотрел тоже и прочитал бы в его глазах все, о чем он думает. Я подумал даже, не болен ли он. Я знаю, что животное, когда заболит, обязательно будет просить у человека помощи. Оно ничего не скажет, конечно, но сделает так, что вы непременно обратите на него внимание и обязательно догадаетесь, что животное заболело. Но нет, этот козленок вполне здоров. Он сыт, ему тепло, глаза у него ясные, без мутного оттенка болезни и вялости, он доверчиво смотрит на мир. Но если так, почему же он оставил игру и подошел ко мне? Что ему нужно, уж не пожалеть ли он меня

подошел? Увидел, что я сижу одиноко и что мысли мои печальны. Говорят, собаки умеют угадывать настроение своих хозяев. Но, может быть, такой способностью обладают и другие животные? Может, и это милое резвое существо тоже почувствовало, что на душе у меня нехорошо, и вот пришло пожалеть.

Я замечал и за собой, что вдруг понимаю все, чем живет козленок ли, лошадь ли, чего им хочется, что они от тебя ждут. Но если так, почему же мы, люди, не умеем читать в душе друг у друга? Почему Амра не может понять, что творится со мной? Почему я не знаю, что таится у нее на душе?

Я сижу, и в моем воображении все время меняются картины, как будто я смотрю фильм про самого себя. То все затемняется, и на экране черная пустота, то вдруг появляется передо мной Амра. Вот она идет по дорожке со школьниками и смеется. Вот она стоит на веранде своего дома. Вот я вижу только ее лицо, ее улыбку и глаза.

Я понимаю, что на самом деле она далеко, но все же, когда она приходит даже таким образом, мне становится легче. Я ощущаю своей душой всю ее доброту, ее характер, ее поведение — все, что составляет сущность человека, и чувствую себя в это время почти счастливым. Я счастлив оттого, что таких-то встреч меня никто не может лишить. Они не зависят ни от самой Амры, ни от Алдыза, ни от какого-нибудь там Алгери.

Видения сменяют друг друга, и снова затемняется экран, и я один остаюсь в темноте. Пока я смотрел на Амру, козленок ушел, — видно, ему надоело стоять перед человеком, который не обращает на него никакого внимания. В воображении Амра — моя, но я понимаю, что на самом деле мы как гора и море. Где уж мне до нее. Я ведь только ветеринар. Что из того, что я люблю свое дело и не променяю его на другое. Но все же в глазах остальных учить детей и лечить баранов — большая разница. Опять замелькало мое кино, и Амра вдруг заговорила с экрана: «Что ты, Алоу, как ты мог подумать, что для меня имеет значение твоя работа? Вовсе не потому, совсем не потому, но дело в том, что...» Мне не захотелось дослушивать Амру, и я усилием воли погасил свое воображение. На том самом месте, где недавно стоял козленок, я увидел теперь Харзамана. Он подошел неслышно и остановился против меня. Теперь мы сидим с Харзаманом и смотрим с нашей горы вниз в долину.

— Да, время идет. Давно ли были только одни разговоры о строительстве электростанции, а теперь уж она скоро будет готова.

— Да, скоро ее закончат. Дадут свет, и тогда совсем преобразится наше село.

Электричество войдет во все сферы колхозного быта, — говорил я, словно читал районную газету. — Оно придет и на ферму, чтобы облегчить наш труд. Намного увеличится производительность труда.

— Так, так. Наверно, электричество все будет делать за нас. Будем сидеть, не вставая с места. Не будет ли оно за меня еще есть и пить? Нет, дад, без нас, людей, и электричество никуда не годится.

— Но ведь его придумали люди. Человек придумывает то, что ему полезно.

— Не всегда. Ладно, не будем спорить. Будет свет — это хорошо. Разве я отрицаю? Но вот я слышал, что электричеством будут доить коров.

— Да, так и будет.

— Что ты говоришь, дад?!

— А что? Подвели бы нам только свет, а там мы привезем нужное оборудование, и пойдет дело.

— А я думаю, что этого быть не может. Ничего у нас не выйдет.

— Как это не выйдет? У других людей выходит.

— Страна большая. То, что подойдет к одному месту, не подойдет к другому. Подумай сам, разве наши коровы позволят, чтобы их доили машиной? Они скорее попрыгают живыми со скалы, но этой выдумке не дадутся.

— Куда им деваться? Побесятся и привыкнут. Зверей приучают и не к этому. Разве ты не был в цирке? Там звери пляшут, ездят на велосипеде, играют в футбол. Говорят, что зайца

можно научить зажигать спички, а уж коровы...

— Дело в том, какие коровы. Может, особые, передовые, какие-нибудь там городские коровы и позволят, чтобы их доили машины, но чтобы допустили это наши абхазские коровы, ну нет, брат, никогда не поверю, лучше не говори.

Мы помолчали немного. Я подумал даже, не обиделся ли Харзаман за то, что я ему так резко перечу. Но немного погодя старик заговорил снова.

— Ты ведь так же, как и я, любишь наше село? — спросил Харзаман неожиданно, словно хотел еще раз удостовериться, что я действительно люблю село Новолуние.

— Очень, очень даже люблю.

— Чтобы удача всегда шла впереди тебя. Ты умный парень. Каждый человек должен любить свою деревню. Я очень ценю, что ты любишь также и Новолуние. Оно, конечно, не может заменить тебе твою родную деревню...

— Как, разве ты считаешь меня чужим? Или разве я считаю чужим Новолуние? Если кто-нибудь тебе сказал об этом, он обманул тебя. Он последний обманщик и лгун.

— Да нет, никто мне ничего не говорил. Это я сам подумал так. Но я рад, если я ошибся, подумал неправду.

— Я здесь работаю, ем, сплю, хожу по дорогам, сижу на траве и считаю, что это мое родное село. Как же иначе?

— Долго и счастливо жить тебе, дад, за такие слова. Так ведь и должно быть. Уважающий себя человек не может быть бродягой, которому везде одинаково хорошо.

— Я и не думаю уезжать. Я хочу всегда жить в этом селе.

— Чтобы твой замысел принес тебе счастье, дад. Ты молодец. А то есть люди, которые нынче здесь, завтра там, словно нигде не найдут себе на земле подходящего места. Возьми хоть этого... как его... Алгери.

При упоминании Алгери я сразу насторожился. Не мог Харзаман упомянуть это имя случайно: либо он хочет узнать, как я отношусь к инженеру, либо он хочет узнать через меня об отношениях Алгери и Амры. Долгим окольным путем вел Харзаман свой разговор, да и теперь делает вид, что упомянул имя Алгери совсем случайно. Я тоже решил прикинуться простачком.

— Алгери? Но разве он бродяга? Ну, вряд ли.

— А! Такие люди, дад, ночуют там, где их застала темнота. От того места, где встретили утро, они продолжают свой путь. Куда это годится? Сегодня он строит электростанцию у нас, завтра окажется где-нибудь еще.

— Такая уж у него профессия. Можно ли за это осуждать?

— Я и не осуждаю. Пусть живет как хочет. Пусть будет счастлив. Но я-то не хотел бы такой жизни и не пожелал бы друзьям.

— Нет, у Алгери хорошая специальность. Можно позавидовать ему.

— Уж не завидуешь ли ты?

— Что ж, если говорить честно...

— За это я не могу тебя похвалить. Разве хуже иметь дело с живыми существами, лечить их, приносить им облегчение, нежели все время цемент, камни, железная проволока, машины?

— Я не жалею, но хочу сказать, что профессия у Алгери особая и он заслуживает особого уважения.

— За то, что все время переезжает с места на место?

— Но ведь он переезжает в новое место не один, он привозит с собой свет, электричество.

— А! До сих пор мы ели хлеб и пили вино без его света и, скажу тебе, справлялись неплохо. Обошлись бы без твоего Алгери и теперь. Не хочу я ни его самого, ни его чертова электричества.

Я все больше понимал, слушая Харзамана, что дело тут не в свете, но что старик за что-то невзлюбил самого инженера и теперь свою неприязнь переносит и на профессию. Я понял окончательно, что, если между Амрой и Алгери есть что-нибудь, им придется обойтись

без одобрения Харзамана. Но мне-то что от всего этого? Как будто Харзаман может распоряжаться чувствами своей внучки и направлять их, куда захочет.

Харзаман заметил, что я не очень охотно поддерживаю разговор об Алгери, и снова перешел на разговор об электростанции.

— Конечно, неплохо — и дорога, и электричество. Но ведь они появятся не на пустом месте, не с неба. Я знаю, в тех далеких горных местах, куда уже провели большие дороги, исчезают леса, горы становятся голыми, их размывает водой. Разве у тебя не болит душа за нашу абхазскую землю, за ее природу?

— Кто им позволит рубить леса и оголять горы?

— Ха! Кто позволит? Уж если позволили проложить дорогу прямо через мой сад, через наши могилы, то все остальное в диком лесу... Ты, что ли, сумеешь стать поперек?

Разговор наш часто менялся. Хотя мы и спорили иногда, все же я, как видно, оказался хорошим собеседником Харзаману. Под конец он сказал:

— Слушай, дад, ты теперь не живешь в нашем доме, даже и не заходишь, а мы все рады будем тебя видеть. Завтра воскресенье. Приходи, пообедаешь вместе с нами, с моей семьей.

Так я оказался гостем в доме Харзамана, где сначала жил и чувствовал себя как свой человек.

После разговора с дочерью, который лучше бы назвать столкновением, Дес не находила себе места. Чтобы не винить потом одну себя и видя, что ничего не в состоянии придумать, Дес начала нападать на Алиаса:

— Ты совсем запутался со своей машиной. Ты думаешь, что, кроме нее, на свете ничего нет.

— Чем тебе помешала моя машина?

— Как же? Ты о нас совсем забыл, как будто нет совсем на свете. А мы ведь живые люди.

— Но что случилось?

— Как что? Разве ты не знаешь, что у нас есть дочь?

— Ну и что с ней случилось?

— А, ты ждешь, пока что-нибудь случится?

— Что должно с ней случиться?

— Если б я знала.

— Не знаешь, зачем говоришь? У тебя что, жар?

— Не надо ждать, пока у нас обоих поднимется температура. Надо все делать заранее.

— Но что, что?

— Амра уже не ребенок. Она взрослая девушка.

— Ну и...

— Кто-нибудь должен направить ее на верный путь.

— Ты считаешь, что она сбилась с правильного пути?

— Ты рассуждаешь, как ребенок. Как будто не знаешь, как это все происходит. Нужно скорее выдать ее замуж, пока она чего-нибудь не натворила.

— Ты сама хуже ребенка. Что она, кукла, чтобы мы ее выдали за кого-нибудь? Она сама разберется в своих делах. Не беспокойся.

— Хорошо, ты увидишь, как она разберется, но будет поздно.

— Я вижу, ты сама что-то тут затеваешь. Прошу тебя, не вмешивайся в дела Амры.

— Хорошо, как хотите, так и решайте, но отвечать за все будете вы.

Высказав все и даже больше, чем нужно, Дес как будто на время успокоилась.

Воскресный обед прошел прекрасно. Все в доме обрадовались моему приходу, а я почувствовал себя легко и просто, как в те дни, когда я жил в семье Харзамана. Амра была особенно хороша. Она подавала на стол блюда, уносила порожнюю посуду, не присела ни на минуту. Ее доброты, ее тепла и ласки хватало всем сидящим за столом.

Она угадывала желание каждого, но когда она взглядывала на меня, как бы спрашивая, в чем я нуждаюсь, то мне казалось, что только одному мне достаются такие взгляды, только одного меня она окружает такой заботой, для одного меня она хлопочет вокруг стола. Ее взгляд распорядился мной, как хотел. Она создала между собой и мной такие мирные, такие добрые, чистые отношения, что я и помыслить бы не мог высказать ей все, открыться, признаться в любви. Всякий разговор показался бы теперь грубым и неуместным. Ничем она не выдавала желаний заглянуть в мою душу. Никакой игры, никакого кокетства не было заметно в Амре.

Разговаривал я в этот день с одним только Татеем. Он как раз вернулся из Сухуми, и я заметил, как сильно он изменился. Внешне Татей, конечно, остался тем же юношей, но в его душе, в его сознании произошли, видимо, большие и резкие перемены. И раньше, до учебы в Сухуми, он выделялся из всех сверстников рассудительностью и недетской серьезностью. Теперь же он судил о музыке, об искусстве вообще, о жизни так зрело, что если бы не видеть, не знать Татея, можно было бы подумать, что рассуждает умудренный опытом, пожилой человек.

После обеда все в доме занялись своими делами, на меня не обращали особого внимания, и мы с Татеем сидели на балконе и разговаривали. Конечно, в словах юноши угадывались слова и мысли его учителей, но, как видно, он пропустил их через свои размышления, так сказать, через сито своей души и теперь говорил горячо, заинтересованно, искренне. Он заговорил и о своих планах.

— Мое родное село. Мое Новолуние. Как мне не хватало его там, в большом городе! По ночам я слышал его голос. Ни одно село в мире, наверно, не имеет такого красивого голоса, как Новолуние. Прислушайся, Алоу, не правда ли, удивительный голос у нашего села?

— Голос? Что ты имеешь в виду? Шум Аальпсты?

— Не только Аальпсты, вообще.

— Но вообще я больше не слышу никаких звуков.

— А, ты, значит, глухой. Прислушайся хорошенько. Разве ты не слышишь никакой музыки?

Я действительно стал прислушиваться и услышал в конце концов, как Амра гремит на кухне тарелками. Мысли мои снова обратились к Амре. Я представил себе ее там, среди посуды, каждое ее движение, и мои представления подтверждались стуком и звяканьем.

— Этот звон тарелок ты считаешь голосом нашего села? — пошутил я.

— Какие тарелки, какой звон? Амра, оставь посуду, иди к нам! Алоу не слышит, как поет наше село. Он говорит, что нет никаких звуков, кроме шума реки, никакой музыки. А ты разве не слышишь?

Мы стояли на веранде и слушали. Признаться, я и теперь ничего не слышал. Амра или действительно слышала какую-то там музыку, или делала вид, что слышит. Татей же стоял с сияющими глазами, по его лицу бродило странное выражение. Мне было чудно, как это один человек может слушать музыку там, где другие не слышат ни звука.

XVI

Шла вторая осень, как строилась в нашем Новолунии электростанция. Во всем облике села чувствовался недостаток. Ждали только электричества. С полей было все убрано. По селу носился крепкий дух вина. Была пора свадеб. Они были так часты, что на все трудно было поспеть.

Нынешняя осень пробудила Агру к решительным действиям. Сколько времени она должна ждать, пока Амра уберется с ее дороги? Надо действовать самой и ни на кого не надеяться. Будешь сидеть и ждать — ни с чем и останешься!

Эх, если бы она, Агра, была парнем! Она знала бы тогда, что нужно делать. А то Алдыз... хоть и ее брат, но разве это парень? Нынешние парни — слюнтяи. Бродят возле дома

любимой девушки и вздыхают. Глупцы! Девушку нужно сразу сбивать с ног, пока она не опомнилась, и уж больше она никуда не денется. Девушку нужно схватить и умчаться с ней, пусть хоть все село гонится за ними со стрельбой!

Вот как надо поступать настоящим парням!

И если Алдыз слишком робок, то это сделает для него его сестра Агра! Это будет и смело и благородно! Сестра женит своего брата по любви! Сестра сделает это для брата. А кто же еще? Алдыз слишком мягкосердечный. Он так легко свое счастье уступает другому. Что-то с ним произошло. Раньше с его уст не сходило имя Амры, а сейчас он будто забыл о ней. Ведь не может того быть, чтобы он так быстро разлюбил Амру. Или у него опустились руки, когда он понял, что нелегко ему добиться любви Амры. Если даже это так, то не могла же Амра так быстро вылететь у него из головы. Или Амра отказала ему? Может быть, Амра тоже его обманула, как тогда Агру, сказав, что к ней, к Амре, еще не пришла любовь, будто любовь спит еще в ней, как в колыбели...

Может быть, Алдыз поверил этому и решил ждать, пока любовь проснется в Амре? Но неужели он так глуп? Не ждать, а еще больше парень должен приставать к девушке, чтобы самому разбудиться! Или Алдыз маленький и не понимает этого? Алдызу нужно сказать, что такой девушке, как Амра, нужно, как цыпленку, свернуть шею и положить в свой карман. И она будет принадлежать только ему, и никому больше.

И что все парни помешались на Амре, непонятно! Что они нашли в ней? Будто свет клином на ней сошелся. Мало разве красивых девушек на свете? Уж была бы какая-нибудь особенная красавица, а то девушка как девушка. Ну что в ней такого? А ведь гордится и носик свой так высоко держит, будто лучше никого нет в селе.

Агра стояла перед зеркалом, рассматривала свое отражение в нем. «Разве нет других девушек, еще красивее Амры? Разве я не красивее и не стройнее ее? Ко мне просто никто не присматривался, вот и проходят мимо.

Вот в чем секрет! Стоит одному парню погнаться, так и все туда же. Так и с Амрой. И теперь она нанизывает всех парней, как чурчхелы на ниточку». Ну... Всякая девушка на месте Амры поступала бы так же. А она, Агра, просто не вошла в зенит, просто не выпала ей еще удача, она всех бы этих глупых парней заставила помучиться... И Алоу тоже... Что он в ней нашел, в Амре? Агра ему сказала, что не любит его Амра, с другим она встречается, другого любит. А он все так же бродит за Амрой. Что ему от нее нужно? Он ходил в дом к Амре. Зачем он туда ходил? Если бы узнать, о чем они там говорили? Может, они уже сговорились с Амрой? Но ведь у Амры есть другой парень...

И до каких пор эта Амра будет стоять поперек дороги Агре?

Агра глядела на себя в зеркало, гордо подняла голову. Она нравилась себе...

— Красавица, настоящая красавица сестра, — раздался голос Алдыза, входившего в комнату. Он слегка покачивался. Видно, пришел с очередной свадьбы.

— Лучше, чем Амра? — кольнула его Агра.

— Конечно... по-своему... Ты хороша своей особой красотой.

— Но мне не хватает чего-то, что есть в Амре...

— Тебе это и не нужно...

— Это тебе пьяному я показалась красавицей, — тянула кокетливо Агра.

— Я люблю тебя больше всех.

— А Амру?

— Ну, Амру, тоже... как сестру.

— Все вы на Амре помешались. Зачем таишь?

— Да. Счастлив будет тот, к кому она придет в дом.

— Так за чем же дело? Действуй! Что тебя останавливает?

Но Алдыз не ответил Агре. Он крепко спал в своей постели. Сон быстро окутал его хмельную голову.

«Он любит Амру, как раньше. Только он нерешительный. Он всегда был нерешительный. Но у него есть сестра! И только сестра ему поможет. Это не сделают даже родные братья.

Я помогу ему достать жену. Если Амра по-хорошему не соглашается, то нужно сделать без ее согласия! Я свяжу ее туго — никуда не денется. Сама возглавлю это дело. Вот тогда посмотрим, удастся ли тебе

выкрутиться, ваше величество Амра! И больше ты не будешь переступать дороги другим!»

Агра собрала своих близких родственников и изложила им свои планы. Она передала им просьбу, якобы от Алдыза, помочь ему похитить Амру. Вся родня охотно взялась за это дело для уважаемого ими Алдыза.

В этот же вечер Агра пошла в школу к Амре. Амра увидела подругу и вышла к ней. Домой они пошли вместе. И хотя Агре идти было в противоположную сторону, Агра провожала Амру, рассказывая ей новости села. Амра слушала ее болтовню. Агра болтала и болтала, не давая Амре вставить ни словечка.

Я бродил по селу в надежде хоть издали увидеть дорогую Амру, а если не увидеть, то зайти к ней домой. Я заметил, что недалеко от дома Амры на обочине стояла легковая машина. В сумерках я узнал обеих девушек, подходивших к автомобилю. При виде Амры сердце мое учащенно забилося, и я ускорил шаги ей навстречу.

Девушки были ближе меня к машине, и я увидел, как дверцы машины открылись, из нее выскочили люди, схватили Амру на руки, бросили в машину. Агра прыгнула сама в нее, и машина сорвалась с места, оставив меня в растерянности. «Кого же похитили, Амру или Агру?» — думал я в недоумении, но вдруг понял. Я понял, кого они увозили на этой темной машине. Я бросился бежать за ней, но машина мчалась с горы, и догнать ее мне не удалось. Тогда я закричал. Я бежал без оглядки по всем дворам и задворкам и кричал изо всей мочи. Я не мог остановиться и все кричал:

— Амру похитили! Амру похитили! Амру похитили!

Ко мне выбегали люди, спрашивали меня, но я ничего не понимал. Я все время кричал:

— Амру похитили! Амру похитили!

Я бежал мимо людей и все кричал:

— Амру похитили! Амру похитили! Амру похитили!

XVII

Когда Амру насильно втолкнули в машину, она не успела даже крикнуть. Машина тотчас рванулась с места, мужчины, сидящие на заднем сиденье, крепко схватили девушку за плечи, а один даже зажал ей рот ладонью. Да и что толку теперь было кричать. Машина мчалась. Стекла машины были подняты. Рядом с водителем сидела Агра. Она сидела так спокойно, как будто ничего не случилось. Прохожие видели в первую очередь спокойного водителя и спокойную Агру. Они не успевали разглядеть в глубине машины дюжих парней, стиснувших с обеих сторон беззащитную девушку.

Сердце у Амры разрывалось на части. Она пыталась вырваться, но ее держали в крепких тисках. Агра изредка оборачивалась и успокаивающе говорила:

— Ну, что ты, Амра, что тут такого страшного? Такова наша участь, девушек, таковы наши абхазские обычаи. Это даже очень почетно, когда похищают девушку. Вот увидишь, многие будут тебе завидовать. Если бы меня похитили, разве я не была бы рада? Сказала бы спасибо тем парням, которые помогли бы тому мужчине.

«Что случилось, что случилось? — лихорадочно думала Амра. — Что теперь делать?»

Выброситься из машины ей не дадут, сопротивляться она бессильна. И кто тот мужчина, который подослал этих людей? Где он? Парни, держащие с обеих сторон Амру, закутаны в башлыки. Их лиц не разглядишь. Сидящий за рулем ни разу не обернулся. Виден только его затылок. Но какова роль Агры? Почему она сидит так спокойно, словно обо всем знала заранее? Уж не соучастница ли она? Ну конечно же, Агра соучастница, иначе она вела бы

себя по-другому. Тогда похититель, которого нет в машине, должен быть хорошо знаком Агре. Кто же он?

Машина въехала в какой-то двор и остановилась около самого порожка лестницы. Из дома выскочили еще трое парней, открыли дверцу, подхватили Амру на руки и, не давая прикоснуться к земле, поддерживая под руки, внесли в дом, протащили через две комнаты, оставили в третьей, а сами выскочили. Похищенная осталась в комнате с двумя незнакомыми женщинами.

— Пусть этот час будет счастливым для тебя, нан.

— Пусть красиво начнется и красиво продолжится твоя новая жизнь.

Обе женщины подошли и поцеловали Амру. Амра уже не сопротивлялась. Она старалась собраться с мыслями. Она понимала, что плач, слезы, вопли, стоны и просьбы теперь бесполезны. Тут нужно проявить характер, выдержку, стойкость. Плач и слезы приведут только к унижению. Теперь все зависит от того, как Амра себя поведет.

— Что это значит?— заговорила Амра спокойно и твердо.— Куда я попала и кто вы такие? Вы что, арестовали меня?

— Как можно, нан, говорить такие слова?

— Ты не арестована, ты просто вышла замуж.

Твердости характера не хватило Амре, и она вскрикнула. Женщины между тем продолжали:

— Конечно, трудно выходить замуж. Непривычно. Сразу меняется вся жизнь.

— Трудно, нан, но мы уж не первый раз видим, как молодые девушки выходят замуж. Все ведут себя одинаково. Сначала плачут, кричат, а потом бывают довольны и счастливы.

— Но кто осмелился совершить такую подлость?

— Пусть его смелость обернется счастьем для вас обоих.

— Кто он, покажите мне этого трусишку, который прячется и не хочет поглядеть мне честно в глаза.

— Придет, нан, придет. Он ведь для того и увез тебя, чтобы к тебе прийти. Как только мы уйдем, он и придет.

— Потерпи уж, нан. Ты же знаешь, по нашим обычаям, он не может прийти к тебе, пока мы здесь, да и что толку. Надо, чтобы он побыл с тобой наедине, тогда будет толк.

— Придет он, потерпи, нан, а сейчас ему заходить сюда некрасиво.

— Пусть придет немедленно, иначе я сама вырвусь отсюда.

Женщины расступились в стороны. Им, видно, надоело спорить со строптивой девчонкой. Амра бросилась к двери и дернула за ручку. Дверь оказалась запертой.

— Это бессовестно, это стыдно!

— Стыдно, нан, стыдно будет, если ты вернешься отсюда домой. А здесь оставаться какой же стыд? Все девушки испокон веков выходят замуж.

— Я никогда не примирюсь, я все равно убегу.

— Все, милочка, говорят так, но слова их потом остаются пустыми словами, а сами девушки остаются там, куда их привезли.

— Не останусь здесь никогда!

— Зачем сердиться? Ведь там, куда ты вернешься, ты уже никому не нужна.

— Если девушка побывала в доме мужчины, она уж никуда не годится, ты же знаешь. Все знают теперь, что ты побывала в чужих руках. Теперь уж ни один парень в Абхазии не посмотрит на тебя, нан.

— У меня есть совесть, честь. Я не могу примириться с тем, чего не хотят ни душа, ни тело.

Амра и эти две женщины сидели в одной комнате в один и тот же час. Но разговаривали они, словно находились в разных веках, словно стояли на двух отдаленных гребнях

времени и между ними пролегла широкая темная пропасть, которую невозможно переступить.

Между тем Агра возбужденная прибежала домой, растолкала Алдыза, словно принесла ему самую радостную весть.

— Вставай, Алдыз, ее уже привезли.

— Кого привезли, куда?

— Амру.

— Откуда привезли, куда, зачем?

— Она теперь в наших руках. В твоих руках. Отныне Амра твоя жена.

— Что ты говоришь, Агра, брось шутить.

— Мы тебе привезли жену. Проснись наконец! Неужели не понимаешь?

Алдыз все понял и стал торопливо одеваться. Агра назвала ему адрес и выскочила из дома.

Женщины, сторожившие Амру, уже не поздравляли ее, не лебезили перед ней. Все трое были рассержены и злы друг на друга. В это время дверь широко, резко распахнулась, и на пороге вырос Алдыз.

— А! Вот и он! Убил нас совсем.

— Теперь пусть они поговорят между собой. — Женщины вышли и закрыли дверь.

— Что это значит? — закричала Амра, едва дверь успела закрыться. — Это бесстыдство! Жалкий коварный трус!

Алдыз мгновенно опустился перед Амрой на колени.

— Прости меня, Амра, но здесь какое-то недоразумение.

— Я считала тебя своим братом, а ты...

— Я не нарушил законов братства, Амра. Здесь какое-то нелепое, чудовищное недоразумение.

— Кто же его нарушил?

— Я ничего не знаю.

— Кто привез меня сюда? По чьей просьбе?

— Не знаю.

— Почему-то я тебе верю. Давай во всем разберемся.

— Да, верь мне. Ничего не бойся. Я здесь, и ничего с тобой не случится. Доверься мне, как родному брату.

— Но как же все это произошло?

— Я сам бы хотел узнать.

Амра рассказала подробно, что с ней случилось.

— Зарезали без ножа! Не знаю, кто это сделал, но я ни при чем.

— Немедленно отвези меня домой.

Алдыз вышел на балкон, оглядел двор, но нигде не было ни души. Все как вымерли или разбежались, добросовестно оставив молодых людей наедине друг с другом.

В это время Харзаман бегал по двору, извергая проклятья, но голос у него пропал:

— Убили, совсем убили, зарезали без ножа! Амра, Амра, единственная моя Амра!

Алиаса в этот день не было дома. Он уехал в Сухуми по делам своей машины и еще не возвратился. На Алиаса-то Харзаман и злился больше всего:

— Пугается со своей машиной. Ездит то в Сухуми, то в Тбилиси, а дома семья заброшена.

И вот что произошло! Сначала разорили усадьбу, а теперь Амра... Ее схватили, как будто она сирота и некому за нее заступиться. Стыд и позор! Наверно, кричала, бедняжка, но кто же услышал бы крик, кто бы помог? А теперь все кончено. Я, что ли, старик, побегу отбивать ее у похитителей? Да если и вернешь, что толку? Они, пожалуй, теперь могут привезти ее сами, но кому она будет нужна с чужим тавром? Почему не привелось

помереть раньше всех этих бедствий? Зачем судьба сделала старого Харзамана свидетелем собственного горя?

Алдыз взял Амру за руку и повел по лестнице. Дом и двор вдруг мгновенно ожили. Откуда ни возьмись, появились и те две женщины, и парни, которые везли похищенную, и хозяин дома. Люди окружили молодых, — видимо, они недоумевали, что все там в комнате совершилось так быстро. Но хозяин дома первый правильно понял поведение Алдыза, тотчас же взвился на дыбы:

— Что ты собираешься натворить, Алдыз?

— Ничего, мы уходим домой.

— Куда?

— Разве можно?— заговорили все враз.

— Ты что, хочешь зарезать меня тупым ножом при всем народе? Если ты переступишь через порог моего дома на улицу, ты навеки опозоришь мой дом и мой кров. Все подумают, что я не смог вас достойно принять. Как я буду смотреть людям в глаза?

— Спасибо, спасибо. Мы тебе благодарны за все, а сейчас мы уходим домой.

— Нет, вы не посмеете.

— Пойдем, Алдыз, — потянула за руку Амра.

— Но чем мы обидели вас, за что?

Алдыз вывел Амру из окружения своих рьяных родственников и посадил в машину, которая стояла тут же на улице, у ворот двора.

Машина, подъехав к дому Харзамана, осветила фарами весь двор, вернее остатки двора, и всех стоящих на балконе людей. Конечно, сквозь яркие фары нельзя было разглядеть, кто сидит в машине, никто не мог и подумать, что привезли Амру. Амра выскочила из машины и побежала вверх по лестнице в дом.

— Это я, мама, я здесь!

Все остолбенели, и даже Харзаман не двинулся с места. Обняв мать, Амра бросилась к Харзаману:

— Дедушка, это я. Со мной ничего не случилось.

Между тем на балкон поднялся и Алдыз. Все уставились на него, не зная, что и подумать.

Может, он догнал на своей машине похитителей и отбил Амру? Или?.. Но кто поручил ему догонять? Когда похищают девушку, в погоню устремляются близкие родственники

— отец, братья. Чужие не вмешиваются в дела других семей. Мало ли что. Ведь, может быть, девушку похитили с молчаливого согласия родителей, и, вмешавшись, только испортишь дело.

Первая опомнилась и взяла себя в руки Дес. Она утянула дочь в комнату, подальше от людей, и велела рассказать все как было. Амра без утайки рассказала.

— Бог мой! Что же ты наделала?— принялась вдруг ругать свою дочь Дес.— Ты понимаешь, что ты наделала тем, что вернулась в отчий дом? Как ты посмела, как ты могла вернуться? Ты понимаешь, что это значит? К тому же тебя привез Алдыз, привез сам на своей собственной машине. У тебя что, совсем нет мозгов? Теперь все будут говорить, что Амра оказалась нечестной девушкой и Алдыз, который хотел взять ее в жены, вернул негодную невесту родителям. Ты же знаешь, что испокон веков самое страшное для абхазской семьи получить обратно дочь из рук мужчины. Как заткнешь людям рты? Дурочка, почему ты не осталась с Алдызом? Или, может быть, ты рассчитываешь найти жениха лучше, чем он? Счастье само привалило тебе в руки, а ты вместо того, чтобы взять его, принесла нам всем неслыханный позор. Сейчас же иди к Алдызу и уезжайте вместе с ним, куда хотите.

Дес в раздражении больно ущипнула Амру. Амра выскочила из комнаты.

— Нет, нет, не хочу. Знайте все: Алдыз спас меня. Он мой спаситель. У меня не было родного брата, теперь он у меня есть. Вот смотрите, Алдыз мой родной брат! Он честно

исполнил закон и долг братства.

Харзаман не пропустил мимо ушей ни одного слова, а под конец взволнованной и сбивчивой речи Амры воскликнул, обращаясь к Алдызу:

— Жить тебе две жизни, Алдыз! Чтоб до тех пор ты был жив, пока жива абхазская честь.

— Старик подошел к Алдызу и поцеловал его.

Алдыз мгновенно опустился на одно колено и поцеловал полу Харзаманова архалука.

— С этой минуты ты брат Амры. Если она этого захотела, если так получилось, почему мне быть против? Чтобы вы оба были достойны вашего братства. У меня нет ничего драгоценного, чем я мог бы одарить тебя. Алдыз. Но сам я получил большой подарок. В мою семью вошел хороший человек. Весь этот дом, и двор, и все, что у нас есть, с этого времени так же твое, как и наше. Во всем есть теперь твоя равная доля. Чтобы это было тебе на счастье.

— Чтобы все твои беды перешли на меня,— вставила словечко и Дес.

Алдыз спокойно ответил:

— Чтобы я был всегда достойным вас.

Как будто этим и закончилась история похищения Амры, но тень ее все же упала на всех нас. Да и как можно было ее считать законченной, когда есть большое село и много людей, живущих в нем, и у каждого есть уши, а главное — язык.

Не подойдешь к каждому рассказать, как было на самом деле. Да если бы было и можно рассказать всем, кто поверит? Почему они должны верить? У каждого из них голова на плечах именно для того, чтобы каждый из них судил по-своему.

Дес продолжала пилить Амру:

— Дурочка, сидела бы там крепче. Алдыз не прогнал бы тебя. Было бы теперь все в порядке. Нет, бросилась к Алдызу как к спасителю. Он-то не потерял ничего. Проявил благородство и стал членом нашей семьи. Но ты-то неужели не понимаешь? Что честь твою защищать поздно. Раз ты побывала в доме мужчины, значит, никакой чести больше нет.

Так судила о происшедшем Дес. Каждый судил по-своему. Харзаман как будто успокоился, но все же сердце его болело. Ведь неизвестно, как сложится дальше судьба Амры. Все кончилось, но пятно все-таки есть. Что, если всю жизнь ее будут упрекать этим? Что ни говори, а жалко бедняжку.

Знает ли о случившемся Алгери? Как видно, ничего не знает, а то бы давно примчался. Впрочем, может, он услышал, но не сделал и шагу. Наверно, он не знает. А как воспримет? Девушку поволокли к машине, повезли неизвестно куда, обращались с ней неизвестно как, потом привезли и бросили на голову родителям. Ему ли, Алгери, довольствоваться чьими-то объедками?! Он, правда, сейчас где-то в горах, но разве весть не долетела до самых высоких гор? В Абхазии все вести разносятся со скоростью звука.

Амра из-за похищения не была в школе. Ученики обычно радуются, когда выходит свободный денек. Но ведь и они знают, где была их учительница. Наверно, и они тоже обсуждают случившееся и судят о деле так, как их научили судить родители, да и все вокруг, как судят о нем обычно все абхазцы, от мала до велика. А что говорят односельчане?

На Алиаса, возвратившегося под вечер из Сухуми, бурная весть упала как снег на голову. Едва он въехал в село, как его окружили женщины.

— Слава богу, Алиас, все закончилось благополучно.

- Молодец Амра, не опозорила своей фамилии.
- Да, бедняжка все-таки спаслась, что бы теперь ни говорили.
- Главное, что вернулась домой.
- Главное, что осталась жива. Если бы покончила с собой, заколотила бы двери дома * (* Имеется в виду, что на пей прекратился бы род.).
- Оказывается, она с характером.
- И умна. Мало того, что вернулась домой, да еще и сделала братом своего похитителя.
- Не каждый так умеет покрывать свои грешки.

Алиас слушал всю эту болтовню, не успевая раскрыть рта, чтобы расспросить подробно, что же в конце концов случилось. А дома на Алиаса напала Дес:

— Что я тебе говорила? Не хотел меня слушать. Знаешь, что натворила твоя дочь? В глаза все хвалят ее за то, что она вернулась домой, но кому нужно такое ее возвращение?

— Так что же лучше, чтобы она осталась там, где ей не хотелось оставаться?

— Девушка остается там, где перестает быть девушкой. Ты что, первый день живешь на свете?

Алиас не стал упрекать Амру, напротив, как мог, приободрил ее, похвалил за решительность.

На другой день Амра пошла в школу. Она вышла из дома как можно раньше, чтобы не встречаться с людьми по дороге. В учительской она сидела в ожидании звонка в сторонке, уткнувшись в книгу. Когда другие учителя здоровались с ней, она отвечала, не поднимая глаз. Никто не приставал к ней с разговорами, с расспросами, каждый как будто занимался своим делом. Учителя разговаривали между собой, не обращая как будто на Амру никакого внимания. Но казалось Амре, что, разговаривая, ее коллеги следят за каждым своим словом, как бы не проговориться, не задеть нечаянно за больное место, не обидеть, не оскорбить Амру. А это-то и было обиднее всего.

Зазвенел звонок. Амра первая встала и решительно вышла из учительской. В классе она, как обычно, провела переключку. Тишина после переключки наступила такая, что не слышно было даже дыхания ребят. Ученики, не спуская глаз, смотрели на Амру, словно ожидали, какое первое слово она сегодня произнесет. Десятки детских глаз смотрели в упор на свою учительницу, и Амра почувствовала, что у нее нет такого слова, которое она могла бы сейчас произнести и которое разрядило бы обстановку. Чем больше длилось тягостное молчание, тем больше терялась Амра. С другой стороны, она понимала, что если она сейчас выпустит класс из рук, то произойдет нечто еще более ужасное. Чужим голосом она спросила:

— Кто помнит, дети, что было задано на сегодня по литературе?

Дети молчали. Было похоже, что они нарочно взялись молчать, чтобы выразить Амре, их учительнице, свое презрение.

— Так кто же расскажет, что было задано на сегодня по литературе? Неужели никто не знает? Кто выучил на сегодня урок? Ну?

— «Женская честь», — поднялась девочка с задней парты. Во всем ее виде чувствовался дерзкий вызов. Весь ее вид как бы говорил: «Хорошо же, если вы так хотите, я скажу!» Весь класс обернулся к поднявшейся ученице.

— Я выучила урок. На сегодня нам было задано то место из романа «Женская честь» * (* «Женская честь» — роман И. Папаскири.) , где рассказывается о похищении Саиды.

По классу пробежал шум. Дети начали подталкивать друг друга локтями. Амра похолодела. Как она могла забыть о таком совпадении. Она настаивала, чтобы ученики ответили, но они сидели молча, оказывается, потому, что раньше своей учительницы поняли, как неуместно сегодня рассказывать именно этот урок. Теперь одна девочка отвечает за всех. Ей, чувствуется, нелегко. Она ни в чем ведь не виновата. Амра сама поставила и всех детей, и эту ученицу в затруднительное положение.

Девочка подробно рассказывала, при каких обстоятельствах похитили Саиду, куда ее привезли и как все было дальше. Она рассказывала отрывок из романа, но дети

переносили все, что слышали о вчерашнем происшествии с Амрой, на свою учительницу. Амра сидела без кровинки в лице и не слышала, что рассказывает ученица. Она думала о своем, о вчерашнем, точно так же, как все ученики думали не о Саиде, а о ней, Амре. Никто не перебивал ученицу, никто ничего не спрашивал, все ждали с нескрываемой усмешкой, чем же закончится приключение их учительницы. Не Саиды, героини романа, а именно их учительницы.

Амра под рассказ ученицы снова переживает все подробности вчерашнего, думает о той молве, которая растекается мгновенно во все стороны и распространяется все дальше и дальше. Для них теперь это не просто урок, не просто случай из книжки, но знакомое, животрепещущее событие. Амра не смеет поднять глаз, не смотрит на детей, но чувствует, что все дети смотрят на нее. Ученица не успевает закончить свой рассказ, как прозвенел звонок на перемену. Амра быстро вскакивает.

— Хорошо, садись.

Ученица села на свое место, не зная, что означает это «хорошо». Другие ученики тоже не поняли, что хотела сказать учительница. Что «хорошо»? Хорошо рассказала ученица, хорош ли сам по себе рассказ? Или же Амра бросила это «хорошо» недовольно, сердито? Мол, хорошо, садись на место, а там посмотрим. А может, это уже оценка «хорошо», которая будет записана в дневник? Пойди разберись теперь, что означает это «хорошо». Ведь учительница вышла из класса, не прибавив больше ни словечка.

Пока учительница выходила из класса, дети молчали. Но из коридора Амра услышала, что в классе за ее спиной раздался дружный смех.

Остальные уроки в этот день Амра провела вяло, без воодушевления. В классе угнетенно молчали дети, в учительской угнетенно молчали учителя. Что означает молчание и тех и других? Может быть, они молчат из тактичности, чтобы не бередить раны Амры? А может быть, они молчат, потому что осуждают и презирают Амру и не хотят с ней иметь никакого дела? И то и другое ужасно.

Когда кончился последний урок, Амра, не заходя в учительскую, заторопилась домой. По дороге так хотелось, чтобы никто не попался навстречу, чтобы не нужно было опускать глаз, отводить взгляд или, еще хуже, отвечать на вопросы. Так хотелось поскорее прийти домой, закрыться в своей комнате и хорошенько, наедине с собой, во всем разобраться. Но до дома неблизко. Когда хорошее настроение, когда хочется, чтобы встречались люди, когда хочется говорить им «здравствуйте» и вообще говорить с ними, улыбаться им, тогда нет на дороге ни одного встречного пешехода. Теперь же, как нарочно, они будут попадаться на каждом шагу.

Амра идет, не глядя по сторонам. Она смотрит только себе под ноги, словно боится споткнуться. Какое было бы счастье, если бы вдруг спустились сумерки и Амру в дороге застала темнота. Тогда она незаметно проскользнула бы до своей калитки. Амра предчувствует встречу. Вот-вот должен появиться на ее дороге чужой, посторонний человек. Он уже, кажется, маячит перед Амрой, как маячит перед глазом острая ветка в лесу. Ну что же, если встреча так неизбежна, то скорее бы она случилась. Кто бы ни был встретившийся человек, Амра смело посмотрит ему в лицо, безразлично поздоровается и гордо пройдет мимо. Если же встречный спросит о чем-нибудь, можно сделать вид, что не расслышала вопроса. Если встречный окажется порядочным человеком, то и он спокойно пройдет мимо, как ни в чем не бывало. Если задаст вопрос, что ж, Амра сумеет ответить, если уколется ее острым словом, сумеет уколоть и она. Просто не хочется ни с кем связываться, не хочется, чтобы посторонние копались в твоей душе.

Пустынная полевая часть дороги кончилась. Амра зашла в проулок, где справа и слева стояли дома. У дороги, правда, одни заборы, но разве трудно пройти к дому по дороге двадцать шагов, облокотиться на забор и глядеть на дорогу? Проулок показался Амре узкой ловушкой, в которую ее нарочно загнали. Она не смотрела по сторонам, не видела не только домов, но и заборов. И все же дома из-за заборов давили на нее с двух сторон. Ей казалось, что все люди вышли из домов и она идет теперь, как сквозь строй, мимо

десятков придиричивых, прилипчивых, въедливых, недоброжелательных глаз. А люди действительно стали выходить из домов. Сначала они смотрели со своих порогов, потом подошли к калиткам. Видимо, от дома к дому по беспроволочному телеграфу передавалась весть, что идет Амра, потому что чем дальше, тем зевак становилось больше. Все видели, что Амра идет одна, вполне беззащитна, уязвима, отчего же не поглазеть. А если представится удобный случай проверить, чем она дышит, как у нее там на душе. Пока что не трогали, не заговаривали. Правда, на это не так легко решиться. Все знают, что Амра за словом в карман не полезет. Заговоришь, а она отрежет так, что и сам будешь не рад. Ей терять нечего. Скажет, например, что нечего совать нос в чужую тарелку. Что с нее возьмешь? Ничего.

Хотя бы скорее прийти домой. Дорога, что ли, стала раз в пять длиннее. Никак не кончается. Преодолеть этот проулок, а там — в гору и близко дом.

Нет никакой управы на женщин, высыпавших на дворы, облокотившихся на свои заборы и глазеющих на опозоренную учительницу. Разве они пропустят мимо себя, чтобы совсем ничем не задеть. Вот-вот раздастся над головой или даже за спиной чей-нибудь ласковый и будто даже вкрадчивый голос. Так и есть.

— Здравствуй, Амра.— Это здороваается одна молодая девушка.

Амра вздрогнула и ответила так тихо, что девушка не расслышала.

— Здравствуй, Амра, ты что, оглохла? Я же тебе говорю. Зазналась, считаешь унизительным для себя ответить простой девушке.

— Извини, я ответила, только тихо.

С этого слова и пошло.

— Амра, заходи, гостьей будешь.

— Спасибо.

— Амра, откуда идешь?

— С работы.

— Амра, сколько времени?

— У меня нет часов.

— Амра, ты что-то никого не замечаешь, что с тобой случилось?

— Это я только тебя не замечаю. Других замечаю.

— Амра, ты как будто не в настроении?

— Плохо смотришь.

— Амра, какой сегодня день?

— Прошлый понедельник.

— Амра, куда так спешишь?

— На твои поминки.

Наконец-то проулок кончился. Теперь можно вздохнуть спокойнее. Самое страшное позади. Но почему Амра так резко, так грубо отвечала сегодня своим сельчанам, матерям и сестрам своих учеников? Что с ней, это вовсе на нее не похоже.

Теперь близко дом. Теперь нет никого вокруг. Амре же кажется, что она по-прежнему слышит за спиной голоса.

— Подумаешь, Амра.

— Зазналась.

— Воображает.

— Будто ангел.

— Глядела бы на себя.

Домой Амра пришла вконец расстроенная, прошмыгнула в комнату, закрылась, начала плакать. «Почему, почему, за что?» — повторяла она, плача, и не знала, почему и за что.

Похищение Амры вызвало такой переполох в Новолунии, что люди только и говорили об этом. Одни пересказывали другим, другие просто слушали, а третьи еще добавляли и от себя.

Сильнее всего это событие потрясло семьи обеих девушек.

Алдыз набрасывался на Агру с бранью и упреками за ее поступок, о котором он ее не просил. Другие братья считали, что не дело девушки заниматься подобными делами, тем более без ведома самого Алдыза. Сама же Агра считала себя героиней, гордилась своим поступком и бросала братьям оскорбления, обвиняя их в трусости и слабости.

Кроме самой Агры, ее поступок одобряла еще мать, Гегеша. Она на всех перекрестках кричала и доказывала людям, что только такая дочь может быть гордостью любого рода, у которой «мужества не занимать», хватит на любого мужчину. Что не смог совершить ее сын, осуществила дочь. Молодчина. Этими речами мать больше тешила себя, потому что люди проходили мимо, не останавливались около Гегеши, покачивали головами и к вине Агры добавляли и вину матери за ее одобрение.

Только сама перед собой Гегеша признавалась, что с большей бы радостью она хвалилась сыном, если бы он проявил такой мужественный характер, а не дочь Агра.

Гегеша попрекала Алдыза его слабостью. Она кричала ему:

— Молодец среди овец, а среди молодцов — сам овца! Тебе сестра украла невесту, пока ты спал, а ты взял да и увез ее обратно в ее дом. О! Покажите мне еще такого мужчину! Моя дочь — настоящий мужчина! Если ты не мужчина, то и не садись в седло!

Алдыз возненавидел Агру и не давал ей житья. Одним словом, в семье у Агры начался такой разлад, что мать решила, пока не спадут страсти, отправить ее в город, к родственникам.

Никто не знал, при каких обстоятельствах Амра и Алдыз назвали друг друга братом и сестрой. Это осталось между ними тайной.

Когда Алдыз увидел Амру у себя дома, первое, что он понял, что так Амру он не имеет права заполучить. Не мог же он вцепиться в девушку, которую привели к нему против ее воли. За это он стал бы презирать сам себя.

В первую очередь Алдыз думал о чести Амры, о своей чести. Ведь он дал Амре слово быть ей братом. Человек должен быть хозяином своего слова. И Алдыз стал им.

Алдыз любил Амру, как прежде. Он любил ее теперь еще сильнее, когда понял, что потерял на нее всякую надежду. Сейчас, когда он был особенно одинок, чувство к Амре согревало его, несмотря на то, что потерял девушку навсегда.

Алдыз боялся, что Амра просто обвела его вокруг пальца своим родством. И когда приходила ему такая мысль, он винил себя, зачем он принял ее предложение. Ведь он мог тогда, при их разговоре, сразу отказаться от ее предложения и сейчас был бы свободен от своего слова. Нет, он бы не увез Амру обратно в ее дом, он оставил бы ее у себя. Она стала бы его любимой женой. Полюбила бы его... Сколько счастья ждало бы его в жизни, если бы рядом с ним была Амра...

Алдыз подчинился Амре, он согласился быть ее братом. Быть братом девушки, да еще такой прекрасной, как Амра, — значит защищать ее, помогать, выручать при всяких невзгодах, как выручил он ее теперь.

Больше всего Алдызу было обидно на своих сельчан за то, что никто из них не оценил его поступка по-настоящему. Никто не считал его честным и мужественным, а наоборот, все считали его трусом и предателем. Они рассуждали так, что он взял любимую девушку, а потом ее бросил, отвез домой обратно.

Только сам Алдыз знал, сколько ему потребовалось выдержки и характера, чтобы вернуть все на свои места. Он не нарушил одно из правил жизни абхазцев — свято чтить родство. Для самих же новолунцев все эти обстоятельства были неизвестны, и они не признавали этого родства. Объявление родства, назвать человека братом или сестрой — большое

событие в жизни абхазца. Ради этого собираются люди, устраивается пир, и на этом пиру торжественно провозглашают о новом родстве... А тут, рассуждали сельчане, какие же брат и сестра юноша и девушка, когда никто об этом не слышал?

А Харзаман? Он в самой горячке не понял, что произошло. Сначала он думал, что Алдыз отнял у похитителей Амру и возвратил ее домой. Но когда узнал истинную суть дела, закручинился. За любимой внучкой потянется дурная молва. Ее опозорили невинную. Своим практичным умом Харзаман искал путей исправить положение. Искал и не находил.

А я? Я бродил вокруг дома Амры и охранял ее от новых опасностей. Я охранял ее от опасностей, которые неожиданно могут появиться над головой красивой девушки. Я боялся, что новые похитители украдут ее. Я следил за огоньком в ее комнате и, когда он гас, а вокруг воцарялась ночная тишина, спокойно уходил.

Иногда мне хотелось войти к ней и сказать ей все, но я боялся, что она отвергнет меня теперь и не поверит мне. Она может подумать, что я пользуюсь случаем, подбираю ее, отвергнутую людьми. Я не хотел, чтобы она так думала, и не шел к Амре. Опять я пропустил момент, когда б смог признаться ей.

Несчастнее всех была Амра. Она приходила из школы и запиралась в своей комнате. Ни с кем из домашних она не могла поговорить по душам о случившемся. Слишком остра была боль в сердце у ее близких и у нее самой от неожиданного позора, свалившегося на ее голову.

Где же Алгери? Почему он не приходит в такую тяжелую минуту? Может ли самый близкий друг оставаться равнодушным к судьбе подруги? Неужели Алгери ее обманывал, а она этого не замечала и обнаружила теперь, когда особенно нуждается в своем друге? А вдруг с ним что-нибудь произошло и потому он не идет к ней?

Амра сидела в своей комнате затворницей, надеясь, что появится Алгери, выведет ее, и сразу стихнут ретивые сплетники. Но Алгери все не шел и не шел к Амре. Амра решила сама искать встречи.

Алгери шел к ней, и Амра была поражена переменой, происшедшей в нем. Он смотрел на нее чужими глазами, и глаза его бегали и не останавливались на ней, будто он искал кого-то. Амра подошла и начала рассказывать:

— Алгери, ты, наверно, слышал, что произошло со мной? Мне так нужно было видеть тебя. Вот я пришла... — волнуясь, говорила Амра.

Алгери смотрел по сторонам, будто занятый своими мыслями. Он и на самом деле вспомнил другую девушку, которую давно не видел. Алгери думал о другой девушке и почти не слышал, что говорила взволнованная Амра.

«Что с ним? — захолонуло сердце Амры. — Он меня не слушает».

— Алгери, ты слышал... — продолжала Амра, ища его взгляда.

— Ничего страшного... Подумаешь... — холодно протянул Алгери.

— Алгери, мне тяжело. Такой шум вокруг меня...

— Что может быть тяжелого... Жива ведь, — цедил сквозь зубы Алгери, а Амра уже раскаивалась, что искала Алгери и пришла к нему.

В это самое время из-за дерева мелькнула седая голова Харзамана. Амра и Алгери бросились в разные стороны и больше не встретились.

«Откуда взялся дедушка? Видел ли он нас? Что теперь будет!» Амра прибежала домой, заперлась в своей комнате.

Амра перебирала в памяти встречу с Алгери. Он ничего ей не сказал, не посочувствовал. Алгери отнесся к ней, как чужой человек. Настоящий ли он друг? Любит ли ее?

Харзаман пришел домой. Внучка не показывалась ему на глаза. Но что он мог

предпринять? Приказать внучке он не смел, но сама она, по его мнению, совершала ошибки. Харзаман понимал, что девушка вольна распоряжаться своими чувствами и сама должна определить свою судьбу. Но достоин ли тот, с кем она встречается, ее чистого сердца?

Харзаман ходил по двору, не находя себе места. Искалеченная Былга бродила за ним по пятам. Харзаман трепал ее за уши, грустно заглядывая ей в глаза.

Харзаман знал, с кем была бы счастлива Амра. Но разве ей скажешь? И послушает ли она старика?

XIX

Раздался оглушающий взрыв. Горы вздрогнули. Харзамана будто толкнули в грудь. Он покачнулся, отшатнулся назад. Скала, на которую он только сейчас смотрел, вдруг странно сдвинулась с места, приподнялась, стала клониться на сторону и рухнула. Словно перья из лопнувшей подушки, взметнулись вверх и наполнили небо осколки камней.

Потом на землю обрушился каменный град. Несколько камней упало около Харзамана.

«Нет, — подумал Харзаман, — если мы спасемся от всех других напастей и бед, эти люди нас все равно доконают. Не только нас самих они отодвигают с дороги, не только наши усадьбы и дома, но даже и горы. Как мы беззащитны против них, как беспомощны по сравнению с ними!» Харзаман сошел с тропинки и принял запоздалую предосторожность.

Стал под густое дерево. Из-под укрытия в скале вышли двое. Старик их узнал. Это были те самые два инженера, с которыми некогда он разговаривал под дубом у себя во дворе. Это были Алгери и Мыта. Инженеры увидели Харзамана и поспешно подошли к нему.

Они, как видно, хотели отругать его за то, что он зашел в зону взрыва. Но Харзаман сам опередил их и сказал вроде бы как шутя:

— Слушайте, вы решили среди бела дня взорвать всю нашу землю? На чем будем стоять, по чему будем ходить? Да и меня, старика, чуть не взорвали вместе с землей. Да и уж заодно бы.

— Надо лучше смотреть. На тропинке, по которой ты шел, стоит рейка с красным флажком. Это значит — впереди опасность, идти нельзя.

— Что-то вы все, как я вижу, перепутали. С каких это пор я должен бояться красного флажка? У нас на сельсовете висит красный флаг. Значит, сельсовет я должен обходить стороной? А по праздникам развешивают красные флаги, чтобы напугать нас, что ли? Инженеры замаялись. Шутливый разговор Харзамана поставил их в тупик.

— Праздники и сельсовет — это одно. На нашей работе красный флажок означает опасность и запрещение.

— Как это можно одним и тем же цветом в праздники утешать, а в рабочее время пугать? Старик надоел инженерам своими нелепыми придирками. Мало того, что забрел в опасное место и мог поплатиться жизнью и тогда пришлось бы за него отвечать, да еще и придирается. Мыта не знал, что ответить Харзаману, он, как видно, никогда не задумывался над этим вопросом. Алгери же с самого начала не ввязывался в никчемный спор. Но Харзаман уже перевел на другое.

— Возле наших ферм в горах проходит ваша дорога. До каких же пор вы будете ее вести? Неужели до самых высоких гор?

— До каких нужно.

— Решили соединить дорогой север с югом?—опять пошутил Харзаман.

— Если понадобится, соединим. А пока мы проложим дорогу в глубину гор, чтобы по ней вывозить лес.

— Собрались вырубить все наши леса?

Алгери, и без того молчавший с самого начала, ушел к месту взрыва.

— Дад Мыта, — не унимался старик, имея, как видно, какую-то свою мысль, — ну вот, закончите вы свою дорогу и куда же пойдете потом?

— В другое место, строить другую дорогу.

— В какое место?

— Куда пошлют.

— Но все же, далеко или близко от нашего села?

— Где будет нужна дорога, туда нас пошлют. А ты что, хочешь скорее спровадить нас с этого места?

— Вы и сами торопитесь с дорогой. А мне теперь все равно. Сидите хоть до скончания веков. Но все же мне интересно. Вот постройте электростанцию, а дальше? Алгери, например, куда пойдет, далеко?

Мыта догадался, куда клонит старик, понял его наивные окольные круги и решил подтрунить над Харзаманом:

— Пока Алгери не добьется того, что он хочет, он из вашего села не уйдет.

— И когда закончит строительство электростанции?

— И тогда тоже.

— Что ему у нас делать?

— Вы думаете, отделаться от Алгери так просто? Ничего у вас не получится. Он, если и уйдет, заберет частицу вашего села. Да, да, да, насколько я знаю, он собирается взять с собой одну частицу.

— Что это за частица? — спросил растерянно Харзаман. Сразу по лицу видно было, как он растерялся. Старик не умел ведь лукавить и скрывать свои чувства.

— Вы еще не знаете Алгери, — все больше пугал Мыта своего собеседника. — Он с пустыми руками не уйдет.

— Слушай, скажи мне, что он собирается взять с собой? Какую такую частицу?

— Он знает, что ему взять. Плохого он не возьмет. Не таков наш Алгери, чтобы взять какую-нибудь дрянь. Он выберет самое лучшее.

Мыта говорил спокойным, невозмутимым голосом, потешаясь про себя над растерянностью Харзамана.

— Слушай, вы зачем приехали сюда? Чтобы нас выжить, что ли, с нашей земли?

— Зачем выжить, наоборот, чтобы жить вместе с вами, породниться даже, может быть.

В глазах у Харзамана потемнело от ярости. Какое пошло время! Где скромность, сдержанность молодых людей, где их совесть? Не стесняясь, этот мальчишка издевается над ним, не считается со старшинством, не щадит старческой седины. Где закон, спрашивается, где совесть?

— Как бы вместо родни мы не стали врагами. Ты ведь знаешь, что это значит и чем может кончиться.

— Ну зачем же, какая вражда? Напротив, крепкое родство может возникнуть между нами. Харзаман раскалялся все сильнее:

— Разве навязываются с родством? А если я, например, вовсе не хочу быть вашим родственником?

— Все равно будет так, а не иначе.

— Как? Насильно?

— Все произойдет само по себе.

— А если я не хочу?

— А если мы хотим?

— Да кто вы такие?!

Чем больше кипятился старик, тем спокойнее отвечал Мыта.

— Не мы, я здесь ни при чем. Но кто-нибудь другой, кого в эту минуту с нами нет.

— А если я не хочу, кто бы он ни был? Что он, нечистая сила, что ли, если все может и если приехал смущать покой людей?

— Скажи, пожалуйста, — вдруг резко перевел разговор Мыта, — правду ли говорят про Амру, будто с ней что-то случилось, или это сплетни?

Харзаман почувствовал, что земля под ним поплыла и закачалась. Впрочем, он рад был

теперь провалиться сквозь землю. «Бедная Амра, — подумал он, — видно, не дадут ей спокойно жить. И меня доведут до края. И где это видано: молокосос смеет обращаться к старику с оскорбительным вопросом. Спросил и даже глазом не моргнул. Почему, за что все напали на внучку? Будто нет в селе других девушек, о которых можно поговорить».

— Ну и что же ты слышал об Амре?

Мыта смутился. Он понял, что обидел старика своим вопросом, да и дразнил его зря.

— Да я ничего не говорю: просто слышал, болтают.

— Что, что болтают?

— Ничего страшного я не слышал. Ходят слухи, что ее немного обидели.

— Кто обидел, когда, отвечай?

— Я как следует не знаю.

— А если не знаете, нечего и болтать.

Эти слова как будто относились не к одному Мыте, по и ко всем людям, которые уже распускают слухи об Амре и которые еще будут распускать.

Сказав, прокричав эти злые слова, Харзаман быстро пошел прочь, а Мыта остался стоять на месте, не находя слова в ответ.

Харзаман быстро шел. Его глаза, если бы кто посмотрел со стороны, метали молнии. Для самого же Харзамана они затуманились, и он шел, не разбирая дороги, смутно видя перед собой.

Село, лежащее справа, внизу, как будто переделось. Из яркого, прекрасного, ласкающего взгляд оно сделалось тусклым и даже мрачным. Как это раньше Харзаман не видел, в каком невзрачном, ошипанном селе он живет. Если бы увидел раньше, давно бы переселился в другое место.

Деревья, дома, заборы, тропинки, как бы тяготеющие друг к дружке и стремящиеся составить одну картину, теперь рассыпались на отдельные дома и заборы, на ворох и беспорядочную кучу заборов, деревьев и домов. Да и куда делся свежий, вкусный воздух, которым столько лет дышал Харзаман. Воздух вдруг сделался таким, что им трудно дышать. Никак не хочет заходить в грудь, а потом, после вдоха, никак его оттуда не выдохнешь. Ноги словно из ваты. Тропинку, так легко и весело уводившую Харзамана в горы, словно кто заколдовал. Ноги едва передвигаются по ней. Дорога до фермы сделалась намного длиннее. Если так же изменится и работа и будет казаться отныне неинтересной и скучной, что будет тогда, как жить? Харзаман невольно прибавил шагу, словно стремился скорее дойти до своей работы и убедиться, что она по-прежнему его ждет.

XX

Когда я как следует, здраво обо всем подумал, я понял, что веду себя как последнее ничтожество и что если мне плохо, и дела мои плохи, и я мучаюсь, то винить мне некого, во всем виноват я сам. Шиву как немой либо паралитик: все вижу, все слышу, все чувствую, страдаю, а делать ничего не берусь. Сколько всего произошло за это время с Амрой: появился Алгери, посватался Алдыз и, наконец, ее похитили, а что за все время делал я? Ноль. Ждать ли мне новых происшествий? Ждать ли мне, пока все на моих глазах сделают свои дела так, как им хочется и выгодно? Видно, каждый борется за свое по-своему: Алгери, Алдыз, Агра, устроившая похищение, Дес. Только я один путаюсь под ногами у всех, не вчиняюсь в борьбу. Не пора ли и мне засучить рукава?

Поразмыслив еще раз, я пришел к выводу, что если я начну бороться, то первый, с кем мне придется столкнуться, будет Алгери. Но если известен главный противник, то чего же я жду? Я хожу мимо Алгери и даже разговариваю с ним, как будто у меня нет к нему никакого дела. Надо найти его немедленно. Не завтра, не послезавтра, но сегодня, сейчас, найти во что бы то ни стало и действовать. Я начал метаться по селу в поисках своего соперника. Я надеялся найти если не самого Алгери, то хотя бы его следы. Наконец на

тропинке к палатке Мыты я заметил человека, и мне показалось, что это Алгери. Я устремился за ним. Так как Алгери шел в гору не торопясь, я стал быстро его настигать. Воображение рисовало, как я сейчас подбежусь сзади, схвачу Алгери за ноги, раскручу над головой и закину далеко в горы, где от него потом не соберешь костей. Но выдержки моей не хватило. Прежде чем подбежать к Алгери вплотную, я окликнул его. Алгери остановился, как только услышал мой голос. Я шел на него, как наведенная торпеда идет на корабль или как самолет идет на таран другого самолета. Мне казалось, что я сейчас врежусь в него и рассеку надвое. Алгери между тем спокойно поджидал меня на тропинке. В его глазах, правда, виднелось удивление. Должно быть, его удивили мой вид и мое приближение.

— Слушаю, — остановил он меня в пяти шагах, не я не мог сдержаться, я подошел вплотную.

Вид у меня — с выпученными от напряжения глазами, с прерывистым дыханием — был, должно быть, достаточно страшен, если Алгери даже отступил на шаг.

— Ты о чем думаешь? — спросил я его.

— Я-то?

— Да. Именно ты.

— В данный момент ни о чем.

— Хватит! — ошаршил я его еще больше.

— Что хватит? О чем ты? — искренне удивился Алгери. — Не понимаю, что с тобой происходит.

— Прекрасно все понимаешь. Не прикидывайся глупеньким. Чем скорее мы пойдем друг друга, тем лучше.

— Все же объясни мне.

— Прочь с моей дороги!

— Счастливого пути. — Алгери сделал шаг в сторону и уступил мне тропинку.

— Хватит шутить. Мне, например, не до шуток.

— Тогда скажи, в чем дело.

— Пора кончать эту волюнку. Давно пора.

Алгери стоял на месте, явно не понимая, в чем дело.

Говорят, если заяц долго сидел на своем месте, то он потом так же долго бежит без остановки. Вроде зайца получалось и у меня: я долго молчал и томился, а теперь не мог остановиться.

— Ты уйдешь с моей дороги или будешь по-прежнему мне мешать?

— Скатертью дорога, Алоу, иди на все стороны. С чего ты взял, что я тебе мешаю?

— Не притворяйся, я говорю не об этой дороге.

Голос мой становился все громче, выше и как-то визгливее. Я сам не знал, что во мне сидит такой голос, и удивлялся, откуда он у меня берется.

— Ты знаешь, что я хочу сказать. Оставь Амру. Не стой на нашей с Амрой дороге!

— Что? Как ты сказал?! — мгновенно изменился весь вид Алгери. Так меняется петух, который мирно дремал на солнце и вдруг увидел соседского петуха. — При чем тут Амра? Или и ты еще крутишься около нее? Только тебя не хватало. Действительно — хватит! Больше чтобы я не слышал твоего голоса! Мальчишка! Или мало одного Алдыза? Что вы от меня хотите? Если перекалить, то лопаются даже камни, даже скала. Не испытывай моего терпения. Оставь меня в покое.

— Уйди с моей дороги, — твердил я одно и то же, однако менее уверенным тоном.

— А на что ты надеешься? — спокойно и как будто усмехаясь спросил Алгери.

— У нас с Амрой дело слажено.

В жизни, конечно, не существовало ничего подобного, но я ведь днями и ночами мечтал о том, чтобы у нас с Амрой дело было слажено, и вот теперь выпалил, выдавая желаемое за действительность.

— У тебя с Амрой?! — захохотал во все горло Алгери. — Ты жених Амры? Она твоя

будущая жена? Ха-ха-ха!

— Да, я! Я — будущий муж Амры. Амра — моя будущая жена. Да, да, да! Поэтому уйди с нашей дороги. Да, да, да!

— Ну, что ж, — перестал вдруг смеяться Алгери.— Если Амра действительно дала тебе согласие, то я дороги не загораживаю. Но если это не так, если ты врешь...

Какие-то слова, наверно самые главные, должны были сорваться с языка Алгери, но он их остановил. Затем он повернулся и пошел от меня прочь. Так я и не узнал, что же будет, если я вру, то есть что же будет на самом деле.

Да, вот я и набрался храбрости. Засучил, можно сказать, рукава, вступил в борьбу и даже совершил поступок. Но что же я совершил? Соврал Алгери и оболгал Амру. Ружье мое выстрелило, но как?

Бывает, у человека в руках действительно настоящее ружье. В нем единственный заряд, которым можно убить кабана или барса. Но человек стреляет с перепугу, случайно, можно сказать, нечаянно, и выстрел пропадает зря.

Поступил я безответственно и неосторожно. Зачем я разозлил Алгери? Теперь он обязательно спросит у Амры, правда ли у нас все сладилось, и что же скажет ему Амра? Выявится, что я наврал. Допустим, Алгери подумает, что Амра не признается и скрывает от него правду. Но что подумает о моем поступке сама Амра? Она подумает, что все против нее и что я, Алоу, от которого она не ожидала подвоха, бросил в нее еще один камень. А ведь если она разочаруется в людях, то захочет ли жить на свете? Нет, я должен опередить Алгери и первым повидаться с Амрой. Я должен найти ее, где бы она ни находилась, и рассказать ей все по порядку. Но что же я ей расскажу? Я ее бессовестно оболгал. Оказывается, человек должен, прежде чем совершить поступок, несколько раз все взвесить и продумать, а не делать с бухты-барухты. Разве Алгери поверит теперь, если я ему скажу, что наврал? Почему он должен поверить мне теперь больше, чем тогда? Итак, я пошел, чтобы обидеть Алгери, прогнать его с моей дороги, а в конце концов пришел к тому, что нужно извиняться перед ним и признаваться во лжи. Но в первую очередь на уме у меня была Амра, и я пошел искать ее.

В этом деле мне сопутствовала удача, на которую я не надеялся. Мне совсем не пришлось заниматься поисками Амры. Едва я спустился с горы вниз, тут же увидел Амру. Она сидела у родника, у того самого родника, который был еще недавно семейным, домашним родником Харзаманов, но который стал как бы чужим, когда дорога разделила их землю на две части. Амра сидела у ручья и теребила в руках древесную ветку. Она обламывала кусочки ветки и бросала их в быстротекущую воду. И так увлеклась своим занятием, так глубоко задумалась, что не замечала ничего вокруг и не услышала, как я подошел к ней. Я стоял сзади Амры довольно долго и не знал, что предпринять. Я не смел с ней заговорить. Мне казалось, будет лучше, если она оглянется и увидит меня, тогда по ее лицу, по ее глазам я смогу определить, что мне делать дальше. Но Амра бросала в воду свои веточки и не оглядывалась. Вдруг, не собираясь вовсе этого делать, я закрыл руками ее глаза. Это произошло так неожиданно для меня самого, будто кто-то другой сделал за меня это. Никогда у меня не хватило бы решимости на такой шаг. А теперь я держал свои руки на глазах Амры и думал с отчаянием, что же будет.

— Кто это?— спокойно спросила Амра.— Я спрашиваю: кто это?— повторила она более строгим голосом.

Я не мог сказать ни слова. Ведь по голосу она сразу узнала бы меня. Я молчал и только крепче прижимал ладони к ее лицу.

— Пусти, мне больно.

Я не отпускал. Тотчас Амра, как будто ничего ее не удерживало, выскользнула из моих рук, распрямилась и обернулась. На мгновение я увидел ее сердитое, даже гневное лицо. Но это длилось только мгновение. В следующую секунду лицо Амры засветилось, засияло радостной улыбкой, и в голосе ее тоже послышалась большая радость.

— Алоу! Как ты меня напугал. Вот уж не думала на тебя! Никогда бы не догадалась.

Я не вслушивался и не вдумывался в слова, я понял только, что Амра не сердится, не собирается меня прогнать или убежать от меня. От приветливого вида Амры и от радости, прозвучавшей в ее словах, я смутился больше, чем если бы меня обругали.

— Где ты был, Алоу, почему ты пропал? Как давно мы не виделись!

Тут до меня как следует дошло, что Амра не только не обижается, но рада меня видеть. Вся сияет, вся смеется, вся лучится теплом. Неужели все это потому, что увидела меня? — Где я был? Нигде. Я здесь.

Я присел недалеко от Амры. Она сразу начала говорить, говорить без умолку. Так и видно, что до моего прихода ей некому было высказать свою печаль, свое одиночество. Она говорила, не задумываясь над тем, буду ли я ее слушать, будто обрадовалась, что заполучила такого заинтересованного слушателя. Меня ее разговорчивость тоже обрадовала. Я ведь шел, чтобы начать неприятный для меня разговор, а теперь получалось, что я должен смиренно сидеть и слушать.

Я не запомнил всего, что говорила Амра, но несомненно, если бы я был поэтом, а не ветеринарным врачом, я мог бы многое почерпнуть из ее разговора для своих стихов, для поэзии. Амра говорила, словно пела, словно читала стихи. Я чувствовал, что ее речь несет меня, как волна, как сладкий сон, которому невозможно сопротивляться. Иногда я пытался вставить свое словечко и хотя бы напомнить, что я здесь и жив, но Амра прерывала меня на полуслове, не обращая внимания на мои попытки, и продолжала рассказывать.

Теперь я начал сердиться на себя. Неужели у меня не хватит настойчивости остановить ее излишества и выполнить свою задачу. Вот сейчас прерву, остановлю ее речь и начну свою. Так я решил про себя, но по-прежнему сидел как замороженный, несмотря на то, что и сам разговор Амры становился для меня все менее и менее приятным. Да, Амра чему-то радуется. Она счастлива. Она полна ликования. Так нужно ли мне знать причины ее радости? Пусть рассказывает тому, кто сделал ее такой счастливой. При чем здесь я? Разве ей не приходит в голову, что мне совсем не приятно слушать о причинах ее ликования. Не хочу ее слушать. Пусть молчит. Я ведь не просил ее открывать мне свои сердечные тайны. Пусть несет их другому.

Хочу прервать Амру и не могу прервать. Словно волны сладкого сна, ее речь несет и несет меня, убаюкивает, томит, отнимает силы и волю. Между тем Амра совсем решила dokonать меня. Видимо, она думает, что со мной не надо считаться, как с живым человеком. Что со мной можно обращаться, как с игрушкой или как с собачкой.

— И вот, Алоу, — сказала Амра, как бы завершая свой разговор, — ты, мой самый близкий друг, должен сопровождать меня на пути к моему счастью.

Я хотел закричать, но язык мой не пошевелился. Что я слышу? Сопровождать на пути к счастью! Да, я знаю, есть такой обычай у нас, абхазцев: когда девушка выходит замуж, ее сопровождает близкий ей человек, из однофамильцев, или друг детства, или хороший товарищ из одноклассников по школе. Так вот какую роль отвела мне Амра. Покорно благодарю. Смерть. Позор. Двойная смерть. Убитого убить еще раз. Позор. Черт меня дернул приехать в это проклятое Новолуние.

XXI

Всю ночь Харзаман не мог сомкнуть ггаз. Еще не рассвело, когда он вышел на свой двор. Было рано, машин на дороге около его дома еще не было. Он прошел на участок земли, который оказался отрезанным каменной дорогой от его двора.

Никто эту землю у него не отбирал. Она принадлежала его семье. Но все же он смотрел на эту землю, как на отрезанный и выброшенный прочь ломоть.

Но Харзаман не сводит с нее глаз. Он обходит ее от края до края, посещает могилы, и если бы ему сказали, что отрезанный огород больше тебе не принадлежит, то и тогда он ходил бы сюда, работал на этой земле, как прежде, во все времена.

Нет, Харзаман не бросит эту землю. Пусть еще спасибо скажут, что он согласился проложить тут дорогу.

Возвратись с огорода на двор, он увидел, как стало тихо около его дома. Вздохнув, Харзаман пошел в дом. Из-под порога вылезла Былга. Харзаман остановился, подождал собаку. Она едва передвигала разбитыми ногами. Не издав ни звука, собака стала ласкаться к Харзаману.

«Бедная Былга. Ты стала стара и одинока, как я. Пока мы молоды и сильны, мы всем нужны, у нас много было друзей, а теперь и ты, и я бродим одиноко по двору, и никто в нас не нуждается. Никого не волнуют наши мысли. Но мы не можем бросить свой двор и уйти. Мы и после смерти останемся здесь, и никто не упрекнет нас в неверности своему делу. А когда покинем мы этот свет, они, молодые, разлетятся кто куда и не станут обрабатывать землю своих предков».

Былга терлась о ноги Харзамана, будто и ее обуревали те же грустные мысли.

Харзаман поднялся на балкон и увидел, с каким трудом Былга влезала в конуру. Первые машины с грохотом, прорывая утреннюю тишину, мчались в горы. Клубы белой пыли застлали глаза Харзамана. Он вынул платок и стал тереть им глаза. Новая машина мчалась по дороге, разрезая его родовую землю. Белая муть струилась в глазах Харзамана. Она стояла так долго, как долго стоит в воздухе пыль от промчавшейся машины.

В доме хлопнула дверь, и на двор с чемоданом вышел Алиас. За ним шли Амра и Дес. Харзаману показалось, что семья уже покидает двор.

Испуганно он крикнул:

— Куда ты отправляешься с семьей, Алиас? Дом, что ли, родной не мил? Или ты решил в Турцию перебраться? Но туда теперь никто не гонит вас.

— Что ты, отец, говоришь? Я один уезжаю, зачем нам Турция. Нет лучше нашей Абхазии, ты сам знаешь. А они меня провожают.

— Но куда ты уезжаешь в такой момент? Боже мой, боже мой...

— Что с тобой, отец, первый раз, что ли, я уезжаю?

— Почему ты не отвечаешь, куда едешь? Считаюсь я главой этой семьи или нет? Или вы вычеркнули меня из списка живых?

— Да что с тобой, отец, чем я заслужил такие упреки? Я оставляю все на тебя, и только потому я спокойно могу покинуть дом, что знаю: ты здесь...

— Но какой же я глава семьи, когда каждый из вас делает то, что хочет! — Харзаман повел глазами в сторону Амры. — Я и так как сторож хожу вокруг дома, стерегу...

— Не обижай нас, отец, — проговорила Дес, — кто о тебе забывает?

— Разве вы все не видите, что хозяйство наше рушится? Мы получили его от наших предков крепкое, как скалу, кому оставим его после себя? А вы спрашиваете, что меня беспокоит. Кого оставлю после себя в доме?

— Когда это еще будет, отец, успокойся. Все остаетесь дома. Я один уезжаю.

— Посмотрим, дома ли будут к твоему возвращению.

Услышав эти слова, Амра убежала в дом, спряталась в своей комнате.

Харзаман, глядя на ее окна, повысив голос, продолжал:

— Застанешь ли ты всех на месте.

Алиас, не поняв отца, ответил:

— Все останется на своем месте.

— В Тбилиси опять едешь? Иди, иди, а то тбилисцы без тебя не справятся там...

Алиас вышел за калитку дома.

С тревогой и сознанием своего долга Харзаман прошелся во второй раз по своей усадьбе. Покоя не наступало. Тогда Харзаман решил пойти на ферму. Там за работой он надеялся успокоиться и обдумать план своих действий.

Когда Амра увидела, что дед ушел, выбежала на дорогу и отправилась в школу. Ей не хотелось встречаться с дедом.

Намеки деда вывели Амру из равновесия. Она пришла в школу грустная и растерянная.

Нерешительность была в ее взгляде и даже походке. Она ходила между партами медленно, будто по минному полю или будто боясь разбудить спящих здесь людей. Нерешительность ее объяснялась тем, что она понимала, что поступает против воли деда и матери. Но изменить себе не могла. Амра ждала и тосковала по Алгери. Но она знала, что и мать и дед воспротивятся ее желанию. Прямо объявить матери и деду о своем решении она боялась. Она боялась их огорчить. И без того она последнее время часто огорчает мать.

Не может она быть такой же откровенной с матерью, как тогда, когда была девочкой. Прежде она прибегала к матери и рассказывала о всех своих друзьях. Те друзья, которые нравились ей, нравились и матери. Ей было легко рассказывать. Но теперь... как она скажет про Алгери? Разве может она уйти от матери, оставив ее одну в доме? Это равносильно убить мать. Алгери не живет на одном месте. Он переезжает с места на место.

Что же ее ждет? Кто бы это угадал?

Последнее время мать стала следить за Амрой и чинить ей допросы: где и с кем была? Но Амра не может ей ничего сказать.

В этот день Дес двигалась по кухне такая печальная и расстроенная. Дочка совсем отбивалась от рук. Что она ни применяла к ней, ничего не получалось, на расспросы дочь не отвечала. Как с ней совладать? Дес совсем потеряла голову. Теперь Дес решила относиться к дочери строже. Она посуровела с виду. Дес решила воспользоваться властью матери и устроить жизнь дочери по-своему. Но и строгость не помогла. Амра совсем замкнулась, заявив однажды:

— Я сама взрослая, и разреши мне самой свою судьбу решать. Только в таком случае я буду считать себя полноценным человеком!

Ну, что с девчонкой поделаешь? Заметив, что строгостью она тоже ничего не взяла, Дес упала духом. Она поняла, что дочь не подчинится ей, а поступит по-своему. Между матерью и дочерью возник холодок, который угнетал обеих. «Уж лучше бы она спорила со мной, — думала Дес сокрушенно. — Уж не лучше ли мне молчать, чем утратить доверие дочери». Дес не стала приставать к дочери с расспросами, и с виду казалось, что отношения между матерью и Амрой стали теплее. Но это только с виду. На самом же деле и Амра таила от матери свои переживания, и мать ни на минуту не оставляла тревога за судьбу дочери.

Закончив рабочий день, Амра вышла на школьный двор. Школьный двор! Сколько тревог и радостей связано с ним! Здесь она без усталости бегала, когда была совсем маленькой. По этому двору она прошла солидно и серьезно выпускницей школы. По этому двору она вошла в школу, после сухумского института учительницей!

А дорога, которая ведет из школы в село! В разные концы села расходятся лучики от школы. Все население села входило в эту школу несмышленишками, а выходило зрелыми, готовыми к любому труду людьми.

Сколько раз она прошла этой дорогой!

Первый раз, держа за руку, ее провел по ней дедушка Харзаман. Он никому не доверил этого дела. Амра помнит, как она гордо шла тогда с ним. На ней были новые блестящие ботинки и красный бант на голове. Она порхала возле дедушки, как весенняя бабочка, и он едва удерживал ее за руку.

С того дня каждое утро Харзаман сам провожал Амру в школу. Потом, когда Амра подрастала, он стал доводить ее до половины дороги, потом выводил за ворота и долго глядел ей вслед. А затем Амра стала ходить без провожатых.

Теперь, став учительницей, Амра сама встречает малышек. На ее глазах дети растут,

набираются силы и знаний. И все население Новолуния знает, что никто не дожидется исполнения своего желания, не пройдя этой дороги.

Амра шла тихо к дому. Дорога была так знакома, что если бы Амра закрыла глаза, то все равно нашла бы свой дом.

Но сейчас Амре не хотелось идти в свой дом. Другие дороги манили ее, привлекали своей неизвестностью и таинственностью.

Мать сопровождала ее испытующим взглядом, когда она шла мимо нее.

— Пришла, Амра? — спросила ее Дес, хотя и видела, что дочь входит в дом.

— Пришла, — тихо и неуверенно сказала Амра, будто разоблаченная матерью в своих замыслах: «Я пришла, но меня ждет другой путь, я пройду его не колеблясь. Меня ждет любимый...»

Амра заперлась в своей комнате, села проверять тетради своих учеников. Она просеивала слова, как сквозь сито, и из-под ее рук они выходили, как чистое зерно. Соринки она метила красным карандашом и выносила их на поля тетрадок. Под каждой работой она ставила оценки и свою подпись.

Давно огоньки на селе погасли, а перед Амрой лежала еще большая стопка тетрадей. Дес, не дождавшись Амры, легла спать.

Только я ходил в ночной тишине под ее окошком и думал о ней. Опять я испортил сам себе все... Что будет думать обо мне Амра, если ей расскажет Алгери о нашем разговоре? Когда же сам я смогу признаться ей во всем? Когда мне перестанут мешать?

Амра проверила последнюю тетрадку, но положить ее в стопку не решалась. Ей казалось, что если закроет она ту последнюю тетрадь, то закроются и двери той работы, что она до сегодняшнего дня делала. Так и не закрыв, оставила тетрадь на столе.

Амра встала из-за стола. Ее лицо было полно решимости. Она была готова в путь... Этот путь был нов для нее, и что ждет ее в конце него, она не знала, но этим путем проходили все. Пройдет его и она, Амра.

Амра решила покинуть семью, в которой выросла. Она решила вступить в самостоятельную, неведомую до сих пор жизнь... Что ждет ее в новой жизни, кто бы смог на это ответить? Только сама жизнь, и больше никто. Амра шла искать ответы на свои вопросы.

Встретит ли новая семья ее с радостью или ей будет там плохо? Кто скажет ей это? А сам Алгери? Будет ли он любить ее всегда, как любил до сих пор? Ответит на это только жизнь. Амра уходила, чтобы познать ее.

Амра вышла на балкон. Взглянула в темень. Небо было черным. Ни одна звездочка не вышла осветить ей дорогу. Амра вышла со двора, и у нее вырвался вздох облегчения, будто она прошла границу, где ее могли задержать, а теперь она на воле.

Пристально глядя себе под ноги, она приближалась ко рву. Через этот ров был перекинут деревянный мостик. И белым днем было опасно ходить по гнущимся доскам. Мостик раскачивался под ногами человека, так что нужно было останавливаться посреди дороги, чтобы перестали качаться доски.

Я сразу узнал Амру. Я стоял у рва под деревом, затаив дыхание. Куда шла Амра глубокой ночью? Какое дело ее гнало из своего дома, когда все спят? Я весь похолодел, когда увидел, что Амра ступила на шаткий мостик. Она приближалась ко мне маленькими шагами. Вот она уже прошла середину пути. Если она пройдет этот мостик и пройдет мимо меня, а я не остановлю ее, то, значит, я добровольно отдам ее в руки Алгери. Нет, этого я не должен допустить. Шаги Амры отдавались в моих ушах. Кровь пульсировала в них, чеканя ее шаги. И если до сих пор я имел слабую надежду на наше с ней счастье, то теперь оно уходило от меня на моих глазах.

Чу! Что такое? Кто-то мелькнул около меня, как привидение, и бросился к мостику.

Раздался приглушенный, как бы предупреждающий кашель.

Кто же это?

Уж не Алгери ли пришел принять Амру в свои руки?

Амра оторвала глаза от доски под ногами и, как цирковой канатоходец, не сумев сбалансировать, покачнулась, наклонилась в одну, потом в другую сторону и, будто на нее дунул порывистый ветер, полетела вниз...

— О, горе мое, горе мое! — закричал тот, кто вышел Амре навстречу.

Я узнал его. Это был Харзаман.

— О, несчастная моя старость! — доносился его голос уже из глубокого рва, куда упала Амра.

— Харзаман, ты нашел ее? — крикнул я Харзаману.

— Кто ты такой? — вопросом на вопрос ответил мне Харзаман.

— Это я, Алоу!

— О, дад, помоги же нам скорее.

До меня донесся стон Амры. Я бросился к ней. В темноте я различил, что Харзаман держит ее на руках. По дну оврага Харзаман сам нес Амру. Когда мы подошли к уступу, я в мгновение ока поднялся наверх. Харзаман, приставив колено к стенке уступа, поднял руки, чтобы передать Амру в мои руки.

Я опустился на колени, будто молился богу за подаренное мне счастье, наклонился к оврагу и принял на руки Амру из рук Харзамана.

Когда Амра оказалась в моих руках, мои силы будто удвоились. Я поднялся с нею, и мне хотелось, чтобы весь мир видел нас сквозь темноту.

Амра, как перепелка, попавшая в когти ястреба, лежала у меня на руках. Ее сердце так громко билось, что удары доносились до меня, как тиканье часов в тихую ночь. Тепло ее тела согревало меня и вливало мне силы. Я мог бы ее нести на край света — через горы, через реки. Какие бы преграды ни встретились нам на пути, я не опустил бы ее на землю, а нес бы далеко-далеко.

Амра доверчиво лежала на моих руках, не говоря ни слова.

— Чтобы гром и молния разразились на этом месте, — ругаясь, шел от оврага Харзаман. — Разве это земля, это чертово подземелье!

Услышав деда, Амра взмолилась:

— Алоу, боже мой, дедушка... пожалуйста...

— Не бойся ничего, Амра! — уверил я ее, хотя не представлял, о чем она просит.

Мне было ясно, что Амра просит у меня защиты. Она ищет у меня помощи. Когда подошел дед, Амра обхватила меня руками, прижалась ко мне и спрятала на плече голову. Я никогда не дам ее в обиду, я выполню любую ее просьбу, только бы ей было удобно на моих руках.

— Ты, наверно, устал, дад, поставь уже ее на ноги, — проговорил Харзаман, когда подошел ко мне. — Встань, встань, Амра, человеку тяжело.

Амра еще крепче прижалась ко мне.

— Может, ты сломала ногу? — задрожал голос Харзамана. — Попробайся встать...

— Не могу, — простонала Амра в ответ.

— Что с тобой, у тебя сломана нога? — испуганно говорил Харзаман. — Иди ко мне, — он протянул ей руки. Ему казалось, что если он возьмет ее на руки, то поймет, что болит у внучки.

— Нет, дедушка, оставь меня, — неожиданно для него отказала она деду. — Домой, — добавила она дрожащим голосом. — Домой.

Мы быстро направились к дому Харзамана. Дед шел впереди нас, как бы прогоняя темноту ночи с нашей дороги.

XXII

Как металась, как скулила, как плакала Былга, когда мы вошли во двор и внесли Амру. Собака словно взбесилась, она дрожала, ползла перед нами на брюхе, вскакивала, мчалась прочь, возвращалась, а крик ее был похож на душераздирающий крик матери, когда она

теряет ребенка.

Да, именно так же, очень похоже закричала и Дес, выскочив навстречу нам в одной рубашке. Бедная Дес. Как нужно было испугаться, как нужно было обо всем забыть, чтобы выбежать к людям в таком виде! Она, должно быть, спала, когда услышала наш разговор и лай собаки. Конечно, она первым делом метнулась в комнату Амры. Не увидев там своей дочери, она и бросилась к нам, не помня себя. Конечно, в другое время и при других обстоятельствах ни одна абхазка не позволила бы такого поступка.

— Что? Что случилось? Кто мой убийца? Где моя дочь?!

— Тише. Не кричи, не убивайся. Амра здесь. Ничего опасного не случилось. — Харзаман старался говорить спокойно, чтобы успокоить и женщину. Ее нужно было успокоить во что бы то ни стало. Если ты бросишь свою шапку в толпу, то каждый, у кого есть руки, будет перебрасывать ее дальше. Поэтому с этим уж ничего не поделаешь. Пока шапка на твоей голове, никто не посмеет до нее дотронуться. Но попробуй кинуть ее в толпу, увидишь, что будет. Точно так же дела семьи крепко лежат в семье. Но если сам начнешь о семье говорить плохое, то посторонние в тысячу раз приумножат плохое, что ты сам скажешь, и будут передавать дальше, и тогда уже не догонишь, не схватишь упущенных слов.

Харзаман все это хорошо понимал и поэтому старался первым делом успокоить сноху. Отрезвленная спокойным голосом Харзамана, Дес увидела себя в ночной рубашке и с ужасом убежала к себе в комнату. Ведь позор такого поступка — показаться свекру и вообще чужим людям в ночном белье — равен трем смертям.

Мы внесли Амру в комнату и уложили на постель. Руки мои освободились, и я почувствовал, что сам тоже стал лишним в этом доме. Я сделал свое дело, и можно уходить. Кто знает, может быть, они в такую минуту хотят побыть одни, своей семьей, все обсудить, взвесить, поговорить по-семейному. Кто я такой для них? Я случайно оказался вблизи, когда произошло несчастье. Но если бы я случайно оказался около знакомых людей на вокзале и помог им донести чемодан, то это вовсе не значит, что мне можно идти в дом, а там, может быть, пить чай или обедать. Точно так я подумал про свое теперешнее положение и повернулся, чтобы уйти. Но Амра тотчас остановила меня своим голосом.

— Алоу, не уходи,— сказала она, когда я уже стоял на пороге,— не уходи, Алоу,— когда я обернулся на ее голос.

— В самом деле,— поддержал Харзаман,— куда ты спешишь? Оставайся. Ведь, может быть, понадобится твоя помощь.

— Нога. Болит нога!— застонала Амра. — Сильно болит. Остро. Режет, словно острым стеклом!

— Что, где болит?— подскочил Харзаман. — В каком месте болит, покажи!

Дес, теперь уже одетая, снова появилась в комнате.

— Что же вы стоите, мужчины?— набросилась она на нас с Харзаманом. — Я думала, что врач уже здесь. Врача! Неужели вы не понимаете? Врача!

Не успела Дес договорить, как я уже был за дверью и бежал за врачом. Я разбудил Алдыза и рассказал, что меня к нему привело. Алдыз быстро оделся, завел машину, и мы помчались. Пока мы ехали, Алдыз старался у меня вытянуть, что произошло. Как бы не так. Не мог же я рассказать ему, зачем и куда Амра пошла, где упала и почему. Если Амра захочет, пусть Амра рассказывает о себе сама. А мое дело сторона. Я сказал, что Амра повредила себе ногу. Этого достаточно, чтобы Алдыз поехал к ней, а дальше не мое дело. Алдыз, когда осматривал Амру, не стал у нее спрашивать, как и что. Упала, повредила ногу, а где и как — врачу знать не обязательно. Алдыз осмотрел Амру и сказал, что дома лечить ее будет трудно. Лучше отвезти ее в больницу.

Харзаману и Дес это предложение Алдыза не понравилось. Что это он хочет? Разнести весть о болезни Амры по всему свету? Им-то казалось, что вообще не нужно выносить такую историю из дому, а тут — больница! Все будут спрашивать: почему Амра оказалась

в больнице, что с ней, откуда упала, зачем ночью пошла в лес.

— Дорогой Алдыз... Ты же видишь, Амра случайно подвернула ногу, поскользнулась, гуляла... Ты уж будь добр, давай как-нибудь... чтобы никто не знал,— робко начал уговаривать Харзаман.

Дес наступала решительнее:

— Это что же с ней такое случилось, что обязательно нужно класть в больницу? Зачем осложнять простое дело?

— Ничего с ней не случилось, и я ничего не осложняю. Просто в больнице ей будет лучше, и поправится она быстрее. Конечно, неприятно, но здоровье дороже.

Амра неожиданно согласилась с Алдызом. Она тоже не хотела бы никуда идти. Но дело в том, что нога ее болела все сильнее и сильнее. Пока Харзаман и Дес спорили с врачом, Амра едва не кричала от боли.

Да, вот как поворачивается жизнь. Куда шла Амра, куда она собралась, к чему приготовилась? И где в конце концов оказалась? Судьба похожа то на железобетонную глыбу, которую не своротить с пути и не прошибить пулей, то на тонкую ниточку, на волосок, готовый перерваться от дуновения легкого ветерка.

Сейчас Амра стояла бы в углу комнаты, куда помещают невесту перед свадьбой. Девушки подглядывали бы в дверную щелку и завидовали бы Амре, вздыхали бы о своей судьбе, думая, когда же настанет и их очередь. Амра стояла бы в белых одеждах, легких, воздушных, брачных.

А вместо всего этого ей придется надеть застиранный больничным халат и сначала лежать в нем неподвижно на койке, а потом слоняться по тоскливым больничным коридорам.

С той минуты, когда Амра сама согласилась с Алдызом, спорить было уже бесполезно.

Правда, Харзаман спросил даже и мое мнение, раз уж я оказался тут, во время всей этой истории. Я тоже высказался за больницу.

Мы все поехали провожать Амру до больницы. Однако, когда понесли ее внутрь здания, то разрешили идти только Алдызу и Дес. Доктор и мать, вот кому, оказывается, разрешается всегда находиться около больных людей. Нас с Харзаманом бесцеремонно оставили на улице. Мы не стали спорить. Порядок есть порядок. Мы остались на улице и не знали, что теперь делать: то ли идти домой, то ли чего-нибудь подождать. Но чего? Между мной и Харзаманом возникло неловкое молчание. Мы сидели рядом, а смотрели в разные стороны. Вдруг вышел Алдыз. Он издали бросил мне ключи от машины. Я извиняюсь, конечно, что не сообщил раньше читателям о своем умении водить машину, но сами знаете, сколько было разных событий.

— Привези скорее Амтона.

Я бросился к машине, не дослушав Алдыза.

— Амтона-костоправа, ты понял?

Странные люди, уточняют, какого Амтона нужно привезти, как будто я сам не могу сообразить, что если человек повредил ногу, то требуется костоправ, а не кто-нибудь другой. Харзаман удивился и даже переспросил, не ослышался ли он. Но Алдыз уже снова вошел в больницу. Я же вовсе не удивился, что потребовался костоправ Амтон, но только пожалел задним числом: значит, можно было и не возить Амру в больницу, если все равно нужно ехать за деревенским костоправом. Костоправа можно было привезти и домой.

А еще я подумал, что, значит, нога у Амры или сломана, или вывихнута. Бедняжка, хоть бы не охромела после этой истории.

Тем временем я завел машину. На мальчишку, что ли, я похож до сих пор, что всякий посылает меня, куда захочет. То соседи, то теперь вот Алдыз — у всех я словно на побегушках. Но только я так понимаю, что они не виноваты. Видно, уж я сам себя так

поставил, что каждый считает меня своим помощником.

Итак, я ехал к Амтону. Этот Амтон очень старый абхазец. Говорят, ему сто пятнадцать лет. И вот за свою долгую жизнь он научился кости править так, как никто, кроме него, не умеет. Денег за свою помощь он никогда не берет, но молва о нем ходит по всей Абхазии. Не только больные обращаются к нему, когда повредят ногу или руку, но и районные врачи обращаются к нему в особо трудных случаях. Конечно, врачи знают больше, они учились. Но переломанные кости, вывихнутые суставы — дело такое, что требует не только одних знаний, но и навыков, ловкости — одним словом, опыта, который Амтон накопил за свои сто пятнадцать лет.

Что там районные врачи. Был однажды более удивительный случай. В Тбилиси одна очень уважаемая женщина случайно сломала ногу. Что же, разве не получила она всевозможную помощь в тот же день и час? Все врачи были поставлены на ноги. Ногу вправили, положили в гипс. Но что-то, видно, недоделали тбилисские врачи. Время идет, а боль не проходит. Говорят, больные насчет своей болезни слышат особенно хорошо. Это правило подтвердилось. Женщина с переломанной ногой услышала, что в Абхазии живет знаменитый костоправ, и стала требовать, чтобы его к ней привезли.

Врачи удивились требованию больной и даже обиделись. И было на что обидеться: если уж они — светила медицинской науки — не могли ничего сделать, то что может сделать стопятнадцатилетний, наверно уж и глухой, абхазец. Врачи и слышать не хотели ни о каком костоправе, однако больная настаивала, и пришлось согласиться.

Когда Амтон появился в больнице в белом халате, все стали переглядываться и шептаться. Халат ему дали тут же. Дома у него никакого халата не было. Старик шел по длинному коридору, высоко неся свое абхазское стопятнадцатилетнее достоинство. Держался он прямо, походка у него легкая. Глаза добрые и умные. У него была маленькая бородка, как знак старости. Она не закрывала собой красивого мужественного лица. Если бы давали звание академиков за мужскую красоту и достоинство, то, верно, Амтон был бы одним из первых академиков.

Непривычная обстановка не смутила Амтона. Он так уверенно и свободно чувствовал себя в больнице, что врачи усомнились: может, и правда приехал какой-нибудь академик проверять их работу. Но когда Амтон стал здороваться со всеми и при этом поднял руку и халат распахнулся, то все увидели, что одет он в черкеску с архалуком и газырями. А на поясе у него блестящие серебряные ножны. Тогда все сомнения отпали.

Амтон, по абхазскому обычаю, подошел поздороваться к каждому человеку из стоящих вокруг. Каждого он спросил, как дела, как здоровье, как семья, каждому пожелал благополучия. Только после этого он спросил, а где же больная.

Не знаю, как там было дальше и что делал Амтон с больной ногой. Если бы каждый знал, что нужно делать, незачем было бы везти Амтона из абхазской деревни в Тбилиси. Скажу только, что ногу он поправил. Излечившаяся женщина стала считать себя в родстве с нашим Амтоном.

Вот к этому-то Амтону я теперь ехал в машине Алдыза. Я застал его дома. Куда бы ему деться среди ночи. В двух словах я рассказал ему, в чем дело.

— Когда это случилось, дад? Нога сломана или вывихнута?

— Не знаю я ничего. Мне велели съездить за тобой, вот я и приехал.

— Ну конечно, конечно, откуда же тебе знать, — говорил Амтон, собираясь в дорогу.

На столе между тем появились бутылка чистой виноградной водки и большое блюдо с чурчхелами. Амтон налил по рюмке себе и мне.

— За нашу удачную поездку. Чтоб все там кончилось хорошо.

Амтон опрокинул свою рюмку, а я отставил.

— Почему не пьешь?

— Мне нельзя. Я ведь веду машину.

— А, дад! Эти ваши машины лишают вас многих прелестей жизни. Разве так можно, чтобы если в машине, то ни капли не пить.

— Да, нельзя.

— Разве это хорошо? Ради машины вы пренебрегли нашими абхазскими лошадьми. Но разве можно сравнить машину и лошадь? Лошадь — это настоящее мужское дело. Мужская езда. Да еще, если выпьешь хорошей водки, выедешь из ворот, лошадь под тобой играет и душа играет. Лошадь чувствует настоящего всадника. А что чувствует твоя машина? Ничего. Железо — оно железо и есть.

— То лошадь, а то — машина.

— Вот я и говорю. Ну ладно, не хочешь пить, не надо. Пошли.

Харзаман встретил нас у дверей больницы. Он чуть не расплакался, увидев Амтона.

— Что, если она охromeет, Амтон? Жалко ведь ее. Девушка ведь, красавица.

— Наверно, ничего опасного нет,— неуверенно ответил Амтон. Он и не мог ответить уверенно, ведь он еще не видел больную.

Харзаман сразу умолк, словно мальчик, которого оборвали на слове и велели быть умным.

Я сидел в машине, опустив стекло. Я видел, что Харзаман не находит себе места. То постоит, сложив руки на груди, то быстро пойдет от крыльца больницы, то вернется. Так прошло много времени, а мы не имели никаких вестей. Наконец вышел Алдыз. Харзаман быстро устремился к нему, я тоже выскочил из машины.

— Амтон молодец,— устало сказал Алдыз.— Амра сразу вздохнула облегченно, а теперь она уже спит.

— Значит, нет больше опасности?

— Нет. Какая опасность? Амтон все поставил на место.

В деревню мы возвращались в одной машине. Никто из нас не раскрывал рта. Мы сидели каждый сам по себе, занятые, как видно, своими мыслями. А может, просто устали. Мы были теперь как кувшины, в которых высохла вода. Но это только казалось. Каждый из нас был наполнен чем-то своим: своими мыслями, чувствами, переживаниями. Вот сидит человек. Не видно ведь, что у него внутри. На самом же деле переживания весят больше самого человека.

Мы проезжали мимо сельсовета, и Алдыз остановил машину.

— Пойдем посмотрим, как продвигается дело с больницей.

Мы все вышли из машины и пошли смотреть. Рядом со зданием сельсовета шло строительство новой больницы. Оно было почти готово. Алдыз водил нас по комнатам, в которых были уже настланы полы. Он объяснял нам, где будут женские палаты, где мужские, где детские, где родильное отделение. Мы все радовались и восторгались, но Харзаман сказал:

— Хорошая будет больница, только не дай бог, чтобы кто-нибудь из нас в нее попал.

— Так-то так. Но все же, если что случится, не нужно ехать в город. Это хорошо.

— А здесь будет рентген,— сказал Алдыз, показывая на просторную комнату.

— Что это такое?— поинтересовался Харзаман.

— Поставим человека и увидим все, что у него внутри.

Харзаман насторожился.

— Как? Увидите все, что у человека внутри? Неужели все будет видно?

— Конечно. На то и рентген,— ответил Алдыз по простоте.

— Всегда я соглашался со всем, что ты говоришь, дад. Но этому я не верю.

— Будет готова больница, покажем тебе, Харзаман. Да еще и самого просветим.

— А! Если бы вы могли видеть все, что у человека внутри, жизнь бы шла по-другому.

Может быть, лучше, может быть, хуже, я не берусь судить, но по-другому, это так.

— На то и рентген,— вел свою прямую линию Алдыз, не догадываясь, что Харзаман имеет в виду другое.

— Что ты говоришь, Алдыз. Если посмотреть через твой рентген, то, конечно, он покажет и сердце, и легкие, и болезни. Но разве увидишь иные тайные человеческие болезни, его слабости, его пороки? Через какой рентген ты его разглядишь, дад? Еще не придумали такого рентгена.

- Ну вот. Я тебе говорю о настоящих болезнях, а ты...
- Неизвестно, какие настоящие. Открытая болезнь, та, которую увидишь через ваш рентген, или та, которая так скрыта, что, может быть, человек и сам о ней не знает. А если знает да скрывает, то ее обнаружить еще труднее. Ведь неизвестно, в какой части тела она гнездится. Например, жадность или трусость. А есть еще общая болезнь для всех людей. Она тревожит спокойный сон всех людей мира, вот если бы излечить ее.
- Очень много ты хочешь от нашей сельской больницы, — засмеялся Алдыз.
- Вот и я о том говорю.

На перекрестке дорог Алдыз нас высадил из машины. Харзаман пошел домой, а я на ферму к своей работе, от которой я оторвался.

Удивительно, я за всю ночь не сомкнул глаз, а спать мне не хотелось. Я шел и размышлял о случившемся. Ведь все мы, каждый про себя, знаем истинную причину происшествия. Но делаем вид, что ничего не произошло. Может, это и правильно? Потому что если бы мы выпустили только по словечку для себя, все равно молва выпорхнула бы на свет божий, а там ее не поймаешь. Амре при ее несчастье только не хватает еще одной молвы. Бедная Амра. Сколько на нее свалилось за это время.

Вдруг на тропинке показался Алгери. Он шел мне навстречу весь какой-то опущенный, словно избитый, словно нетух, попавший на чужой двор. Все ему, как видно, было безразлично.

До сих пор я очень хотел с ним встретиться, жаждал встречи. Но теперь, когда встреча стала неизбежной, мне сделалось все неприятно, я уж думал, не свернуть ли мне на боковую тропинку, но свернуть было некогда. Когда мы поравнялись, я первый заговорил:

- Хо! Да ты, оказывается, жив и здоров?
- А тебе что, пришло извещение о моей смерти?
- То-то не присылали, и я удивлялся, что бы это значило, нет и нет извещения.
- Говори прямо, что тебе от меня нужно?
- Хочу узнать, где ты был.
- Кто тебе поручил узнавать, где я бываю и что делаю?
- Моя совесть мне поручила.
- Скажи, какой совестливый. Перестал бы ты петь все одну и ту же песню!
- Не перестану. Совесть не велит мне молчать.
- Совесть. Совесть. Давай говори покороче, что тебе надо?
- Почему ты не пришел к Амре?! Где ты был?
- Тебе какое дело?
- Я спрашиваю, а не ты.
- Тогда я у тебя спрошу: а где ты был, Алоу?

Мы стояли друг против друга, как петухи, и перебранивались.

- Нет, а ты где был?
- Нет, скажи ты. Всю ночь искал тебя, Алоу, даже ноги болят. Значит, где ж ты был? Терпение мое лопнуло, и я выпалил:
- Был с Амрой, если хочешь знать.
- Да. Вот это я и хотел узнать. Теперь мне достаточно.
- Я спрашиваю, почему ты не пришел?
- Так ведь ты же с ней был. Вот я и не пришел, чтобы вам не мешать. Я ведь был бы лишним.
- Амра ждала тебя. Почему же ты не пришел?
- Была с тобой, а ждала меня. Интересно.
- Ну ладно. Хватит, Алгери. Ты не знаешь еще, что Амра из-за тебя едва не лишилась жизни.
- Как? Что такое ты говоришь?

— Да. Она шла к тебе темной ночью, упала с моста в ров. А теперь она лежит в больнице.
— Ну, это случайность. Это не из-за меня. Она могла бы и в другой раз свалиться с моста.
— Но она оказалась опозоренной.
— Почему? Никто же не знает, куда она шла. Вот заживет у нее нога, и вы поженитесь.
Желаю вам счастья.

С этими словами Алгери отвернулся от меня и пошел не поворачиваясь.

— Бессовестный! — крикнул я ему вслед. Не мог я в эту минуту оставить при себе то, что думал. «Бессовестный!» — повторил я про себя еще раз, потому что Алгери ушагал далеко.

А бедная Амра, кого полюбила! Как она была слепа! Не разглядела подлой душонки. Прав Харзаман. Никакой рентген не разберет, что у человека на душе и на уме. Каков он на самом деле.

Когда я еще несколько раз обругал про себя Алгери, мне как будто сделалось легче. Я пошел по тропинке в горы, ибо именно туда лежал мой путь.

XXIII

Алгери как потерянный бродил от скалы до поляны, а от поляны опять к скале. Шаги его были неуверенны, как будто он только научился ходить. Он хотел собраться с мыслями и не мог. Он спрашивал себя, что же делать, и не находил ответа. Еще несколько дней назад он был молодым, сильным и уверенным Алгери. Он знал, что любит Амру. Решил сделать ее женой и назначил ей свидание у скалы. Отсюда они должны были уйти вдвоем, вместе, навсегда. Что же произошло за эти дни? Почему Алгери не похож сам на себя? Почему во взгляде его растерянность, в мыслях смятение, а в сердце противная пустота? Слово у него вынули настоящее сердце, вставили другое, чужое, незнакомое, с незнакомой противной пустотой и неразберихой. На вчерашний день было назначено решительное свидание с Амрой. Встретившись, они должны были спуститься вниз в село, а потом... Что же случилось с Алгери, что он не пришел на свидание? Она пришла, наверно, пришла, а он не пришел. И она ждала. И поняла, что обманута, и оскорблена, и унижена. И неизвестно, где она теперь, в эту минуту, что с ней. Как мог Алгери поступить столь бесчестно и недостойно? Какими глазами он собирается теперь смотреть в глаза Амры? Что скажет в свое оправдание? Разве может в целом мире найтись оправдание такому поступку? Так мог поступить легкомысленный мальчишка, но не мужчина, взявший девичью честь в свои руки. Как-то все за три дня... Да нет, за какие три дня, за один час, за одно мгновение перевернулось все с ног на голову. А может быть, наоборот, встало на свои ноги? Алгери бродил как потерянный от скалы к поляне и вспоминал, с чего же все началось и как вышло.

Три дня назад он шел один по сухумской набережной, народу на улице в городе было мало. Рабочий день кончился. Люди ушли домой. Теперь они неторопливо ужинают. Вот поужинают и снова появятся на улицах, чтобы подышать свежим воздухом, погулять, отдохнуть. Да Алгери и не думал о других людях. Весь в мыслях и мечтах он был около той скалы, где назначено свидание с Амрой. Последнее, решающее свидание. А потом уж не нужно будет уговариваться. Амра станет женой Алгери и будет ждать его дома, и готовить еду, и обнимать. Эти три дня казались Алгери длинными, более длинными, чем вся предыдущая жизнь. Они казались бесконечными, и Алгери не представлял даже, что их можно прожить.

Людей на улицах было мало. Но если бы их было больше, если бы даже толпа людей окружила сейчас Алгери плотным кольцом, он и то не заметил бы их. Сквозь его мечтания, сквозь сладкие мысли доносился иногда до сознания всплеск волн, смех, обрывок песни, шелест листвы.

Вместе с этими звуками вдруг долетел откуда-то издалека звук, заставивший Алгери остановиться и даже оглянуться. Ему показалось, что кто-то назвал его по имени. Кто-то

нежно прошептал над ухом: «Алгери!» Алгери оглянулся, но не увидел никого из знакомых, кто мог бы окликнуть. Он пошел дальше и снова услышал за спиной свое имя. Что за чудо, никого нет вокруг из друзей и знакомых, и в то же время кто-то зовет. Правда, он заметил, что вслед за ним спешит, словно летит на крыльях, словно догоняет, юная стройная девушка. Но и она не знакома Алгери. Так какое ему до нее дело или ей до него?

Алгери пошел вперед и тотчас опять услышал, как его окликают. Откуда? Не на дереве же сидит человек? И голос стал казаться давно знакомым, чуть не родным. Где-то слышал его, когда-то знал, а теперь забыл и нужно скорее вспомнить. Может быть, во сне приходилось слышать этот голос или в далеком детстве? Еще немного, и Алгери вспомнит, еще какую-то долю секунды, где-то очень близко уже воспоминание, еще миг, нельзя, невозможно не вспомнить. Говорят, если дернуть за одну струну чонгура, то другие, соседние струны зазвучат сами собой, от звучания первой. Так было и в сердце Алгери. На звук голоса отозвалась в сердце давно уж молчавшая струна и зазвенела все сильнее и тревожнее.

— Алгери же! Неужели ты не слышишь? Пять раз окликаю тебя. Ты идешь так быстро, что никак не догнать. Не бегом же мне бежать за тобой по городу!

Обернувшись, Алгери увидел ту самую девушку, что действительно шла за ним, словно летела на крыльях, но которая в первый раз показалась ему незнакомой. Да и теперь Алгери ждал, что она скажет дальше, зачем остановила его на улице.

— Ты что, не узнаешь меня, что ли? — растерянно спросила девушка, подойдя совсем близко. В голосе ее прозвучали сложные чувства. Тут была и обида, и мольба узнать ее поскорее, а то ведь в каком положении она окажется.

— Я... ты... как его... Фу, забыл, сейчас... я сейчас.

По мере того, как Алгери произносил эти слова, лицо его становилось все радостнее. Было видно, что он сразу вспомнил девушку. Неужели забыл, как ее зовут?

— Да я же Цицина! Цицина Чанба. Неужели забыл?

— Нет, ты не Цицина, я сейчас вспомню, — все радостнее улыбался Алгери.

— Почему говоришь не Цицина, я Цицина! — Девушка рассмеялась.

— Да нет же, говорю тебе нет.

— Кто лучше знает, как меня зовут, ты или я? Говорю тебе, чудак, Цицина,

— Пушинка! Вот ты кто! Насилу вспомнил, ты же пушинка. Как это я мог забыть?! А почему пушинка? Пушинка потому, что мягкая, пушинка потому, что легкая, пушинка потому, что нежная.

— Алгери! Так ты не забыл нашу детскую игру, а я-то думала, что ты такое вспоминаешь? Я совсем забыла, как ты называл меня в детстве. Но теперь детство прошло. Я теперь Цицина, потому что не легкая...

— Нет, пушинка.

— Цицина, потому что... — Дальше девушке пришлось бы говорить: «потому что не нежная», она смутилась и замолчала.

— Пушинка, пушинка, пушинка, — начал дразниться, как в детстве, Алгери. — Пушинка мягкая, пушинка легкая, пушинка нежная.

Оба рассмеялись.

И бывают же случайные встречи! Но Алгери не казалось теперь, что встретился с Цициной случайно. Чем больше он глядел на Цицину, тем яснее чувствовал, что все предыдущие годы, верь путь его жизни был витиеватой, но верной тропинкой к этой минуте и к этому месту па тротуаре. Казалось странным, что можно было жить и не видеть Цицины, что можно было жить и не думать о ней. Нет, она всегда жила в его сердце, только не всегда давала о себе знать. Притаилась, притихла, выжидала назначенный судьбой срок. Словно все предыдущие дни наматывались, как нитки на

катушку, а теперь катушка покатила по земле, и сразу все размоталось, и цельная крепкая нитка соединила двух взрослых стоящих на городской улице людей с теми мальчиком и девочкой, что когда-то играли вместе на песке или под деревом.

Алгери словно все время спал, а теперь проснулся, и наступила тихая чистая ясность и в мыслях, и в сердце, и все стало па свои места... Была все эти годы неясная тревога, неудовлетворенность, как будто чего-то не хватало. Как будто что-то потерял и даже забыл что. Но помнилось, что что-то важное и нужное. И вот все вспомнилось и нашлось. Алгери смотрел на Цицину, словно видел впервые в жизни. Так оно и есть. Конечно, впервые. Раньше была худенькая, угловатая девочка с лукавым смеющимся взглядом, а теперь стройная девушка. В ее взгляде нет никакого лукавства, а есть спокойствие и уверенность а себе. И еще очень много солнца, словно высокая морская волна, насквозь просвеченная солнечными лучами.

Бывало, этими самыми глазами Цицина даст знак Алгери, что пора уж бежать тайком от родителей на берег моря, и они побегут. Тогда ни секунды не колебался Алгери. Тотчас исполнял знак этих глаз, словно они имели над ним непреодолимую власть.

Теперь, если Цицина позовет тем же знаком... Алгери почувствовал, что он опять в их власти. Сейчас позовет одним взглядом, и пойдет Алгери хоть на край света.

Алгери начал ходить в школу на год раньше Цицины. Но они были соседи. Только забор разделял дворы их родителей. В этом заборе была лазейка. Да и так, без лазейки, сельские ребята собирались играть во дворе Алгери. Чаще всего бывало так, что дети играли, а Алгери читал букварь.

— Я тоже знаю, что там написано, — неожиданно подбежала Цицина.

— Не знаешь. Откуда тебе знать, если ты еще не ходишь в школу.

— Нет, знаю.

— Нет, не знаешь.

— Нет, знаю.

— Прочитай.

— Кошка.

— Как ты узнала буквы?

— А зачем? Нарисована же кошка, вот я и догадалась. Зачем буквы, когда есть картинка.

— Значит, я прав, читать ты все-таки не умеешь.

Цицина убежала, смеясь и показывая язык.

Именно этот случай из детства вспомнился почему-то самым первым. Но вспомнилось и дальше. Лучше всего детям было на берегу моря. Там-то росла и крепла детская дружба. Матери Цицины и Алгери были не только соседками, они дружили. Они ходили к морю всегда вместе, брали с собой и ребятшек. В те времена Цицина и Алгери бегали еще голышом, валялись на песке, плескались у самого берега, шлепали ладошками по синим волнам. Матери, не выпуская детей из глаз, точили лясы. Новости всей округи были в их распоряжении. Но просто новости не могли бы удовлетворить соседок. Эти новости они либо, как вышивку, украшали своими узорами, либо латали, где им казалась прореха. А иногда так все разбирали по ниточке, что никакая иголка уже не могла бы все снова сшить воедино.

Потом дети стали и одни ходить к морю. Научились плавать. Цицина оказалась такой пловчихой, что, наверно, рыба не плавала быстрее и ловчее ее. Она заплывала далеко, едва виднелась на волнах ее голова, словно буюк, который ставят как запрещающий знак.

Алгери надоедало сидеть в воде, он выходил на берег, а голова Цицины все еще покачивалась вдалеке, и было видно, что она смотрит сюда, в сторону берега, на Алгери, точно издали смотреть на него интереснее, чем вблизи.

Давно уж кончилось то время, когда они прибежали к воде, сбрасывали одежонку и вместе бросались в волны. Сначала Цицина стала уходить подальше, чтобы раздеться, потом она уходила все дальше и дальше. А потом появился и купальничек. Однажды, выйдя из воды, Цицина осталась греться на солнышке, вдалеке от Алгери. Он неслышно подошел сзади.

Девочка сидела к нему спиной, купальничек она спустила с плеч, чтобы как можно больше открыть спину. Алгери шлепнул ладошкой по спине подружку и испугал ее. Цицина помимо воли обернулась, и тогда Алгери увидел девичью грудь. Это длилось мгновение. Цицина тотчас схватилась за груди руками, потом, чувствуя, что они не могут уместиться и спрятаться в ладонях, схватила платье, прижала его к груди и даже упала грудью на песок.

За детскими играми, за учением в школе Алгери не заметил, как подросла его подружка. Теперь, когда он говорил ей «пушинка», он не подразумевал «легкая», он произносил про себя «нежная».

Это было давно, но теперь сразу все вспыхнуло в памяти, как вспыхивает спичечная головка от легкого трения о шершавую стенку коробки. Значит, эта стенка была сухая. Это было давно. Последний раз тогда в детстве получилось не совсем ловко. Цицина уплыла далеко в море, и Алгери надоело ждать. Он ушел, да больше с тех пор ее и не видел. В тот день семья Цицины переехала в другой город.

Цицина уплыла девочкой, едва начавшей формироваться, а приплыла из далекой дали взрослой зрелой девушкой и встала перед Алгери, как будто не было этих лет, этой длинной разлуки, настолько длинной, что Алгери не сразу даже узнал подругу детства. Цицина открыто и весело стояла перед Алгери. Весь вид ее как бы говорил: если твоя жизнь готова взлететь, если должны быть у жизни два крыла и одно крыло ты сам, то я могу, я готова, способна быть твоим вторым крылом. Оно не подломится в бурю, не ослабеет на высоте, на него можно положиться.

— Так вот ты какая стала... Пушинка.

— Цицина.

— Пушинка.

— Цицина.

Цицина шутя возражала, противореча Алгери, но взгляд ее говорил: называй, называй пушиикой, называй нежной, называй легкой, если тебе так нравится, называй... А мне твой голос как песня.

Откуда может взяться столько теплоты и ласки в девическом взгляде? Можно подумать, что она теплоту и ласку копила всю жизнь для этой минуты, а теперь решила все выплеснуть сразу. Ведь не может же быть, что у Цицины каждый день в глазах такая же нежность, на кого бы она ни поглядела. Но зачем она возникла вдруг перед Алгери? Уж не затем ли, чтобы сбить его с пути, по которому он идет?

Алгери смотрел на Цицину, слушал ее и все вспоминал тот день, когда она уплыла в море, и больше он ее не увидел. Вечером он куда-то ушел, а семья Цицины уехала. У нее отец военный. Они и потом, как сейчас рассказывает Цицина, все время переезжали с места на место. Но все это хорошо. Встретились, вспомнили детство и пора расходиться, чтобы каждый ушел своей дорогой. Скажем друг другу «до свиданья». Алгери собирается первым подать пример и не может сдвинуться с места, точно приковали его к земле. Он не может даже пошевелиться. Он не может перестать слушать ее. У него на сегодня задумано много дел, но все куда-то отодвинулось, измельчало, затуманилось. Все дела, все заботы как будто мчались, подобно автомобилям, по шоссе, и вот — обрыв... Нет больше никаких дел, нет движения вперед, дорога жизни подвела к Цицине и дальше никуда не поведет. Стоп!

Алгери разговаривает с Цициной, а ему кажется, что, откуда ни возьмись, возникла Амра. Она подобно молнии сверкнула между ними и разделила их. Боролись на глазах у Алгери две силы, две нежности, две доброты, две любви. То один образ загорался ярче, а другой мерк, то наоборот. Ну ладно, если бы они боролись между собой, оставив в стороне Алгери. Нет. Боролись они, а больно было Алгери. Враждующие как бы объединились на время и подвергли испытаниям сердце Алгери, требовали у него решительного и ясного ответа. Они не давали возможности отложить ответ на более благоприятное время, взвесить, подумать, решить. Нужно было немедленно принять чью-нибудь сторону, но

чью, Алгери не знал.

— Ну, я задерживаю тебя, ты, наверно, куда-нибудь спешишь? Иди, до свиданья. Я слишком увлеклась разговором. Ты извини, мы так давно не виделись.

— Да нет, я никуда не спешу. Куда мне спешить?

— И я.

— Тогда давай походим по городу.

Они, как говорится, не жалели своих ног. Вечера им не хватило. Ночь оказалась коротка. Пришлось немного занять у раннего утра. Днем Алгери, как в тумане, бегал по своим делам, а когда начало смеркаться, он снова был рядом с Цициной. Разговоров хватило и на третью ночь. Оказывается, они действительно давно не виделись. Мудрено ли, что накопилось столько, что нужно было непременно рассказать друг другу. Их речи вились одна около другой, как две виноградные лозы обвивают дерево сначала по стволу, а потом разветвляются и по сучьям. Не найдешь конца виноградной лозе в кронах разросшегося дерева. Точно так же не было конца и речам влюбленных. Прощаясь, они обнаруживали, что не успели еще ничего рассказать друг другу, и поэтому расставались только для того, чтобы как можно скорее встретиться.

Алгери чувствовал в глубине души, что давно бы ему надо быть в другом месте, и все собиравшись с духом уйти, но оставался тут же. Так муха, севшая на мед, то и дело пошевеливается, стараясь освободиться, но мед-то не шевелится, он спокоен, он верно и крепко держит за все лапки — не улетишь.

Для Цицины встреча с Алгери тоже была неожиданной. Она не знала, что встретится с ним, не собиравшись встречаться, ничего не обдумывала заранее. И в том, что теперь на несколько дней она отбила его от дела, от других забот и привязала к себе, тоже не было злого умысла. Ей было радостно, что она встретила с Алгери. Ей было хорошо бродить и болтать с ним. Ей не хотелось разлучаться. Все это правда. Ей казалось, что если бы они с этой минуты не расставались никогда, то это и было бы настоящее счастье.

Чем больше они разговаривали, тем меньше оставалось темноты прошедших лет, словно разгорался живой огонек и, разгораясь, освещал все в жизни двух людей. Даже лица их становились все живее и ярче, словно отсветы разгоравшегося огня лежали и трепетали на них.

— Ты что, носишь крест?— спросил Алгери, увидев на шее у Цицины тонкую золотую цепочку.

— Что ты! Я православная, конечно, но креста все-таки не ношу.

Может быть, и не скромно было со стороны Алгери выпытывать, что носит девушка у себя на груди. Вопрос сорвался нечаянно. Но теперь, видя, как Цицина покраснела и смутилась, он вдруг почувствовал в себе упрямство и желание добиться правды.

— Это не крест. Но поверь, что крест был бы для меня не дороже.

— Что ж такое это может быть?

— Так же, как я не могу расстаться с памятью о своем детстве, так и с этим... Ты разве не понимаешь?— Эти слова Цицина произнесла негромко и как будто без особого выражения, но Алгери почувствовал, что они добыты из самых глубин души.

Тут были и некоторая первоначальная робость, и сильное волнение, и в то же время достоинство и гордость. Так поднимают и разворачивают на ветру, чтобы видели все, свое знамя.

— Что же там у тебя?

— Угадай.

— Как видно, что-то очень секретное. И очень дорогое для тебя. Что ты очень ценишь. Что-то очень близкое, тайное, — перебил Алгери, надеясь, что Цицина сама подскажет ему.

Но Цицина не подсказывала. Она смотрела ему в глаза, словно хотела глазами без слов передать свою маленькую тайну, словно ей очень хотелось, чтобы Алгери догадался сам. «Ну, что тут трудного, — говорил ее взгляд. — Ну подумай, почувствуй, что же там может

быть, кроме...»

— Ты совсем раздражила меня. Если ты мне сейчас же не скажешь, я погляжу силой...

— Что ты, зачем силой?— обиделась Цицина. — Я сама покажу тебе, гляди. — Она быстро раскрыла маленький медальон в виде сердечка и поднесла его к глазам Алгери. Алгери сначала ничего не мог разглядеть и понять, потом кровь бросилась ему в голову, он протянул руки к девушке, но та мгновенно отпрянула и только каблуки простучали по тротуару. В медальоне оказалась давнишняя детская фотокарточка Алгери.

Опомнившись, Алгери побежал догонять Цицину, но, когда он завернул за угол, увидел пустой переулок. Цицины нигде не было. Целый день и целый вечер он бродил по городу, надеясь увидеть девушку, но она не попадалась на глаза, а он не знал, где ее искать. В конце концов, утомившись, отчаявшись, Алгери поехал в Новолуние. Сначала нужно было ехать, потом идти пешком. Дошел он до села уже на рассвете.

Как потерянный бродил Алгери от скалы к поляне, а от поляны опять к скале. Шаги его неуверенны, как будто он сейчас научился ходить. Он хочет собраться с мыслями и не может. Он спрашивает сам себя, что же делать, и не находит ответа. Еще несколько дней назад он был молодым, сильным, уверенным Алгери. Он знал, что любит Амру, и решил сделать ее своей женой и назначил ей свидание у скалы. Отсюда они должны были уйти вдвоем, вместе и навсегда. Где же Амра? Она ждала его, а он не пришел. Прогулял эти дни с Цициной. Вот здесь, у скалы, Амра ждала. А где она теперь, кто подскажет?

Сколько времени она ждала его? Час, два часа, целый день? В какую сторону убежала, поняв, что ее обманули, оскорбили, надсмеялись над ее девической честью. Может быть, она вернулась домой? Но едва ли. Девушке, решившей уйти из дома с чужим мужчиной, нет дороги назад. Не сделала ли она что с собой?

Как неприкаянный бродит Алгери по Новолунию. Ноги незаметно привели его к дому Харзамана, к дому Амры. Совсем рассвело. Подобно нищему, ожидающему подаяния, стоял Алгери у наружной калитки. Он смотрел на дом, и дом казался ему омертвевшим, пустым. Не чувствовалось внутри дома тепла жизни, человеческого уюта, благополучия и согласия. Зябкий рассветный ветер ободрал и царапнул щеку, как тупая бритва.

«Куда они все подевались? — думал Алгери, безвольно облокотившись на ворота. — Нигде ни души». — Ощущение невозвратимой утраты овладело Алгери. Он понял, что, где бы ни находились люди из этого дома, Амры для него больше нет.

Из-под дома, лениво, не обращая внимания на человека, стоящего по ту сторону изгороди, вылезла Былга.

Она прошла на середину двора, потянулась, встряхнула шерсть, зевнула.

— Былга, Былга, — обрадовался Алгери живому существу.

Но Былга даже не повела ухом. Для нее человек, стоящий на дороге, — не человек. Мало ли ходит людей. Если на каждого обращать внимание — не налаешься. Пусть попробует кто-нибудь перелезть через ограду, тотчас же вспомнит час своего рождения!

— Былга, Былга, неужели ты совсем не узнаешь меня? Проклятая собака, хоть бы посмотрела на меня, облаяла, и то было бы легче.

Собака наконец-то посмотрела в сторону Алгери, но посмотрела невыразительным, равнодушным взглядом, как будто на дерево или пень. Потом она потянулась, еще раз неторопливо прошла по двору и снова скрылась под домом.

XXIV

Каким бы плохим ни было мое настроение, какие бы напасти ни преследовали одну семью — жизнь целого села шла своим чередом. Она шла незаметно, но все же в чем-то изменялась и продвигалась вперед. Точно так же мы не замечаем и вращения Земли.

К нам в Новолуние пришла новая осень. Кто не знает нашей абхазской осени, тому бесполезно о ней рассказывать, но все же несколько слов сказать нужно.

Кукуруза выстроилась на полях, как войско, окружившее нашу деревню и

приготовившееся к штурму. Впрочем, каждое кукурузное растение было бы больше похоже не на простого солдата, а на старого генерала с седыми усами.

Табак убрали с полей и развесили на крючки.

Мы не видим, что человек ест у себя дома, плохо или хорошо он питается, плохо или хорошо за ним ухаживают, однако все это можно узнать по виду человека, по его лицу. Точно так же по осенним плодам видно, как ухаживали за землей, как относились к своему делу наши крестьяне.

На табачных плантациях, хотя листья давно уже убраны, по оставшимся стеблям можно судить, каков был урожай табака. Стебли высокие, стройные, с острыми верхушками. Еще недавно эти верхушки были пышными и курчавыми, и каждый стебель был на свое лицо.

Наши цитрусовые деревья осенью похожи на новогодние елки, увешанные игрушками. Ведь в Новый год любят вешать на елки лимоны, апельсины и мандарины, если не настоящие, то сделанные из ваты. У нас каждый плод настоящий, спелый, сочный, сладкий — срывай и ешь. Но для меня лично смотреть на плоды, висящие на дереве, не меньшее удовольствие, чем наслаждаться их вкусом и ароматом.

Каких только фруктов не растет в нашем селе! Ранние уже отошли — о них не будем и говорить, зато осенние вступили в свою пору. Стоят нарядные, отягощенные своими плодами деревья среди уже освободившихся и теперь пустых соседей. Особенно тяжело абхазским яблоням. Разве легко держать на гибких и тонких ветках тонны румяных яблок? Никто не знает настоящего вкуса абхазского яблока. Может быть, некоторые и пробовали, купив в магазине или на базаре, но это уже не то. Для того, чтобы узнать настоящий вкус абхазского яблока, нужно разуться и босым залезть на шершавую теплую яблоню. Выбрать сучок покрепче, усесться на него верхом, как в седло, протянуть руку и сорвать. И съесть тут же, не слезая с яблони, не теряя ни минуты, пока сок в яблоке так же прохладен, как и в стволе яблони, потому что только секунду назад яблоко составляло одно целое с деревом и кровь дерева циркулировала в плодах. Только тогда, сидя на ветке с надкусанным яблоком в руке, вы поймете всю сладость нашей абхазской земли. Конечно, наши яблоки не портятся и зимой. Мы оставляем их на зиму, посылаем людям чуть не на край света — все это так. И все же яблоко, сорванное своими руками, совсем иное яблоко.

Осенью невозможно ходить мимо абхазских сел, чтобы у вас, как говорится, не текли слюнки. Куда ни посмотрит глаз — всюду увидит одно вкуснее другого.

Вот начался сбор винограда «изабелла». Птицы тоже клюют его и наклюются так, что не могут летать. Сидят, едва шевелясь. Но мы не обижаемся на птиц — пусть клюют, винограда у нас хватает.

В это время разносится по Абхазии винный дух. Всюду давят виноград, всюду струится спелый виноградный сок. Он наполняет бочки и начинает бродить там, превращаясь в молодое вино — мачар. В каждом доме свой мачар, и все же — таков уж абхазский обычай — люди начинают ходить в это время друг к другу, снимать пробу. Придет человек будто за каким-нибудь делом или так зайдет на минутку, и вот уже ставят перед ним кувшин вина — нужно попробовать и оценить. Каждый винодел побывал в эти дни в доме каждого другого винодела. Все побывали друг у друга, попробовали молодого, не забродившего еще вина. У нас ведь не как в других местах: когда заходит гость, не нужно тотчас бежать в магазин за припасами. Все припасы у нас всегда под рукой.

Может быть, некоторые читатели решат, что я расхвастался. Тогда я предлагаю, давайте зайдем в любой дом и проверим. В какой дом? В любой. Покажите только рукой, пусть на самый невзрачный, кажущийся беднее других. Пожалуйста, толкайте калитку, поднимайтесь на крыльцо, будьте гостем.

Про абхазцев говорят, что они живут для гостей. Поверьте, в этих словах нет никакой фальши и никакого преувеличения. Так оно и на самом деле есть.

Вот вы гость, заходящий в абхазский дом. Вы, значит, снизошли до хозяев этого дома, вы

их уважили. Так могут ли и они не уважать вас? Если тотчас не будет зарезано для вас какое-нибудь четвероногое, наподобие козленка, или хотя бы двуногое, наподобие курицы, то какими глазами будут смотреть хозяева, когда вы усядетесь за стол? Нет, на ваших же глазах, сейчас и прольется кровь. Из того мяса, что заготовлено на зиму, возьмется лучшая часть. Абхазцы всегда начинают есть худшее из своих припасов, лучшее же они оставляют на случай появления неожиданного гостя. Конечно, вы будете сопротивляться, отнекиваться, отговариваться, чтобы ничего не резали ради вас, но никакие споры и уговоры не помогут.

Но я пригласил вас в абхазский дом не только для того, чтобы вы убедились в абхазском гостеприимстве. Другие народы умеют принимать гостей несколько не хуже. Я пригласил вас в дом, чтобы вы еще полнее ощутили вкус нашей осени, аромат нашей земли.

Вот я и берусь за дело. Вы уже видели, как горячо пришлось спорить и как это было бесполезно. Теперь, убедившись, что хозяева настояли на своем, спокойно усядемся около огня. Теперь мы, гости, как бы на одних правах с хозяевами. Посидим же вместе с ними около огня, поговорим, пошутим. Мы, абхазцы, очень любим эти вот минуты, когда хозяева сидят по одну сторону огня, мы, гости,— по другую. Мы перебрасываемся непринужденными словами, вроде как футболисты мячом во время разминки.

У хорошего хозяина хороший огонь. Поэтому хозяин то и дело наклоняется над очагом, чтобы подбросить полено, пошевелить, поправить дрова. Языки пламени обнимают, словно ласкают, котел, а в котле варятся положенные одновременно куски от разных сортов тыквы. Тут же рядом с котлом молодая абхазка приспособилась, обжаривает молодые початки кукурузы. Початки на огне делаются смуглыми и румяными, словно щеки девушки, обожженные летним солнцем и с отсветами огня на них.

Хозяева как будто не хлопчут, не суетятся, а между тем на столе появляется все, что нам нужно, все, что мы любим. Ну, во-первых, чача — виноградная водка и связка чурчхел. Может быть, вы не знаете, что такое чурчхелы? Это яство сделано из чистых ядрышек ореха и загустевшего виноградного сока. Ничего не может быть вкуснее и питательнее. Ничем нельзя лучше заесть нашу чачу.

Тут же появилась вареная тыква, молодая обжаренная кукуруза, сушеный инжир, орехи, скорлупки которых предупредительно раздавлены, и много еще всякой мелочи, необходимой за столом.

Хозяин поднимает свой стаканчик, и мы тоже все пьем вслед за ним. Нашу вялость, нашу расслабленность прогоняет, как сон. Мы сразу становимся бодрыми, оживленными, разговорчивыми.

Эта чача — настоящий мужской напиток. Конечно, если знать меру, но ведь именно в том и состоит мужское достоинство, чтобы знать меру. Мы, абхазцы, никогда не злоупотребляем чачей. Полезно выпить по стаканчику, чтобы возбудить аппетит и очистить рот, приготовить его к другим кушаньям и напиткам, а если уж захочется посоревноваться в питье, можно сесть вокруг бочонка с темно-красной, душистой «изабеллой». Сейчас, впрочем, начало осени, и выдержанного вина нет еще в деревнях, но зато есть молодое бродящее вино — мачар. И вот мы убеждаемся, что это совсем неплохое занятие — сидеть на кухне около огня, попивать мачар, заедать его жареной кукурузой и вареной тыквой. Не правда ли, хорошо?

Главное тут не тыква и не мачар, а то, каким ты сам становишься после того, как выпьешь и поешь.

Щеки твои напоминают то вино, которое у тебя в стакане. Весь ты пронизываешься сладостью напитка, бесконечно улыбаешься, смотришь на окружающих людей добрыми глазами. А мачар несет тебя и несет на своих волнах. Конечно, важно не выпускать руль из рук. Или, если сравнивать вино с добрым конем, важно не опускать поводья, а держать коня в узде. Он вроде бы и смирный, и подкованный, но в жилах у него бродит огненная кровь. Нельзя отдаваться на его волю.

Но вот, пока мы разговаривали и закусывали плодами нового урожая, хозяйка с дочерью

не теряли времени даром, и то, о чем мы спорили в самом начале, подают на стол. Молодые душистые цыплята и мамалыга исходят горячим паром. Пусть всегда сопутствуют каждой абхазской семье и гость, и горячая мамалыга.

Чем же еще порадует нас абхазская осень? Назову вам три плода: гранаты, хурма, каштаны. Почему же я называю эти три, а не какие-нибудь остальные? Ведь есть у нас и кизил, и слива, и ежевика, и груша, мало ли что у нас есть.

Не знаю, почему я всегда с детства выделял эти три плода нашей земли из других плодов. На блюде нашей осенней земли они представляются мне главными украшениями. Да, так у меня было с детства, и жизнь в Новолунии не только не переменяла моих представлений, но еще больше укрепила и утвердила их.

Да и можно ли сравнить какой-нибудь фрукт с гранатом? Можно ли сравнить все другие гранаты с теми, которые вызревают в Новолунии? Можно ли пройти мимо гранатового дерева и не задержать на нем взгляд, не полюбоваться созревшими гранатами? Я иногда даже останавливаюсь около изгороди и гляжу. Хозяева, увидя меня и не понимая, почему я стою, произносят традиционное приглашение: заходи, будешь хозяином.

Из всех фруктов, которые провожают летнее и осеннее тепло, я отмечаю также нашу хурму. Вот уж опали листья с деревьев. Вот уж на деревьях все меньше плодов, пустеют сады, словно бильярдный стол к концу партии, когда все шары в лузах и на полочках. Тогда ярко-красные плоды хурмы висят повсюду и украшают наши сады. Хурма в Новолунии подобна солнцу. Когда закатывается солнце за далекий морской горизонт, наступают вечер и ночь. Когда опадает с веток последняя хурма, наступает осень, переходящая в зиму.

Точно так же, как на Севере в русских лесах все любят ходить по грибы, мы, абхазцы, любим собирать каштаны. Я в детстве в особенности любил заниматься этим и скажу, не хвастаясь, что считаю себя мастером в этом деле. Но и во вкусе их понимаю толк. Кто любит собирать грибы, тот любит их есть. Точно так и я каштаны. И сырые каштаны, и вареные, и жареные, и приготовленные вместе с орехом.

Пришла осень на абхазскую землю. Светится она золотыми апельсинами, темно-розовыми гранатами, черной «изабеллой», красной хурмой, румяными яблоками. Пахнет она молодым вином, душистым дымком костров, ароматом всевозможных фруктов, горячей мамалыгой, молодыми обжаренными початками. Любуясь всеми этими красками, вдыхая все эти запахи, еще больше я люблю свою абхазскую землю, и в особенности село Новолуние.

Конечно, я люблю это село не только за красивую осень. Ведь именно здесь я впервые стал заниматься своим настоящим делом, применил свою профессию, здесь я полюбил Амру. Теперь все самое дорогое у меня здесь, и нет, как видно, мне отсюда пути куда-нибудь в другое место.

Все в Новолунии какое-то особенное, даже солнце. Вернее, его восход. Недаром жители села считают, что солнце вообще-то восходит именно здесь.

Вы не видели новолунского восхода, значит, очень трудно вам объяснить всю его красоту. Мне этот восход впервые показал Харзаман. Потом меня водил посмотреть на восход и Татей. Но ведь Татей тоже научился от Харзамана. А теперь вот я и вас приглашаю вместе со мной полюбоваться новолунским восходом.

— Да что, у вас какое-нибудь особенное солнце, что ли? — вправе спросить читатель.

— Да, — отвечаем мы, новолунцы, — у нас солнце особое. Да и о чем говорить, если оно восходит у нас и вы все остальные любуетесь нашим солнцем. Вот как происходит все это.

Над Новолунием со стороны востока возвышается большая, похожая на очажный камень гора Киантаз, что означает «Голая». На ней и правда не растет ни дерева, ни куста, ни травы. Чтобы увидеть новолунский восход, нужно смотреть на эту гору. Сначала гора сливается с темнотой ночи и только едва-едва выделяется из темноты еще более плотной, еще более темной чернотой. Можно подумать, что

дремлет, сидя на камне, великан в черной бурке. Но вот он сбрасывает с плеч бурку, и оказывается, что под ней серые одежды, он начинает стаскивать и серые одежды, будто собирается купаться, и оказывается, что под серыми скрываются светлые одежды. Так с каждой минутой светлеет на рассвете гора Голая.

Теперь нам будет казаться, что великан сидит к нам спиной, он наклонился над костром, и поэтому самого костра нам не видно, зато отсветы его, отблески распространяются в разные стороны, и гора оказывается в ореоле сияния.

Теперь нужно приготовиться, потому что и солнце приготовилось восходить. Если будешь неотрывно смотреть на верхний край горы, то заметишь, как вдруг высунется из-за нее что-то ярко-красное, будто там, за горой, дети играют в прятки и одна девочка, повязанная красным бантом, неосторожно высунула свой бант и тем самым обнаружила себя перед всеми. Девочке, как видно, самой хочется выглянуть сюда к нам, за край скалы, и посмотреть на нашу деревню. Она все больше поднимает свою голову, все больше красного появляется над скалой.

Конечно, я знаю, что это солнце, а никакая не девочка. Откуда ей тут оказаться? Но все же каждый раз, когда я вижу восход, я вспоминаю одну свою одноклассницу, носившую пышный красный бант.

Взойдя над горой, солнце в первую очередь обогрывает своими лучами нашу деревню, потому что она тут, близко, у подножья горы, а потом уж начинает светить и всему миру, начинает обогрывать всех людей, зверей, деревья, травы и все, что живет на земле. Даже камни бывают рады погреться на солнышке. Мы не обижаемся, что оно после нас отдает свои лучи всем и каждому. И вы не обижайтесь на нас, что с нас оно начинает с первых. Его много, его хватит на всех и на все века.

XXV

Ранний утренний час. Амра одна в своей больничной палате. Она смотрит на ветку шелковицы, прикасающуюся к стеклам больничного окна. Ветка, потревоженная утренним ветерком, колеблется, трется о стекло, словно хочет привлечь к себе внимание Амры. Но она еще с первого дня добилась этого. Беспреданно Амра смотрит на окно и на ветку, за исключением тех минут, когда забывается сном и все расплывается перед глазами, туманится и темнеет. Листья на шелковице уже опали. Остались два упрямых листочка. Вообще все дерево напоминает Амре почему-то сегодня бродягу и пьяницу, который пропьянствовал всю ночь, которого ободрали в драке или раздели пьяного, и вот он теперь, озябший и стыдящийся, не может вернуться домой, остановился под окнами и стоит, качаясь и вспоминая вчерашнее.

Ветка, царапающая о стекло, сегодня тоже почему-то неприятна Амре. Она напоминает ей, как один мальчик, когда учились еще в школе, на уроках сзади украдкой ее щекотал. На голые ветви дерева прилетела птичка. Ветка закачалась под птичкой сначала широко, а потом затихая. Когда птичка подпрыгивала и поворачивалась, ветка раскачивалась снова. Как только не прыгала, как не поворачивалась пичужка! Казалось, она нарочно показывает себя Амре со всех сторон, как будто хочет сказать: смотри, какая я ладная, какая я ловкая, какая красивая. Вот видишь, какая я слева, сбоку. Насмотрелась? Тогда я подпрыгну и повернусь к тебе правой стороной. Ну что, хороша? А теперь посмотри на меня спереди. Видишь, какая грудка? Могу расправить крылышки и встряхнуться, могу потрясти хвостиком, могу даже подержаться на ветке кверху брюшком, уцепившись лапками. Так я прыгаю, порхаю с ветки на ветку, и никто не знает, что у меня на уме: то ли я буду здесь долго прыгать и красоваться, то ли сию секунду взлечу, и вы больше меня не увидите. Да я и сама хорошенько не знаю, что я сделаю в следующую секунду. Потом птичка, словно заметив Амру сквозь стекло окна, перестала скакать и прыгать, уселась на ветку и защебетала. Она словно что-то неторопливо рассказывала Амре. Интересные истории словно так и сыпались из ее горлышка. Она словно торопилась

рассказывать, чтобы занять Амру — заполнить ее мысли, словно боялась: если замолчит, то сейчас же, сию же секунду мысли больной обратятся в другую сторону, ими завладеют печаль, уныние и тоска.

— Пой, птичка, ной, золотая моя, щебечи, чирикай, — шепчут губы Амры. — Пой для меня. Мне так нужна сейчас твоя песня. Прилетай ко мне каждое утро, каждый день и вечер. Жизнь каждой девушки должна быть подобна соловьиной песне. Каждой девушке полагается по соловью!

Когда приходят врачи, Амра отворачивается от окна, мысленный разговор с крылатой голосистой подружкой прерывается, да и птичка, кажется, улетает в это время. Амра привыкла к веселой щебетунье, она ждет ее и радуется, когда дождется.

Но вот птички все нет и нет.

— Она прилетит, — шепчет Амра, — обязательно прилетит. Неотложные птичьи дела, как видно, задержали ее. Она прилетит непременно и сядет на ту же ветку и всем видом своим будет извиняться за опоздание, всем видом будет говорить, как она жалеет, что не могла прилететь вовремя.

Амра ждет, и хорошо, что ждет. Девушка всегда должна чего-нибудь ждать и волноваться. Если девушка ничего уж не ждет и не волнуется, значит, жизнь ее сердца остановилась. Так говорят старики у нас в селе.

Амра ждет. То она отворачивается от окна, пытаюсь обмануть себя и думая, что за это время подружка прилетит, то она не отрываясь смотрит на дерево, на ветку. Но вот уж и день погас, вот уж дерево утонуло в темноте, словно отступило на шаг в глубину ночи. Не оправдались надежды бедной девушки.

А то еще было так, что Амра однажды взглянула на окно и увидела на ветках совсем другую птицу. Сразу она отличила ее от своей. Да и как было не отличить. Эта какая-то неподвижная, молчаливая. Уселась, нахохлилась, не хочет пошевелиться. Смотрит в окно грустным взглядом, словно жалеет Амру или словно глубоко задумалась о чем-то своем. Молчаливая птичка сидела долго, до темноты. Амре казалось, что и в темноте она все еще сидит, смотрит на освещенное окно и, может быть, просидит до утра.

Утром Амра проснулась поздно. Первым делом она поглядела в окно на шелковицу. Молчаливой и грустной птицы не было.

Люди, будь то врачи, будь то Дес, навещающая время от времени больную дочь, почему-то мешали Амре и раздражали ее. Ей хотелось оставаться одной, ни о чем не думать, смотреть в окно и мысленно разговаривать с птицами. «Неужели птицы лучше людей? — с огорчением думала Амра. — Почему мне не хочется никого видеть?»

Дверь в палату открылась, кто-то вошел. Амре не хотелось даже поворачивать голову от окна, чтобы посмотреть, кто там, наверно, опять врач или дежурная сестра. Амра посмотрела и не поверила глазам. В дверях стоял Алгери.

Он стоял в дверях палаты и не знал, что делать дальше. Шагнуть вперед у него не хватало решимости, а шагнуть назад ему, как видно, казалось стыдно.

Впрочем, Алгери ли это? Что-то он совсем не похож на себя. Весь он какой-то жалкий, съездившийся, как будто его только что уличили в нехорошем поступке. Как будто он воровал в темноте, но вдруг зажгли свет и оказалось, что вокруг много людей и всем видно, как он засунул руку в чужой ящик, и он съезжился и испугался, стал не похож на себя, жалок.

Где его красивый и гордый вид? Куда делась его белая выхоленная кожа, где его язык, который умел так ловко источать мед? Или кончился весь мед и язык прилип к пересохшей гортани? Что же такое с ним случилось? Не может быть, чтобы человек без всякой причины так быстро переменялся.

Амра, увидев Алгери, ничуть не изменилась в лице, как говорится, она и бровью не повела. То же равнодушное выражение, с которым она смотрела на окно, осталось и теперь, когда она перевела взгляд на Алгери.

— Как живешь, Амра? — выдавил наконец из себя пришедший. — Как ты себя

чувствуешь? — произнес все это он с порога, однако сделал после своих слов два шага на середину палаты.

— Садись, — равнодушно кивнула Амра на стул.

А вопрос Алгери насчет самочувствия пролетел мимо ушей Амры и вылетел в открытую форточку. Амра даже посмотрела в сторону окна, словно можно было видеть, как полетел вопрос Алгери, но увидела лишь ветку, качающуюся после того, как с нее вспорхнула все та же знакомая птичка.

Алгери опустил на стул, на краешек его, словно садился не на стул, а на мину. Он садился, словно собирался внезапно вскочить, если наступит неожиданная опасность. Конечно, Алгери рано или поздно должен был прийти сюда. Он не мог не прийти, в конце концов. Он не мог уехать из Новолуния просто так, не повидавшись и не поговорив с Амрой. Он, наверно, сделал бы это, если бы это был вопрос жизни или смерти.

И вот он пришел и сидит перед ней на стуле. Теперь она, если хочет, пусть скажет ему, что хочет. Пусть она выскажет, пусть она оскорбит его, пусть опозорит, пусть выгонит, она все это может сделать. Но после все-таки гора свалится с плеч Алгери, и он покинет Новолуние с облегченной душой. Да, пусть она прогонит его, пусть возьмет камень, ударит прямо в голову и расколется, как пустой горшок, пусть сделает все, что хочет, но только пусть не молчит. Каждая минута ее молчания все ниже пригибает плечи Алгери. Почему она тянет? Разве нельзя начать говорить сразу, зачем томить Алгери в этой ужасной гробовой тишине?

Амра между тем лежала, молчала и не торопилась. Она лежала, не выражая ни обиды, ни гнева, ни презрения. Все было так, как если бы пришел совсем незнакомый человек, и вот Амра ждет, чтобы он начал говорить первый и объяснил ей, кто он такой и зачем пришел. Но, как видно, незнакомец пришел с какой-то неловкой тяжелой просьбой. Он, как видно, стесняется, не может выговорить своей просьбы, стесняется тем больше, чем больше молчит.

— Я... Амра. — Алгери заговорил так, словно у него во рту горячая картофелина или горячая железка: нужно сначала несколько раз вздохнуть, чтобы остудить, а потом уж пошевелить языком... — Я... Амра... видишь ли... пришел... Я думаю, что каждый человек, если даже поздно, должен внести ясность в каждый вопрос... чтобы его поведение было понятным и чтобы он не путал, куда он глядит, на север или на юг... и чтобы разобраться в своих чувствах и не отвергать советов своей же головы, но послушать их и тогда уж поступить так или не так.

— Как это понимать? — вступила наконец в разговор и Амра.

— А так, что, когда я подошел к главному поступку в своей жизни, моя голова стала работать яснее, и я увидел некоторые вещи, на которые сначала не обращал внимания, но эти вещи связали меня по рукам и ногам.

Амра ничего не поняла из того, что говорил ей Алгери, но решила не перебивать его и дать ему сказать до конца.

— Он лично мне сказал, чтобы я ушел с его дороги, то есть с вашей дороги, что я мешаю вашему счастью. Я подумал: зачем я буду брать на душу такой грех? Его далеко не унесешь. И вот я решил освободить дорогу тому молодому человеку, с которым у вас, как он сказал, все слажено.

Алгери наконец сказал все, что хотел сказать, и теперь вздохнул посвободнее.

— Да, так именно он и сказал, что у вас все слажено и я только мешаю.

— О ком ты говоришь, что за чушь?

— Алоу.

Назвав имя, Алгери почувствовал, что сказал все, и ему стало легко.

— Алоу? При чем тут он? При чем тут Алоу?

Но Алгери больше уж ничего не говорил. Он сказал все, что хотел, и теперь не знал, как лучше уйти. Хоть бы Амра выгнала его, что ли, чтобы скорее закончилась вся эта история.

Слова, которые сказал про меня Алгери Амре, действительно были мною произнесены. Но как он их использовал, в каких целях! Если бы он просто рассказал Амре про нашу стычку, чтобы выяснить отношения, это было бы одно. Мои слова понадобились ему теперь, чтобы выгородить себя, чтобы использовать их как удобный предлог и порвать с Амрой раз и навсегда. Но ведь не из-за этих слов он с ней порывает. У него есть свои причины. Загораживается же он мной и моими словами. Если он так заботится обо мне, почему же он не пришел к Амре сразу?

А теперь Алгери с нетерпением ждет, когда закончится строительство, будь оно неладно, чтобы скорее уехать из этого проклятого Новолуния навсегда. Главный инженер стал то и дело проводить собрания и призывать рабочих к досрочному завершению строительства. Всеми способами, доступными главному инженеру, он ускоряет темпы, активизирует, нажимает, толкает, торопит. Слова при этом он произносит самые высокие, о том, что задание почетное, что родина ждет и что все должны быть патриотами и что народ скажет спасибо. Говорит словами газетной передовицы. И о строительстве коммунизма говорит Алгери, а в уме его только одно: поскорее уехать из села, в котором он попал в неприятную передрыгу.

Конечно, тут сыграла роль встреча с Цициной. Но были еще кое-какие дополнительные обстоятельства.

Алгери рос без матери, воспитывала его тетя, женщина энергичная, расчетливая и, как говорится, пробивная. Между прочим, именно она устроила так, что ее воспитанник получил место главного инженера на строительстве этой электростанции. Тетя считала, что электростанция сыграет решающую роль в дальнейшей судьбе Алгери. Она правильно понимала, что после главного инженера младшим или каким-нибудь там заместителем, помощником уже не пошлют.

Эта самая тетя и встретила в штыки новость, что Алгери хочет жениться на девушке из села Новолуния.

Алгери сам по простоте душевной поделился своими чувствами и намерениями и в первый момент был неприятно поражен словами тети:

— Зачем тебе нужна эта деревенская девка? Ты знаешь, сколько у них, деревенских людей, бывает родственников? И каждый будет приходить, как к себе домой, со своими котомками и мешками. У тебя будет не дом, а проходной двор. Разве у нее хватит культуры и воспитания, чтобы содержать на высоком уровне твою городскую квартиру? К тебе будут приходить большие люди, министры. Ты сам первый начнешь стесняться своей простушки жены. Кроме того, ты будешь расти. Сейчас ты главный инженер, а потом будешь директором или министром. А она как была, так и будет деревенской учительницей.

Тетя наговорила еще много подобного вздора, и Алгери сначала и не слушал ее и даже возмущался, но потом начал задумываться и колебаться.

Эти колебания как раз и совпали с неожиданной встречей в Сухуми. Цицина появилась вовремя и перетянула чашу весов.

Читателю неожиданным покажется такой поворот событий. Что ж? Если бы я занимался сочинительством, я бы сочинил более правдоподобную историю, но я не сочиняю, а рассказываю, как все было на самом деле. Жизнь ведь не заботится о том, чтобы казаться правдоподобной. В жизни случается еще и не то. Один мой приятель обручился с девушкой и уже готовился к свадьбе, как вдруг она вышла за другого. Никто не мог и подумать. Мой приятель обиделся и скорее женился чуть ли не на первой встречной, чтобы только отомстить обманщице. Вот какие дела происходят в жизни! Повстречавшись с Цициной, Алгери невольно начал сравнивать ее с Амрой, и все сравнения выходили в пользу Цицины. Да, они, эти девушки, — небо и земля. Если уж

подниматься вверх по жизненной лестнице, надо хорошенько подумать. Все обращают внимание на Цицину, оборачиваются на них с Алгери, когда они идут вместе. Цицина вполне городская, изысканная девушка. А профессия у нее — хирург! Все люди, которых она спасет от смерти, будут благодарить ее, она будет окружена почетом. Ну и материально тоже... не последнее дело. Одним словом, когда Алгери представил себе свою будущую жизнь вместе с Цициной, у него захватило дух. Жизнь представлялась сладким раем.

А мысли Амры, повторяясь все время, возвращались к тем первым дням, когда появились на дворе Харзамана два незнакомых человека, два инженера, и разговаривали под дубом и один инженер попросил воды...

День за днем, улыбку за улыбкой перебирает Амра. Если в конце концов вон к чему пришло дело, то почему же сердце в первые дни подсказывало Амре, что тут ее судьба? И она поверила этой подсказке и улыбнулась Алгери и пришла к нему на свидание, тогда как никого до сих пор не подпускала близко и не обнадеживала. Казалось, глаза Алгери всегда смотрели на Амру, ничего не скрывая и не утаивая. Ни взгляды, ни жесты, ни руки, когда они так или иначе прикасались к Амре, не внушали никаких подозрений, не давали повода думать об Алгери как-нибудь плохо. На красивом лице Алгери никогда не появлялось никакой темной тени. Где же таилось в нем все то, что в конце концов высунулось наружу? Амра бесконечно возвращалась в своих мыслях к этому вопросу и думала бы и еще, но тут ее мысли перебили учителя и учительницы шз ее школы, пришедшие ее навестить. В этот день, словно зная, как плохо на душе у Амры, к ней то и дело заходили люди, и вот теперь пришли ее коллеги, товарищи по работе. Учителя сидели молча, только присутствовали, зато подружки Амры, учительницы, щебетали без умолку, передавая все новости и сплетни. Женщины, значит, всегда остаются женщинами и знают свое дело, если даже они учительницы.

Не успела Амра после их ухода остаться одна, не успела еще улыбка сбежать с ее лица, как появился Татей. Он бросился к своей учительнице и поцеловал ее.

— Что случилось с тобой, Амра, как все это произошло?

— Ничего опасного. Иногда поскользнешься и на ровном месте. Это бывает, но теперь все позади и ничего страшного нет.

— Но как же это могло произойти?

— А ты совсем вырос, Татей, — заговорила Амра, стараясь перевести разговор на другое,

— ты уже взрослый парень. Давно ли приехал в Новолуние?

— Да сегодня, сейчас. Я ничего ведь не знал. Встретилась в Сухуми Агра, она мне все и рассказала. Я сразу же поехал сюда.

— Как твои дела?

— Что с моими делами, они идут прекрасно... Но как же это могло случиться?

— Ты не написал никакой еще новой песни?

— Написал кое-что. Но, Амра...

— А дедушку видел?

— Да нет. Я еще никого не видел. Я прямо сюда.

— Наверно, поводишься с ним?

— Разумеется, повидаюсь.

— Он обрадуется.

Амра так и не дала Татею свести разговор к ее болезни и вообще к происшествию.

В этот день последним посетителем у Амры был деревенский костоправ Амтон. Он долго просидел около больной. Сначала рассказывал разные истории из своей жизни, а потом сказал:

— Амра, покажи мне, пожалуйста, свою ногу. Доктора докторами, но и Амтон кое в чем разбирается.

Он сам развязал ногу Амры и внимательно ее осмотрел и прощупал.

— Ничего, ходить будешь, — сказал он под конец. — Я вот принес тебе палку. Сам

вырезал. Ходи и опирайся на нее. Сначала будешь прихрамывать. Но от этого твоя походка будет еще красивее.

— Спасибо, Амтон, на добром слове.

— Будь счастлива, Амра, поправляйся.

XXVI

Харзаман любил иногда зайти в сельсовет. Там можно поговорить с председателем обо всем. Любит Харзаман неторопливую беседу, которая затронет и урожаи, и ферму, и войну во Вьетнаме. Всякая мелочь в селе должна интересовать председателя сельсовета, всякая мелочь интересна и Харзаману.

Харзаман так понимает, что государство должно видеть каждый уголок земли, даже такой маленький, как Новолуние. Вот оно и заглядывает в каждый уголок глазами председателей сельсоветов.

Кроме председателя сельсовета оказался тут еще и председатель колхоза. Ну что же, тем лучше, веселее будет беседа. Слово за слово перебрали все дела: и деревенские, и внутренние, и внешние, и большие, и маленькие, от забора вокруг фермы до американского президента. Харзаман уж встал, чтобы попрощаться и идти, как вдруг оба председателя завели издали разговор, весьма неприятный для Харзамана. Они, как видно, чувствовали, что этот разговор будет неприятен старику и, может быть, даже приведет его в ярость, поэтому и начинали издали. Но Харзаман сразу понял, к чему они клонят.

Как сразу переменялся человек. Только сейчас он добродушно обсуждал вопрос, кто будет американским президентом, и добродушным было его лицо, и он усмехался, а теперь через минуту вскочил, глаза округлились, налились кровью, голос стал отрывистым, — другой человек, да и только.

Председатели, правда, не очень удивились перемене. Они знали, что самое больное место Харзамана — это его дом, его хозяйство, его земля. Он добрый человек и легко сближается с людьми. Но только скажи что-нибудь плохое про его хозяйство или задумай сделать в ущерб, так сразу рассердишь старика, и потом он долго не может успокоиться и прийти в себя.

Речь теперь шла о том, чтобы на той половине усадьбы, которая осталась по другую сторону дороги и пустует, поселить нового человека и чтобы он построил там дом и завел свое хозяйство.

— Что же, другого места не нашел тот человек, который пристал к вам с ножом к горлу?

— спросил Харзаман, несколько успокаиваясь, потому что не мог же он уйти совсем рассерженным, хлопнув дверью.

Может быть, председатели сразу сказали бы Харзаману, кого они намерены там поселить, но, видя, как Харзаман сердится, побоялись. Вгорячах он может свою ярость перенести и на того безвинного человека и навеки с ним поссориться. А зачем ссориться двум человекам, если они оба хорошие и добрые люди. Как ни старался Харзаман выведать, о ком идет речь, председатели не выдали.

— А может, ему лучше поселиться прямо на моем дворе? Зачем по другую сторону дороги? Прямо у меня на дворе, прямо у самого крыльца. Пусть строит дом, а мы будем обходить его то справа, то слева.

— Если ты так на это смотришь... — сказал один председатель.

— Если тебе так не нравится наша идея... — поддержал другой.

— Вы председатели, ваша воля, ваша и власть. Делайте, как считаете нужным. Но тогда зачем было и спрашивать?

От сельсовета до дома Харзаман шел возбужденным, даже не заметил дороги. Он не пошел сразу в дом, а завернул на тот участок земли, который отрезала дорога от его усадьбы и на котором собирались теперь кого-то поселить...

«Что это за напасти на меня, — думал Харзаман, оглядывая землю, на которую успела уже лечь печать запустения.— Как будто уже нет в нашем селе необжитых земель, как будто мало земли и вокруг села, обязательно надо им поселить человека у меня под носом, чтобы чужой дом торчал всегда в глазу, как колючка. Там ведь мой родник, к которому я всегда подходил свободно, хоть и нужно теперь для этого переходить через дорогу. А как тогда я буду ходить к роднику по чужой земле, по чужой усадьбе? Только не хватало, чтобы и могилы моих предков оказались на чужом участке. Кто поселится, неизвестно, какие люди, хорошие или плохие. Начнут сыпать мусор на могилы предков. Как раз там удобное место для мусора, в дальнем углу под скалой. Хотя бы об этом подумали, товарищи председатели».

Походив по заброшенной, пустующей земле, Харзаман отправился на ферму. Мы сразу заметили, что старик не в духе. Но в таких случаях у него трудно узнать, что случилось. Он обходит людей, уклоняется от разговора, молчит. Однако на другой день я заметил, что Харзаман охотится за мной, как всегда, когда ему хочется что-нибудь рассказать или серьезно поговорить. Но он еще не надумал, как это лучше сделать. Я уже давно знаю Харзамана, знаю, когда из него не вытянешь слово никакими силами, а когда у него самого просятся слова и он их не в силах в себе держать.

Мое предчувствие не обмануло меня. Утром мы выгнали скот на пастбище и уселись на камнях погреться на солнышке. Солнце только еще выплыло из-за горы и грело приятно, не жарко, не обжигая. Тут-то старик и начал свой разговор, который томил его эти дни: — Дад, Алоу, ты помнишь или забыл, как мы с тобой здесь же, на этих камнях, разговаривали о нашем селе? Ты еще сказал тогда, что для тебя Новолуние дороже всего на свете.

— Как не помню!

— Но что-то я с тех пор не слышу, чтобы ты снова об этом упоминал. Как видно, ты охладел к нашему селу, разлюбил.

— Как разлюбил? Не обязательно ведь каждый день говорить о том, что любишь. Бывает, муж с женой живут много лет и любят друг друга, но об этом не говорят.

— Так-то так. Но муж и жена подтверждают свою любовь делами.

— Какими же делами я должен подтвердить свою любовь к Новолунию?

— Тот, у кого нет корней, подобен осеннему листу. Его ветер носит с места на место, и везде он чужой.

— Разве я так слабо связан с селом и с землей, чтобы ветер трепал меня, как захочет?

— Нет, как ты можешь так говорить? Но я подумал, если ты все равно уж любишь наше село, если тебе нравится это место на земле, то не завести ли тебе свое хозяйство. Правда, у Зафеса, где ты живешь, тоже как все равно твой дом. Да и у нас ты был как у себя дома. Но все же он и свой, да не свой. А когда свой дом, и своя земля, и свой дымок над очагом — это гораздо лучше.

— Наверно, так и есть. Я и сам не раз думал об этом. Рано или поздно придется закладывать фундамент своего дома. Но если мне удастся, как я хочу...

— Что значит удастся?! Мы ведь все здесь. Разве мы тебе не поможем?

— Спасибо, дорогой Харзаман.

Да, как он любит говорить о хозяйстве, о крестьянствовании. Крестьянин с ног и до головы, он не только сам связан корнями с землей, не только сам любит ее, но и другого, относящегося к земле прохладно заставит ее любить.

— Молодец, дад, что ты уже думал о своем хозяйстве. А не думал ли ты о месте, на котором обосноваться. Может, ты выбрал уже и место?

— Да нет, пока ничего определенного я на примете не держу.

— Тебе дадут любое место, на какое ты покажешь пальцем.

— Кто их знает.

— Как это кто знает, иначе и быть не может. Кто же есть у них лучше тебя, кому надо дать самый хороший участок, и притом в первую очередь.

— Земля — это дело тонкое. Она вездь принадлежит не председателям, а всему народу.

— Так пусть они спросят у народа. А если народ откажется дать тебе землю там, где ты покажешь, я сбрею свои усы! Что ты такое говоришь? Как не стыдно!

— Да нет, просто я никого не хочу обидеть. А вдруг земля, на которую я покажу, нравится уже другому?

— Никого ты не обидишь. Всех новолунцев только обрадует, если ты останешься у нас. Харзаман поглядел на меня испытующим взглядом и продолжал:

— Слушай-ка, что я хотел тебе сказать. Есть одно место на примете. Да нет... Оно тебе не понравится. Оно тебе, как видно, уже не понравилось, а то бы ты не обошел его стороной.

— Какое такое место?

— Да нет, видно, оно тебе не нравится.

— Какая же земля в Новолунии может мне не нравиться?

— Как бы не получилось, что я тебе навязываю эту землю. Но ведь половина моей усадьбы, отрезанная дорогой, совсем свободна. Там ведь ты впервые поставил свою ногу, когда приехал к нам и вошел в нашу семью. Земля эта все равно пустует. Взял бы ты ее себе. Бог свидетель, я, не кривя душой, рад был бы иметь такого соседа. Она ведь все равно пустует, эта земля. Если ее отдадут другому, мне будет казаться, что ее у меня отобрали. А если ты обоснуешься на этой земле, значит, я сам ее тебе подарил.

— Я верю, что ты искренне хочешь и искренне говоришь... только ведь все равно получится, что я торчу перед твоими глазами, как колючка.

«Откуда он знает, что я думал про колючку? — удивился про себя Харзаман. — Вот люди, не успеешь о чем-нибудь подумать, а они твою мысль уже преподносят тебе на ладони».

— Как тебе не стыдно! Какая колючка? Если бы поселили чужого человека, может, он и правда колол бы глаза. А ты... Разве я могу пожелать лучшего соседа? Такой сосед, как ты, чего же мне больше надо? Хороший сосед — вторая душа, это известно. Вот я и хочу, чтобы у меня был хороший сосед. Но, конечно, если тебе не хочется иметь соседом старого Харзамана...

— Да нет. Для меня-то куда уж лучше! Но ведь эта земля полита твоим потом и потом твоих предков. Там в каждый камень вложен ваш труд.

— А, дад, жалеть надо то, что потеряно для людей. То, что им на пользу, жалеть не надо. Если я вижу, что мой труд приносит добро, то я радуюсь, а не огорчаюсь... Если земля будет пустовать, это обидно. Тогда можно считать, что труд, вложенный в нее нашими предками, пропал даром... Если земля достанется плохим людям, тоже обидно. А если землю возьмешь ты, какая же это потеря? Я только рад.

Улучив первый удобный момент, Харзаман спустился вниз и направился в сельсовет. Как видно, он решил всерьез взяться за тех людей, которые первыми же и подняли вопрос о его земле. Председатели сначала испугались Харзаманова появления. Они подумали, что он собрался с силами и пришел воевать. И действительно, Харзаман еще с порога перешел в нападение.

— Эта земля, моя земля, что за дорогой, она вам поперек горла встала, что ли? Почему вы из всех земель Новолуния выбрали мой участок?

— Погоди, Харзаман... — начал один председатель.

— Мы ведь тебя не насилуем... — подхватил другой.

— Что вы все насилуем да насилуем. Я о другом говорю.

Председателям стало казаться, что Харзаман вовсе не сердится, пришел, все обдумав, чтобы согласиться с их предложением.

— Разве я сказал, что уже поселили кого-нибудь насильно. Но понимаете ли вы одно: что ведь в этой земле мой труд?

— Как не понимаем!

— Не забываем этого никогда.

— Кого же вы избрали без меня, чтобы там поселить? Я не против поселения. Но кого вы избрали без меня? Могли бы сказать мне. Должен я знать или не должен, кто будет моим

соседом?

— Как не должен?

— Конечно, ты должен знать.

— Тогда почему же вы скрываете?

— Мы не скрываем. Мы хотели тебе сказать, но не успели. Ты прошлый раз ушел, не захотел нас дослушать.

— Что я должен слушать? Не хочу я вас слушать. Мало ли кого вы захотите там поселить. Там должен жить человек, которого я сам захочу взять в соседи.

— Прекрасно.

— Мы разве возражаем?

— А если будете возражать, только себе устроите лишние хлопоты. Я хочу, чтобы рядом со мной жил только один человек. Никого другого я не хочу. А если вы ему откажете, не надейтесь, что кто-нибудь другой ступит на эту землю. Ничьей ноги там не будет, если даже этим человеком окажется мой сын Алиас. Пока я жив, ничья другая нога...

— Но кто же он, твой желанный сосед?

— Твое желание для нас закон. Но говори скорее, кого ты хочешь, мы и так слишком заговорились.

— Так вот, слушайте. Уж если вы решили обязательно кого-нибудь поселить около меня, то я хочу, чтобы этим человеком был Алоу. Да, Алоу, наш ветеринар.

— Алоу?

— Нанба?!

Председатели поглядели друг на друга и едва не расхохотались. Они, конечно, расхохотались бы, если бы не знали, что над словами уважаемого пожилого человека в Абхазии смеяться нельзя.

— Так ты хочешь Алоу?

— Алоу Нанба?

— Я сказал и не хочу больше ни слова слышать по этому вопросу. Этот вопрос решен. — Харзаман решительно встал, чтобы уйти.

Председатели вышли на улицу вместе с Харзаманом, чтобы проводить его. Председатель сельсовета сказал:

— А ведь и мы, Харзаман, хотели отвести твою землю Алоу.

— А! Зачем же вы мне столько времени морочили голову? Я из-за вас пережил столько неприятных минут. Сказали бы сразу, и все бы решилось безболезненно...

— У нас не было и мысли, чтобы идти против твоих мыслей, Харзаман. Но мы не успели тебе сказать. Ты ведь ушел, не дослушав нас.

Харзаман, как видно, решил все уяснить до конца. Поэтому он спросил:

— Что же, Алоу сам выбрал эту землю или вы ему навязали?

— Он выбрал сам.

— И вы ему не подсказывали?

— Ничего мы ему не подсказывали, он пришел к нам и сам попросил.

— Что же вы заставляете кошку своей же лапой воровать своего же котенка?

Все трое наконец рассмеялись.

Что касается самого меня, то я не буду вас томить пустыми словами. Все совершилось очень быстро. Я взял землю, которую мне предложили, и обосновался на ней. Есть пословица: «Дружно не трудно, а врозь — хоть брось». Так, кажется, она говорится. Можно сказать еще и так: «Один хоть брось, а дружно не трудно». Сколько людей пришло, чтобы помочь мне! Они не дали мне забить ни одного гвоздя. Не дали положить ни одного камня. Все сделали сами. Как в сказке, за каких-нибудь пять дней на моей усадьбе (да, да, на моей усадьбе!) вырос небольшой аккуратный домик. Я задумал со временем построить хороший двухэтажный дом, такой же, как у других жителей Новолуния. Но на первый случай я не мог желать лучшего. Харзаман и Алиас тоже трудились вместе со всеми. Они не отошли от домика, пока он не был готов.

Жители Новолуния, увидев, что я искренне полюбил их село, что я не какое-нибудь перекасти-поле, а решил всерьез врасти корнями в их землю, несли мне всякую всячину, как приданое невесте. Один принес добрый котел, в котором можно варить и душистую мамалыгу, и еще более душистое мясо, другой принес надочажную цепь, на которой мы этот котел тут же и повесили, чтобы он всегда висел над веселым домашним огнем. Известно: где огонь, там и жизнь. Третий принес лопатку для мамалыги, чтобы можно было раздавать мамалыгу гостям или членам семьи, если у меня появится в будущем семья... Четвертый принес стаканы, чтобы было во что наливать душистое и терпкое абхазское вино. Короче говоря, когда я вселился в новый дом, я увидел, что у меня есть уже в хозяйстве все необходимое на первый случай и что, если сегодня заглянет гость, у меня есть на что его посадить, есть в чем приготовить еду, есть в чем ее подать. Как иногда быстро все совершается в жизни. Еще несколько дней назад я был в Новолунии приезжим человеком, не имевшим ни кола ни двора, а теперь смотри-ка, у меня и земля, и труба, и даже дым из трубы.

А главное, я опять оказался вблизи Амры. Ну, правда, не так близко, как в первые дни, когда я мог слышать через перегородку ее дыхание, но все же голос ее и теперь услышу, если она будет разговаривать с матерью, с отцом, с Харзаманом или с Былгой. Только вот поскорее бы выписывалась из больницы. Мне не терпелось не столько увидеть ее самое, сколько узнать, как она отнесется к моему поселению у нее под боком. Может быть, она расстроится и выскажет недовольство, но, с другой стороны, чем же я могу ей помешать? Она, конечно, ничего не выскажет, но я увижу, что будет написано на ее лице. Я сразу прочту, что там будет написано. Мне не терпится увидеть лицо Амры в ту минуту, когда она узнает, что я, Алоу, поселился в двух шагах, у меня есть теперь земля, дом и даже дым из трубы...

Нетерпение томило меня не очень долго. Неожиданно Амра выписалась и приехала. Впрочем, это только для меня было неожиданностью, потому что родные, наверно, знали, когда она приедет.

То, что мне не сказали заранее о выписке Амры, насторожило и озадачило меня. Конечно, когда я жил в их доме, это одно дело. Тут ничего не скажешь. Но если я буду постоянно околачиваться там и обивать пороги, на Амру сразу же падет тень, и начнутся сплетни, и начнется злословие.

Хотя мне и не сказали, но я сразу увидел, когда машина въехала во двор Харзамана. Мне не нужно было даже глядеть через забор. Ведь забора вокруг моего участка еще не было. Я видел, как Амра вышла из машины, опираясь на палку. Она оглядела двор, и, конечно, сразу же ей на глаза попался мой домик.

— Что это, мама, чей это дом? Еще недавно его не было и в помине.

— Это Алоу построили около нас, — сообщила Дес.

— Хорошего соседа мы заимели, — прибавил Алиас.

— Как прекрасно он сделал, — воскликнула Амра, не умеющая скрывать от людей ни радости, ни обиды. — Поздравляю, Алоу, от души поздравляю, — это она говорила уже мне, потому что я шел в их сторону.

Амра тоже пошла было мне навстречу, забыв про ногу. Думала, что у нее получится легко, как бывало. Но нога мешала. Амра шла мне навстречу с трудом, словно одну ногу ей приходилось вытаскивать из густой грязи. Я быстро подскочил, чтобы не дать ей делать лишних шагов. Потом ее увели в дом.

Я опять запутался в своих чувствах. Если бы точно знать, что на уме у Алгери. Я ведь не знал всей его истории с Цициной и Амрой. Об этом я узнал гораздо позже. А теперь я мучился: то ли Алгери отступился, то ли он опять начнет кружить вокруг Амры, как коршун вокруг певчей птицы. Конечно, все зависит от нее, от самой Амры. Но я ведь не знал, что у нее на душе.

Я подумал, подумал и пошел наверх на строительство электростанции, надеясь там увидеть Алгери. Между двумя темными, почти черными скалами, соединяя их, располагалась белая новая электростанция. Оказывается, в то время, когда я пришел, завинчивали, как говорится, последние винтики, готовились к пуску. В такой момент неудобно было мне отвлекать Алгери моими пустячными разговорами, но я все же отозвал его и принялся за дело:

— Алгери, я опять по тому же вопросу. Ты скажи мне открыто последний раз, как у вас с Амрой, ничего не изменилось?

— У меня с Амрой нет никакого дела, — ответил сердито Алгери. — Это ведь у тебя с ней дела.

— Хватит, Алгери, издеваться и шутить. Я серьезно.

— И я серьезно, — зло усмехнулся Алгери. — Ты ведь хотел, чтобы я ушел с вашей дороги, так вот я и ушел. Путь открыт во всю ширь.

Алгери даже руками развел, чтобы показать, как широко открыт путь.

— Да нет, я не шучу.

— И я не шучу. Кроме того, мне некогда, сегодня пускаем станцию.

— Как сегодня? А митинг? Без митинга?

— Это когда пускали первые станции, митинговали, а теперь... подумаешь, станция.

Знаешь, сколько их? Если каждый раз устраивать митинги... — Он повернулся и пошел от меня, показав, что разговаривать со мной ему больше не о чем.

Удивительный я человек. Поняв, что Алгери действительно освободил дорогу к Амре, я растерялся еще больше, потому что теперь уж сам я должен был предпринимать какие-нибудь действия. Но я не знал, что мне делать. То ли сразу бежать к Амре и ковать железо, пока горячо, то ли посмотреть, что покажет ближайшее время.

В этот вечер Харзаман, как обычно, возвращался домой. Как обычно, он остановился около калитки, чтобы посмотреть на звезды. Не мог он войти в дом, не увидев свою звезду. Он начал ее искать, как вдруг ему показалось, что звезды посыпались с неба на Новолуние, рассыпались, как из пригоршни, застряли в деревьях, в траве, словно высыпались из ведра горячие угли. Земля сразу осветилась, а небо померкло. Из домов, как во время большого праздника, как, например, в Новый год, начали выбегать люди. Некоторые кричали, некоторые стреляли вверх. Дружно во всех концах деревни залаяли псы. Некоторые выли так протяжно, словно наступило светопреставление. А некоторые радостно визжали и лаяли.

С запозданием выскочила из дома и Былга. Она металась по двору и лаяла на каждую лампочку, словно задалась целью лаять до тех пор, пока не погасит. Восторженные крики людей сливались с лаем собак. Вообще все было, как во время большого праздника, например при встрече Нового года.

XXVII

Жизнь хороша! Я знаю, что не я придумал эти слова и не первый их произнес. Жизнь хороша! Это говорили миллионы людей и еще будут говорить миллионы впредь. Что из того, каждый говорит это по-своему, потому что у каждого своя жизнь и у меня тоже своя. Поэтому я говорю так, как никто до меня никогда не говорил: жизнь хороша!

Я живу рядом с Амрой, и нет на свете девушки лучше, чем Амра. Я живу в Новолунии, самом прекрасном месте на всей земле. Куда ни взгляну, все мне знакомо и все радует глаз... По утрам я бегаю вокруг своего домика и делаю физзарядку. Потом я умываюсь у родника. Стою на веранде и смотрю, как из калитки выходит Амра. Она выходит всегда в

одно и то же время, одинаковыми движениями отодвигает задвижку, оборачивается ко мне, приветливо машет мне рукой и начинает спускаться по дороге.

— Здравствуй, Амра, — говорю я ей. Я говорю тихо, и голоса моего она не слышит, но я тоже машу ей рукой.

Все. Теперь этого утреннего счастья мне хватит до вечера. А там и на всю ночь до другого утра, когда я опять сделаю физзарядку, умоюсь из родника и встану на веранде, ожидая, когда Амра выйдет из калитки и обернется ко мне.

И на работе у нас дела шли хорошо. Харзаман относился ко мне, как к родному сыну, а может, даже и лучше. Когда люди работают вместе, не ссорятся, а, наоборот, любят друг друга, тогда не работа, а счастье.

Вскоре нам на ферму провели электричество, и приехавший техник установил аппаратуру для электрической дойки. Харзаман до самой последней минуты горячился и убеждал нас, что абхазские коровы не дадутся, чтобы их доили этими уродливыми подвесками. Но коровы стояли смиренно, а если и вздрагивали ногой или махали хвостом, только для того, чтобы отогнать муху. Харзаман глядел на электрическую дойку с недоумением. И было видно, что он разочаровался в абхазских коровах раз и навсегда.

— Оказывается, покладистые коровы у тебя, — сказал он Зафесу, заведующему фермой.

— Да, они все в меня — спокойные, умные, по-пустому не сердятся.

— У тебя не коровы, а тряпки, если позволили прицепить эти уродливые штуки.

Попробовали бы вы прицепить их моим козам. Даже больная, какая-нибудь совсем издыхающая коза не подпустит вас близко с вашим электрическим током. Да уж поверьте мне. Если я сказал — не подпустит, значит, не подпустит.

— Мы верим. Животные, они нравом и умом в тех людей, которые за ними ухаживают.

Харзаман сделал вид, что не слышит каверзы Зафаса.

На другой день мы с Харзаманом сидели в шалаше и слушали радио. Сначала передавали последние известия, потом был маленький перерыв, а потом диктор торжественным, как мне показалось, голосом сказал: «Говорит Сухуми, говорит Сухуми. Прослушайте новую песню студента Сухумского музыкального училища Татей Ахба. Песня называется «Солнце встает у нас».

Харзаман схватил меня за руку.

— Слушай, что он говорит? Он говорит, что будут петь песню нашего Татей? Я не ослышался?

— Нет, так он и сказал.

Мы замерли на своих местах и стали слушать. Что было написано на лице Харзамана, невозможно передать словами. К радио он, конечно, давно привык, мы все привыкли.

Даже в шалаше у нас батарейный приемник. Но чтобы знакомого человека, чтобы нашего Татей услышать по радио, это было удивительно, и он не скрывал своего удивления. Он весь насторожился, боясь пропустить не только звук, но и шорох.

В приемнике действительно сперва слышался шорох и треск, а потом уже полилась музыка.

Мы сидели в шалаше на горном пастбище. Вокруг нас была во все стороны наша абхазская земля. А музыку написал Татей. Когда он ее сочинял, то смотрел на эти же самые места. Или, во всяком случае, думал о них, и вот теперь получилось так, что музыка и земля, музыка и красота земли слились воедино. Нам казалось, что это не из маленького приемника вылетает музыка, но что зазвучала сама абхазская земля: и эти поляны, и эти скалы, и эти деревья, и эти тропинки, и та отдаленная гора. Но в то же время песня звала нас куда-то выше от земли, куда летают только наши сильные горные птицы.

Мы слушали затаив дыхание, словно боялись помешать музыкантам и певцу. У Харзамана был такой вид, что если бы я был художником и если бы мне понадобилось написать картину «Счастье старого абхаза», то я и написал бы Харзамана в том самом виде и с тем

выражением на лице, которое у него теперь было. Он, должно быть, тоже вспоминал о нашей абхазской земле, и если бы ему нужно было сейчас высказаться о ней, то я уверен, что он сказал бы так:

— Да, это наша родная, прекрасная земля. Она прекрасное олицетворение мира, и прекрасны люди, живущие на ней. Нам, абхазцам, достался этот уголок большой земли. Что ж, мы не жалуемся, мы ее любим. Приходите к нам в гости. Больше всего на свете мы любим гостей, любим радоваться их приходу. Мы эту землю за много веков полили горячим потом и горькими слезами. За это она доставляет нам сладкую радость. Я уверен, что Харзаман сказал бы что-нибудь в этом роде.

Вскоре я поехал в город сдавать государству сыр. Быстро управившись с делами, я решил прогуляться по городу, пройтись по набережной около моря. Навстречу мне попались Алгери с Цициной. До Новолуния уже дошел слух, что они поженились. У нас в Новолунии всегда все знают, что произошло в разных концах Абхазии.

«Ну что ж, — подумал я, — если они любят друг друга, пусть будут счастливы». Хотя между мной и Алгери пробежала в свое время черная кошка, я теперь все забыл и обрадовался ему, как другу.

— Алгери, — чуть не закричал я, — давно тебя не видел! Что ты не появляешься в нашем Новолунии?

— Время, время, — нетерпеливо ответил мне Алгери, — дела.

— Неприятности какие, что ли? — спросил я по простоте душевной.

— Какие могут быть неприятности! Некогда. Ты что, не понимаешь, как человек может быть завален работой?

— Где-нибудь опять строишь электростанцию?

Улыбка презрения искривила губы Алгери.

— Разве в одном месте! Что такое одна электростанция? Это все было в прошлом.

— Да, если так, то тебе, конечно, некогда. Две сразу, что ли? Если они недалеко друг от дружки, то успеть можно...

Алгери смотрел на меня, как на бестолкового мальчишку, которому невозможно втолковать какую-либо взрослую мысль, потому что он до нее не дорос.

— При чем здесь две? Я теперь являюсь главным инженером всех сельских электростанций. Главным инженером управления. Понимаешь?

— А, — сказал я ему вслух. Про себя же подумал: «Наверно, когда встретимся в следующий раз, он уже будет министром».

Я пошел дальше по улице. Около чайной фабрики я увидел Агру, которая остановила парня, спешащего к проходной, и что-то говорила, говорила ему, не давая опомниться. Я окликнул ее. Агра тотчас узнала меня и хотела подбежать ко мне, но, как видно, боялась, что парень тем временем уйдет в проходную. Поэтому она издали сообщила:

— Прекрасно себя чувствую, Алоу! Я знаю, что и у тебя все неплохо. Молодец, так и надо. Привет!

После этих слов она повернулась к парню. Весь вид ее говорил: «Вот видишь, не один ты парень на свете. Видишь, и я разговариваю с человеком не хуже тебя. Видишь, я стою с городским парнем, а ты отправляйся к себе в Новолуние, к своим коровам».

Ну что ж, Агра есть Агра. Всегда она останется сама собой.

Домой в Новолуние я приехал в сумерки. Я стоял около своего дома и смотрел вниз на деревню. Сначала мне видно было сквозь зелень деревьев, как течет Аалыпста. Вернее, я слышал ее шум. А сама она показывалась только временами, как трепещущая рыбина. Вот она сверкнула серебром между деревьев, словно показала свой бок, и снова скрылась. Вот на повороте сверкнула белизной рыбьего брюха, а потом около самого берега словно ударила хвостом и ушла в море.

Вскоре включили свет, и деревня внизу зажглась цепочкой огней. Я смотрел на деревню

почти как с самолета. По дороге шли машины, светя фарами. Я знал, что это они везут в город табак, наш табак, выращенный здесь, в Новолунии. Погода установилась хорошая, бригада Алиаса днем и ночью занималась разборкой и тюковкой золотого абхазского табака. Но и тем, кто не был занят сейчас на упаковке табака, хватало работы. Только тот, кто не знаком с выращиванием табака, думает, что осенью и зимой табаководам нечего делать... Круглый год земля требует внимания и ухода. Надо готовить почву под рассаду, нужно приготовить навоз, золу, да мало ли, всего не расскажешь!

Алиас все еще возился со своей низальной машиной. Пока, правду сказать, ничего путного из этой машины не вышло. Дело новое, незнакомое, но Алиас упрямый человек. Он ни за что не хочет отступить.

Немного ниже моего дома (кстати, милости прошу в гости, когда будете в наших краях) стоит дом Татея. Иногда я вижу его, когда он приезжает на воскресенье из Сухуми. Вдруг я резко поворачиваюсь к дому Харзамана, как будто меня тянет магнит или предчувствие. Так и есть. Это Амра вышла на балкон своего дома. Она смотрит в мою сторону. Но веранда у меня не освещена, и она, наверно, меня не видит, я сливаюсь с черной стеной.

Вот она спустилась, пошла по двору, вышла через калитку на дорогу. Неужели она идет ко мне? Этого не может быть. Ни одна абхазская девушка не может пойти на такой поступок — зайти вечером в дом к одинокому мужчине. Ведь если кто-нибудь увидит или даже услышит из третьих уст...

Но что это? Амра пересекает дорогу, подходит к моей калитке, останавливается. Нет, нет. Этого не может случиться. Амра разбирается в достойных и презренных для абхазки поступках. Так и есть. Постояла и пошла по дороге вниз, к деревне.

Двор у меня еще не загорожен как следует со всех сторон. Я решил быстро обогнуть бугор, опередить Амру и пересечь ей дорогу. Теперь я иду в гору к нашей деревне, к нашим домам. Амра идет от наших домов к деревне. Сейчас мы повстречаемся, будто случайно. Откуда она знает, что я пошел на хитрость? Она же не видела меня на веранде? Да и что плохого в том, что я попадусь ей навстречу? Я ведь не с плохими мыслями выхожу к ней на дорогу. Я ведь не грабить и не убивать. Я ведь только сказать «добрый вечер», этого для меня довольно.

— Ай, кто это, Алоу! Как напугал.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер, Алоу.

Амра посторонилась, чтобы я прошел мимо нее. Но я остановился. Мы вместе пошли вниз и дошли до самого моря. Теперь мы смотрим на Новолуние снизу, со стороны моря, и деревня нам кажется еще прекраснее.

— Как красива отсюда наша деревня!

— Да, теперь, когда огни, она похожа на теплоход, отдыхающий у причала. Помнишь, здесь стоял теплоход «Абхазия». А эти волны, они разбиваются точно не о берег, а об отвесную обшивку теплохода.

Мы пошли вдоль берега моря. Только теперь я обратил внимание, что Амра вышла на прогулку без палки... Она, правда, прихрамывала самую малость, но это ей так шло, точно она нарочно выбрала себе такую походку, чтобы еще больше нравиться.

Взошла луна и постелила на море широкую серебряную дорожку. Мы остановились и смотрели на нее. Мы стояли близко друг к другу. Позади нас была наша добрая абхазская земля, наша деревня с ласковыми огнями, а впереди нас было море с лунной дорожкой.

— Сейчас теплоход «Абхазия» отправится в море, — сказал я.

— Да, и мы поплывем. Послушай, Алоу, правда ли, что ты однажды сказал одному человеку, будто ты любишь Амру и дело с Амрой у тебя уже слажено?

— Да, сказал.

— Но почему же ты ничего не сказал самой Амре?

— Потому что, если бы я сказал, она все равно бы не услышала. Она была занята другим.

— А теперь?

— А теперь...

Я повернулся к Амре, и неожиданно мы взяли за руки. Мы стояли и молчали, и нам казалось, что огромный, светлый теплоход «Абхазия» отчалил и плывет по тихому морю. И что мы поплывем далеко, будем заходить в каждую страну и будем кричать всем людям:

— Смотрите, мы приплыли из Новолуния. Из самого прекрасного места на свете! Солнце, которое освещает всю землю, встает у нас. Мы из Новолуния. Приезжайте к нам, посмотрите, как вы живем! Слышите, мы из Новолуния!

1968